

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2022

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета»

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф.

Ш.Р. Басыров, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**,

д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,

Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацero** (Тульский государственный

университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**,

д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль

Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф.

В.А. Лабунская (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация),

канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая

академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская

Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков**

(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук,

проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф.

Е.В. Филатова, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**,

канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor

of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor

of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian

Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology,

Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation),

Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušchenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern

Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**,

Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof.

S.Ye. Kremzikova, Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof.

A.V. Petrov (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol,

Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology,

Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of

Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of

Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology,

Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24,
83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, levi121@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 5 от 31.05.2022 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2022

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 1/2022

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Калинкин В. М.* Опыт лингвоисториографического осмысления словарных предприятий в области медицины в трудах Н.Е. Касьяненко 4
- Домашенко А. В.* Уроки Вячеслава Иванова 12
- Дубровская Т. В.* Мир русской литературы в детском журнале «Пионер» 1970-80-х годов 20
- Дмитриева Ю. Л.* Пространственные модели мира в современной лингвистике 27
- Лешкова Н. В.* Прецедентность православного дискурса 34
- Отина А. Е.* Концептуализация мира в языке и синтетическая наука лингвокультурология 40
- Першина Кл. В.* Собственные имена в поговорках сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» 47
- Фатьянова И. В.* Американский политический дискурс XX-XXI ст.: коммуникативные стратегии манипулирования и давления в президентских выступлениях 54
- Ярошенко Н. А.* Структурно-семантическая классификация топонимов города Новоазовска 64
- Ладнова Е. В.* Топонимикон г. Дебальцево: лингвокультурологический аспект 74
- Молодцов А. Б.* Поэтика сказки в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» 82

Психология

- Гаранина Ж. Г. Лашина А. И.* Особенности профессиональной направленности специалистов различного профиля 90
- Новикова Е. В.* Профилактика и управление межличностными конфликтами 96
- Руденко С. В.* Структура социальной идентичности студентов 106
- Правила для авторов 114

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 1/2022

CONTENTS

Philology

<i>Kalinkin V.M.</i> Experience of linguo-historiographic treatment of medical terminography in works by N.E. Kasyanenko	4
<i>Domashchenko A.V.</i> Lessons by Vyacheslav Ivanov	12
<i>Dubrovskaya T.V.</i> The world of Russian literature in the children's 'Pioneer' magazine (1970-80s)	20
<i>Dmitrieva J.L.</i> Spatial models of the world in modern linguistics	27
<i>Leshkova N.V.</i> Precedence of Orthodox discourse	34
<i>Otina A.E.</i> Conceptualization of the world in language and linguoculturology as synthetic science	40
<i>Pershina Kl.V.</i> Proper names in paremias in the collection «Proverbs of the Russian people» by V. I. Dal	47
<i>Fatyanova I.V.</i> American political discourse of the XX-XXI centuries: communicative strategies of manipulation and pressure in presidential speeches	54
<i>Yaroshenko N.A.</i> Structural and semantic classification of godonyms of Novoazovsk	64
<i>Ladnova E.V.</i> Godonyms of Debaltsevo: linguistic and cultural aspects	74
<i>Molodtsov A.B.</i> Poetics of a fairy tale in the novel "Doctor Zhivago" by B. Pasternak	

Psychology

<i>Garanina Zh.G., Lashina A.I.</i> Peculiarities of professional orientation of specialists in different fields	82
<i>Novikova E.V.</i> Interpersonal conflicts prevention and management	88
<i>Rudenko S.V.</i> Structure of students' social identity	98
Guidelines for authors	106

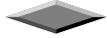
К юбилею доцента кафедры общего языкознания и истории языка
имени Е.С. Отина ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Нatalьи Евгеньевны Касьяненко

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.46«17/18»

ОПЫТ ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ В ТРУДАХ Н.Е. КАСЬЯНЕНКО

© 2022 *В.М. Калинин*

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»

Представлены опыты лингвоисториографического осмысления путей развития медицинской терминологии и лексикографии в России, преимущественно в XVIII веке в публикациях Н.Е. Касьяненко. Уделено внимание анализу приёмов описания медицинской лексики на ранних этапах становления терминологии в наиболее презентабельных трудах указанного периода. Определена их роль как в развитии принципов и правил представления специальной лексики в словарях общего типа, так и в комплексных лексикографических описаниях медицинской терминологии как специфической терминосистемы в русской науке.

Ключевые слова: история развития, лексикография, медицинская терминология, терминология.

Введение. В современной практике филологических, преимущественно лингвистических, научных исследований не так уж часто обращаются к изучению наследия, довольствуясь опорой на ближайшие по времени опубликования работы аналогичного свойства. Хорошо это или плохо, объективно оценить сложно. Однако, одно несомненно: только глубокое и всестороннее знание предшествующего опыта, изученного и освоенного в горниле современного, может обеспечить исследователя, в особенности, начинающего, полноценным инструментарием для собственных разработок. Более того, новое прочтение наследия чревато далеко не тривиальными открытиями для современных исследований. Культивирование этого методологического принципа как важнейшего и основополагающего в научной работе кафедры общего языкознания и истории языка ДонНУ, продолженное и усиленное её новым руководителем Е.С. Отиным ещё в 70-х годах прошлого века, дало бесценные ростки лингвоисториографического подхода к осмыслению достижений филологов-первопроходцев.

Предлагаемый вниманию заинтересованных читателей очерк посвящён одному из направлений научных интересов Натальи Евгеньевны Касьяненко – ветерана кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина, несомненно обладающей “лицом необщим выраженьем”, к тому же, вопреки Е.А. Баратынскому, безусловно красивой женщины. Речь пойдёт об истории лексикографирования терминов, терминированных сочетаний и устойчивых оборотов, внедрявшихся в русскую науку на заре нового времени, и разными способами фиксирувавшихся на благо её развития первыми российскими “словарниками”.

Основная часть. В самом начале лингвоисториографических поисков в области русского “словарного дела” Н.Е. Касьяненко, в 90-е годы входившая в ядро группы сотрудников кафедры, формировавших “лицо” Донецкой ономастической школы, решила попробовать свои силы в анализе приёмов описания онимов и отонимных

образований в русской несловарной лексикографии XVIII века. (Позволю себе “смелое предположение”: не без благотворного влияния А.Е. Симоненко, главного историка русской лексикографии на кафедре общего языкознания и истории языка). Думается, ей это удалось. Во всяком случае, Е.С. Отин, главный редактор только что основанного им «Восточноукраинского лингвистического сборника», безо всяких сомнений включил её статью [5] в первый выпуск сборника. В дополнение к “смелому предположению” добавлю, что в этом же выпуске ВУЛСа была опубликована работа А.Е. Симоненко так же, как и статья Н.Е. Касьяненко, затрагивавшая проблемы несловарной лексикографии в России XVIII века: «Из истории лексикографии “малых форм”: вводно-терминологические разделы в книгах XVIII в.» [18, с. 52–68]. Надо отметить ещё один момент: лексикографический анализ состава и способов описания онимного материала был органичным продолжением осмысления материала кандидатской диссертации Натальи Евгеньевны, посвящённой отонимным окказионализмам и окказиональным онимам в русском языке [4]. Этот опыт и подготовленный несколькими уже опубликованными работами коллег по кафедре [см: 2; 15; 16; 17], интерес к истории языка медицины направил внимание исследовательницы на ранние опыты словарных предприятий в области медицинской терминологии в русской науке.

Её первая работа [6] из этого цикла (“относительно” хронологический принцип освещения имеет смысл сохранить, поскольку он даёт возможность увидеть живое движение мысли человека, ищущего ответы на отнюдь не ординарные вопросы и, по возможности, избегающего тривиальных решений) посвящена проблемам отображения специальной лексики в переводных словарях общего типа. В материалах англо-русского словаря П. Жданова (1784 г.) Н.Е. Касьяненко сосредоточилась на представлении медицинской терминологии: определила объём, обозначила тематические группы, проанализировала приёмы перевода английских терминов и оценила характер русских соответствий с точки зрения понятийной адекватности и функционального варьирования.

В словаре объёмом в 30 тысяч единиц, по её подсчётам, примерно 2% занимает лексика медицинская, что довольно значимо, в особенности с учётом того, что труд П. Жданова носил “общий” характер. Позаимствовав какую-то часть материала из наиболее авторитетного в то время «Словаря на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском» Г.А. Полетики (1763 г.), составитель представил медицинские термины несколькими тематическими группами. По мнению автора исследования, наибольший интерес для нашего времени представляют некоторые уже устаревшие обороты, используемые не терминологически, а в качестве толкования. Вот несколько таких примеров:

1. Названия различных болезней и их симптомов: Quincy. Жаба въ горлѣ (болѣзнь); Scurvy (distemper). Цынга, цынготная болѣзнь; Convulsion. Родимецъ, сведеніе, корченіе.

2. Термины анатомии и физиологии, в том числе названия внутренних органов, костей, сосудов, нервов: knee pan. Чашка у колѣна; vessel (of an animal body). Каналь или проходъ въ тѣлѣ.

3. Номинации фармакологической сферы: Conterposion. Лѣкарство отъ яду; Pille. Пилюля, лѣкарственной шарикъ; Emulsion. Питье лѣкарственное изъ ядръ.

4. Наименования медицинской техники и инструментария: Probe (surgeon’s instrum.). Пробный инструментъ у лѣкарей; Spatylla (surgeon’s instrument). Лопатка кою намазывается пластырь; Urinal. Стекланный сосудъ для разсматриванія мочи.

5. названия врачебных специальностей и больных по роду заболевания: Curet. Изцѣлитель, излѣчитель, лѣкаръ; Inoculator. Прививатель, прививщикъ; Pleuritick. Страждущій колотьемъ; Livergrown. У кого бываетъ велика печенка.

6. Термины гинекологии и акушерства: Matrice (the womb). Матка въ утробѣ; pain (child-hirth). Боль или перехватъ родилницъ.

7. Наименования врачебныхъ манипуляцій и лексика, имеющая отношеніе къ уходу за больным: to gripe (as pain). Дѣлать рѣзь или боль въ брюхѣ; Bleed (to lose blood) ing, bled. Пускать, метать кровь; Compress (in surgery). Компресъ, въ двое согнутая трапка на прикладываніе къ ранамъ.

8. Стоматологическая терминологія: Snag (snagged tooth). Остроконечный зубъ; Toothdrawer's instrument. Инструментъ для вырванія зубовъ.

Углублённый анализ источника позволил исследовательнице констатировать, что материалы англо-русского словаря П.И. Жданова свидетельствуют о кропотливой и, безусловно, творческой работе переводчика, о его стремлении не только донести до российского читателя богатство английского языка, но и продемонстрировать стилистическое разнообразие собственного. Перевод же медицинских терминов отражает поиск автором наиболее целесообразного варианта специального слова. Он свидетельствует о знакомстве переводчика с лексикографическими изданиями конца XVIII в. и с соответствующей медицинской литературой. Переводной словарь П.И. Жданова является, по мнению Н.Е. Касьяненко, закономерным промежуточным звеном в формировании специальной лексики вообще и медицинской в частности.

Сохранив направление интереса к переводам специальной лексики, в следующем своём опыте Н.Е. Касьяненко обратилась к материалам одного из наиболее авторитетных изданий конца XVIII века в области медицинской терминологии – «Анатомо-физиологическому словарю» Н.М. Максимовича-Амбодика (1783 г.). В трех статьях, посвящённых этому памятнику словарного дела (одна из них – в соавторстве), Наталья Евгеньевна осветила способы перевода терминов и вариативность наименований специальных понятий. Известный любому хоть мало-мальски знакомому с историей развития медицинской терминологии в России врачу, этот словарь сыграл заметную роль в становлении принципов лексикографирования единиц из подъязыка медицины. А для лингвистов этот словарь был и остаётся памятником истории языка, сохранившим его состояние на определённом этапе развития в одной из наиболее значимых для человека областей научного знания.

В первой статье Н.Е. Касьяненко [8] проанализировала предпосылки создания Н.М. Максимовичем-Амбодиком «Анатомико-физиологического словаря» (1783 г.), осветила его структуру, высказала вполне обоснованные предположения о возможных источниках, подробно описала способы передачи латинских терминов, характер русских эквивалентов, степень их оригинальности, приступила к сопоставлениям с предшествующими лексикографическими трудами. Планировавшийся составителем как первый в “трилогии” терминов “до разных врачебных наук относящихся”, «Анатомико-физиологический словарь» должен был войти в большой Врачебный словарь, который, по мнению автора статей, исследован плохо, а по сути – фрагментарно. Так, «Медико-хирургический словарь» толком не описан, а «Естественно-химико-исторический словарь», так и не опубликованный, по свидетельству В.П. Вомперского, “лишь изредка упоминается” [3, с. 69].

Активизация терминотворчества среди врачей-практиков и переводчиков медицинской литературы в XVIII веке, особенно во второй его половине, была

обусловлена, в первую очередь, отсутствием в России собственной сложившейся системы медицинских терминов.

Не осталась в стороне от внимательного взгляда Н.Е. Касьяненко привлекательность личности Н.М. Максимовича-Амбодика, получившего медицинское образование и степень доктора медицины за границей, но посвятившего жизнь развитию врачебной науки на родине. Он служил лекционным доктором при Главной Адмиралтейской Кронштадтской школе, работал акушером Петербургского воспитательного дома, был “профессором повивального искусства”. Как известно, первые медицинские научные книги в своем большинстве были переводными, а Н.М. Максимович-Амбодик был одним из немногих первых переводчиков медицинской литературы. В частности, В.П. Вомперский в аннотированном указателе лексикографических трудов XVIII века упоминает о книге И.-Ф. Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних с прибавлением главных немощей женского пола и малолетних детей» (1781г.) и приводит следующее к ней замечание: «На российский язык перевел врачебной науки доктор Нестор Максимович Амбодик» [3, с. 59]. Переводческая деятельность лексикографа, на счету которого значительное количество “перетолкованных” медицинских книг, также способствовала формированию комплекса медицинских понятий, нашедших отражение в словаре и закреплённых терминологически. Качеству словаря способствовала собственная врачебная практика. В словаре отразилась любовь к многословным, содержащим краткие аннотации названиям. Как ономаст воспроизвожу его полностью и с удовольствием: «АНАТОМИКО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ въ коемъ Всѣ наименованія частей человѣческаго тѣла, до Анатоміи и Физиологіи принадлежащія, изъ разныхъ врачебныхъ сочиненій собранныя, на Россійскомъ, Латинскомъ и Французскомъ языкахъ ясно и кратко предлагаются, съ краткимъ описаніемъ сихъ наукъ. ДЛЯ ПОЛЪЗЫ РОССІЙСКАГО ЮНОШЕСТВА въ первые напечатанныя трудами и иждивеніемъ Нестора Максимовича-Амбодика врачебной науки Доктора и профессора повивального искусства».

Ощущение недостаточности сделанного подвигло Н.Е. Касьяненко к углублению в проблему. Потребовалось лингвоисториографическое осмысление линии развития медицинской лексикографии в России на протяжении XVIII века. В силу специфики формирования и развития врачебной науки в России в целом, оно касалось освоения и, если так можно выразиться, ассимиляции достижений иноязычно-русской лексикологии, активизировавшейся ещё в XVII веке. Исследователи истории языка давно обратили внимание, что переводная лексикография, складывавшаяся довольно длительное время, в XVII веке уже была самостоятельной отраслью культурной деятельности, подготовившей почву для систематической словарной работы. А М.П. Алексеев в своём монографическом обзоре констатировал, что в то время появилось “уже довольно много развитых и полных иноязычно-русских лексиконов, распространявшихся в рукописях” [1, с. 45].

Естественным продолжением начатого представляется вышедшая позднее работа, посвящённая «Медико-хирургическому словарю» Н.М. Максимовича-Амбодика 1785 г. Основное внимание в ней было уделено вариативности наименований специальных понятий. Побудительными причинами стали, как отмечено выше, отсутствие “толкового описания” и принадлежность словаря к трилогии, задуманной и осуществлённой учёным. Работа над словарём и его публикация по времени могут быть отнесены к своего рода “терминографическому буму” в русской лексикографии

XVIII века. Как указали авторы статьи (написана в соавторстве с А.М. Костиной), в это время (последняя четверть XVIII – начало XIX века) “намечается отчетливая тенденция к формированию русской отечественной терминологии. Появляется целый ряд специальных словарей, в том числе, «Дикционер, или Речениар...о разных произрашениях...» К.А. Кондратовича 1780 г., «Ботанической подробной словарь» А.К. Мейера 1781–1783 гг., «Сельский лечебник» М.Д. Чулкова 1789–1805 гг., «Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской» В.Н. Татищева 1793 г. и многие другие” [9, с. 61].

Поскольку словарь публиковался под разными, хоть и сходными названиями, авторы статьи высказали осторожное предположение, что речь может идти как о разных словарях, так и вариантах одного издания. Построенный по алфавитному принципу словарь составлен на трёх языках: латинском, русском и французском и содержит порядка 3500 статей. Реестровая часть словаря представлена латинским словом или словосочетанием, вслед за которым помещены русские эквиваленты. О французской части словаря указано, что она присутствует не повсеместно. Весьма разнообразен тематический диапазон: 1) названия болезней и их симптомов; 2) наименования врачебных специальностей (*Oneroscriticus*. Врач о сновидѣнїяхъ разсуждающїй); 3) термины хирургии, в том числе а) виды повязок (*Dolabra*. Лѣкарская круговая, кругообразная, колеччатая повязка), б) названия ран (*Gulae ulcera, vulneta*. Язвы, раны гортанныя), в) типы хирургических операций (*Oncotomia*. Разрѣзанїе нарывовъ); 4) номинации хирургических инструментов (*Ancteres*. Крючки, коими соединяють далеко отстоящїе край у ранъ); 5) понятия акушерства и гинекологии: *Abortus, Abortivum*. Выкидыщъ, недоносокъ, выкинутый зародъ); 6) термины стоматологии: *Odonirrhoea*. Кровотеченїе изъ зубной ямки, откуда зубъ вырванъ, бывающее.

Внимание авторов обзора привлекла вариативность терминов. Они установили, что термины, спродуцированные посредством иноязычной лексики, выступили не только вариантами в ряду отечественных наименований, но также послужили предпосылкой для новых вариантных единиц, существующих как «формы фонетического и морфологического освоения “пришельцев”» [18, с. 111]. Таким образом, в «Медико-хирургическом словаре» отражается “вторичная” вариантность – лексика, отразившая результаты фонетического и морфологического освоения латинизмов.

Основываясь на типологии вариантов терминов А.Е. Симоненко [18], авторы выделили и проанализировали графемно-графический тип вариантов, к которым отнесли такие письменные модификации термина, которые не меняют его значение, а обнаруживают лишь различное употребление “буквенных манифестаций” графемы (например, *Hemiplegia*. Параличь – *Glossolysis*. Параличь, расслабленїе, недѣйственность языка; *Medicus*. Врачъ, болящихъ цѣлитель – *Poliater*. Врачъ, Лѣкаръ). Вариативные различия орфографического типа обнаружены и в написании сочетаний согласных жж /жж.

При рассмотрении фонетического типа вариантов было установлено, что их количество в словаре Н.М. Максимовича-Амбодика незначительно. Среди них было обращено внимание на написания, в которых варьируются согласные ч/щ типа смердящей – смердячей, немочь – отъ...немощи.

Лексическим типом вариантов были признаны модификации термина, основанные на замене одной лексемы другой, обозначающей то же самое специальное значение. Анализ показал, что передача смысла научного понятия чаще всего

осуществляется цепочкой терминов, обычно двумя-тремя, реже – четырьмя: *Blásus*. Шепотливый, горбатый, колченогий, кривоногий, кривоножка; *Fabris*. Лихорадка, лихоманка, трясушка, трясавицы, трясавице-болѣніе. Установлено, что в составе вариантных рядов иногда одновременно присутствуют латинские и греческие обозначения, которые уже были ранее введены в научный обиход западноевропейской наукой в предшествующие периоды и зафиксированы более ранними лексикографическими трудами, например паралич, апоплексия, хирагра, операция и др.: *Coigara*. Курапъ, чесотку, въ Индіи случающаяся.

Вывод, к которому пришли авторы кратко можно сформулировать следующим образом: «Медико-хирургический словарь» Н.М. Максимовича-Амбодика отражает вдумчивую, кропотливую, исключительно профессиональную работу его составителя над созданием медицинской клинической терминологии, обогатившую медицинскую науку новыми специальными понятиями. Что касается проблемы вариантов, то их регистрация приобретает большое значение как для лингвисториграфического осмысления деятельности “первопроходцев” медицинской терминологии, так и для решения проблем современной лексикографии.

В статье, посвящённой «Лексикону латинскому» Е. Славинецкого [11], Н.Е. Касьяненко анализирует его, опираясь на уже сформированную её предшествующими работами, равно как и трудами коллег-лингвисториграфов, историю развития словарного дела на Руси, начиная с появления глосс (несловарных форм описания лексики) в письменных памятниках XI–XVII вв. и заканчивая первыми собственно словарями. Среди конкретных памятников отмечены «Тлъкование неюдобъ познаваемомъ въ писаныхъ рѣчемъ» (XIV в.), «Толк о неразумнех словесех» (XV в.), разговорник «Рѣчь тонкословія греческаго» (XV в.), словарь Максима Грека «Толкованіе именама по алфавиту» (XVI в.), «Лексис...» Лаврентия Зизания – первый печатный словарь на Руси, широко известный труд Памвы Берынды «Лексикон славеноросский и имен толкование», ономастикон «Рѣчь жидовскаго азыка» (XVIII в.). Именно на фоне такой подробной лингвисториграфической картины рукописный «Лексикон латинский...» Е. Славинецкого предстаёт образцом переводного словаря XVII в.

Заключение. Развёрнутое Н.Е. Касьяненко планомерное обследование истории развития и состояния русской медицинской терминологии в XVII, XVIII и начале XIX веков было продолжено в процессе изучения других известных памятников лексикографии, например, «Лексикона трязычного» Ф.П. Поликарпова [12], «Врачебного словаря» А.Н. Никитина [13] и других. В её публикациях постепенно стал проясняться общий замысел: не только продолжить направление исследований, начатое на кафедре общего языкознания и истории языка трудами А.Е. Симоненко (собраны в итоговой монографии «Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – первой половины XIX вв.» [18]), но и заполнить имеющиеся лакуны, углубиться в изучение истории медицинской терминологии, определённым образом обобщить результаты. Перспективы этого этапа уже прослеживаются в её публикации «Первые русские словари» [14]. Хочется не просто пожелать Н.Е. Касьяненко продолжать (лучше, конечно, вкуче с талантливыми учениками) безусловно актуальные и перспективные исследования истории медицинской лексикографии, но и выразить уверенность и надежду на превосходные результаты в исследованиях, проводимых, кроме кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина ДонНУ, Лабораторией прикладного языкознания и медицинской лексикографии ДонНМУ им. М. Горького. Содружество этих научных подразделений в части истории языка

медицины при участии и непосредственном руководстве Н.Е. Касьяненко обещает быть плодотворным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века / М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1968. – 155 с.
2. Борисова Л.П. Хирург, то есть цирюльник... / Л.П. Борисова // Русская речь. – 1986. – № 1. – С. 143–147.
3. Вомперский В.П. Словари XVIII века / Отв. ред. Н.И. Толстой / В.П. Вомперский. – М.: Наука, 1986. – 136 с.
4. Касьяненко Н.Е. Отонимные окказионализмы и окказиональные онимы в русском языке: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01. «Русский язык» / Н.Е. Касьяненко. – Днепропетровск, 1991. – 18 с.
5. Касьяненко Н.Е. Онимы и отонимные образования в русской несловарной лексикографии XVIII в.: объем, состав и способы описания / Н.Е. Касьяненко // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. первый: Сб. научн. тр. / Сост. Е.С. Отин и др. – Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 43–49.
6. Касьяненко Н.Е. Собственные имена в «Лексиконе Российском» В.Н. Татищева / Н.Е. Касьяненко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Вып. четвертый: Сб. научн. тр. / Ред. Е.С. Отин и др. – Донецк, 1998. – С. 43–52.
7. Касьяненко Н.Е. Лексика медицины в переводных словарях общего типа: на материале англо-русского словаря П. Жданова 1784 г. / Н.Е. Касьяненко // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту: Збірник наукових праць, присвячений ювілею доктора філологічних наук, професора, академіка АН ВШ України, завідувача кафедри української мови ДонНУ Загнітка Анатолія Панасовича. – Донецьк. – ДонНУ, 2004. – С. 256–261.
8. Касьяненко Н.Е. Способы перевода терминов в «Анатомико-физиологическом словаре» Н.М. Максимовича-Амбодика 1783 г. / Н.Е. Касьяненко // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. научн. трудов Международного научного семинара «In memorem: профессор Н.А. Луценко» (Донецк, ДонНУ, 13 декабря 2017 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Вып. 3. – С. 57–62.
9. Касьяненко Н.Е. Вариантность наименований специальных понятий в «Медико-хирургическом словаре» Н.М. Максимовича-Амбодика 1785 г. / Н.Е. Касьяненко, А.М. Костина // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. научн. трудов III Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2018 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Вып. 4. – С. 61–67.
10. Касьяненко Н.Е. Лексические варианты в «Анатомико-физиологическом словаре» Н.М. Максимовича-Амбодика (1783 г.) / Н.Е. Касьяненко // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. научн. статей. В 2-х т. – Т. 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 211–218.
11. Касьяненко Н.Е. Лексика медицины в переводных словарях XVII в. (на примере «Лексикона латинского» Е. Славинецкого) / Н.Е. Касьяненко // Русский язык в поликультурном мире: сб. научн. статей. III Международного симпозиума (8-12 июня 2019 г.) / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. – В 2-х т. – Т. 1. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 81–88.
12. Касьяненко Н.Е. Собственные имена в «Лексиконе трезычном» Ф.П. Поликарпова (1704 г.) / Н.Е. Касьяненко // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Т. 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2 / Под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 112–115.
13. Касьяненко Н.Е. Из истории русской терминологии XIX в.: «Врачебный словарь» А.Н. Никитина / Н.Е. Касьяненко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 1.
14. Касьяненко Н.Е. Первые русские словари / Н.Е. Касьяненко // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 5. – С. 36–43.
15. Отин Е.С. Что такое антимония и зачем ее разводили? / Е.С. Отин // Русская речь. – 1981. – № 1. – С. 127–133.
16. Отин Е.С. Из истории русской медицинской терминологии / Е.С. Отин, Л.П. Борисова // На правах рукописи. ИНИОН АН СССР, № 23030 от 20 ноября 1985 г. – 33 с.

17. Отин Е.С. “Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия” / Е.С. Отин // Русская речь. – 1986. – № 2. – С. 130–135.

18. Симоненко А.Е. Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – первой половины XIX вв. / А.Е. Симоненко. – Донецк: Юго-Восток, 2009. – 580 с.

Поступила в редакцию 04.04.2022 г.

**EXPERIENCE OF LINGUO-HISTORIOGRAPHIC TREATMENT OF MEDICAL
TERMINOGRAPHY IN WORKS BY N.E. KASYANENKO**

V.M. Kalinkin

Experience of linguo-historiographic comprehension of the development of medical terminology and lexicography in Russia, mainly in the 18th century, are presented in the publications by N.E. Kasyanenko. The attention is paid to the analysis in the most representative works of this period of the methods describing medical vocabulary at early stages of the terminography formation. Their role is determined both in the development of the principles and rules for the representation of special vocabulary in dictionaries of a general type, and in complex lexicographic descriptions of medical terminology as a specific terminological system in Russian science.

Key words: history of development, lexicography, medical terminology, terminography.

Калинкин Валерий Михайлович.

Доктор филологических наук, профессор.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького».

Профессор кафедры русского и латинского языков.

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Kalinkin Valeriy Mikhailovich.

Doctor of Philology, Professor.

Donetsk National Medical University named after M. Gorky.

Professor of Russian and Latin Language

Department.

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 801.73

УРОКИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

© 2022 А.В. Домащенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье речь идет о некоторых эстетических и литературно-критических работах Вячеслава Иванова. Рассмотрено понимание Ивановым символизма, его истоков и сущности. Особое внимание уделено Ренессансу.

Ключевые слова: символизм, соборность, Ренессанс.

03.09.2015

(29.09.2015. «Кормчие звезды» на всех путях – дантовские не только у Блока, но также у Вячеслава Иванова [см.: 2, т. 5, с. 13].

Впрочем, и музыка – из того же источника. Об этом свидетельствует Вячеслав Иванов: «“L’Amor || che muove il Sólle || e l’altre stéllle” – “Любовь, что движет Солнце и другие Звезды”... В этом заключительном стихе Дантова “Рая” образы слагаются в миф, и мудрости учит музыка» [4, т. 2, с. 607].

Показательно, что именно к Данте в первую очередь после общих рассуждений обращается Вяч. Иванов в своих «Мыслях о символизме»).

10.10.2015

В «Мыслях о символизме» Вячеслава Иванова Данте предстает не просто в качестве предтечи символистов и не просто в качестве символиста: для него творчество Данте – пример «истинного и высочайшего символизма», который тождествен теургии [4, т. 2, с. 608], а в поэзии, согласно Иванову, ничего выше этого быть не может.

«Символизм лежит вне эстетических категорий» [4, т. 2, с. 609], – пишет Иванов. Эта мысль, пожалуй, поставит в тупик современную теорию литературы, не понимающую ни что такое символизм, ни что такое эстетические категории.

О ренессансном персонализме, который впервые был явлен – причем в непревзойденном впоследствии масштабе – именно Данте, как истоке символизма конца XIX – начала XX веков: «Символизм связан с целостностью личности, как самого художника, так и переживающего художественное откровение. <...> Символизм имеет дело с человеком. Так восстанавливает он слово “поэт” в старом значении – поэта как личности (poëtae nascuntur)...» [там же].

(15.10.2015. Истоком определяется понимание символизма. У Иванова это не «отвлеченно эстетическая теория» и не «формальная поэтика» (то есть не эйдосная теория литературы в чистом виде и не литературоведческая грамматика), а персонализм, разумеется, не тот упрощенный его вариант, который мы находим у Бахтина: «Так как символизм означает отношение художественного объекта к двойному субъекту, творящему и воспринимающему, то от нашего восприятия существенно зависит, символическим ли является для нас данное произведение или нет» [4, т. 2, с. 610]. У Иванова персонализм связан со сверхэстетическим символическим всеединящим контекстом («символизм – магнетизм»), присутствием

или отсутствием которого, главным образом, определяется ценность того или иного произведения искусства. Вот почему Блок говорит, возражая Н.С. Гумилеву, «что никаких чисто “литературных” школ в России никогда не было, быть не могло и долго еще, надо надеяться не будет» (“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)) [2, т. 6, с. 315], поэтому не является такой школой и символизм. Точно так же и для Иванова апелляция к Данте как символисту неизбежно означает упразднение символизма как школы: «...Секты мы не хотим; исповедание же наше – соборно» [4, т. 2, с. 613].

Персоналистско-символическая проблематика для Иванова первична по отношению к сугубо эстетической (которая, впрочем, у Иванова, в отличие от Бахтина в его теории диалога, никогда не отвергается). Поэтому и само эстетическое у Иванова уже не учение, не теория, а «исповедание» [4, т. 2, с. 614].

О Бахтине: теория диалога настолько способна стать теорией романа, насколько роман способен стать внеэстетическим жанром. Поэтическая сущность его при этом неизбежно улетучивается. Это значит: о внешнем по отношению к поэзии говорит теория диалога, обращаясь к роману.

«Слово по природе соборно...» [4, т. 2, с. 620]. Об изначальной диалогической природе слова говорят те, кто забыл или никогда не знал о его изначальной соборности).

14.10.2015

Вяч. Иванов рассуждает о последнем стихе «Рая», объясняя при этом принадлежность Данте к символической поэзии: «“Амог...” – при этом звуке, утверждающем магнитность живой вселенной, и её молекулы располагаются магнетически. И в ней – солнце и звезды и созвучный гул сфер, движимых мощью божественного Двигателя. Она поет в лад с космосом собственную мелодию любви, как в душе поэта пела, когда он вещал свои космические слова, – мелодия Беатриче. Изученный стих, делаясь предметом нашего рассмотрения, не в себе самом только, как объект чистой эстетики, но и в отношении к субъекту, как деятель душевного переживания и внутреннего опыта, оказывается не просто полным внешней музыкальной сладости и внутренней музыкальной энергии, но и полифонным, вследствие вызываемых им восполнительных музыкальных вибраций и пробуждения каких-то ясно ощущаемых нами обертонов. Вот почему он – не только художественно-совершенный стих, но и стих *символический*. Вот почему он божественно поэтичен» [4, т. 2, с. 607–608].

Становится понятным, что именно отрицает тютчевское “Душа не то поет, что море, И ропщет мыслящий тростник”. Стихотворение Тютчева говорит о том, какое эхо способны в наше время пробудить «в лабиринтах душ» слова, с которыми обращаются к нам Данте и его эпоха. Понятно, что этот отклик – завершение, которое, чтобы быть таковым, должно быть равновеликим завершаемому: и это, конечно, не только Тютчев, а вся русская литература XIX – начала XX веков.

Ощущается потребность отклика и в английской литературе, например, у Олдоса Хаксли: «Гамбрил сидел и покуривал, и Вселенная располагалась вокруг него правильным узором, как железные опилки вокруг магнита» [7, с. 164], – «Цельный Человек» первой половины XX века, у которого из всех атрибутов, свидетельствующих о его цельности, осталась только накладная веерообразная борода.

15.10.2015

Дантовско-тютчевское у Вячеслава Иванова, связанное с представлением «высота-рай» и стремлением сопрягать земное и небесное, а не противопоставлять их, как это было, например, у В.А. Жуковского: «Истинный символизм не отрывается от земли; он хочет сочетать корни и звезды и вырастает звездным цветком из близких, родимых корней. Он не подменяет вещей и, говоря о море, понимает земное море, и, говоря о высях снеговых (– “а который век белеет там, на высях снеговых, а заря и ныне сеет розы свежие на них”, – Тютчев), понимает вершины земных гор» [4, т. 2, с. 611–612].

Сравни с тютчевским рассуждением о поэзии в письме И.С. Гагарину от 2-3 мая 1836 г.: «Очень благодарен за присланную вами книгу стихотворений (вероятнее всего, В. Бенедиктова. – А.Д.). В них есть вдохновение и, что является хорошим предзнаменованием на будущее, наряду с сильно развитым идеалистическим началом есть вкус к жизненному, осязаемому, даже к чувственному... Беды в этом нет... Дабы поэзия цвела, она должна быть укоренена в земле...» [6, с. 47].

Логика поэзии порой оказывается в противоречии с хронологией, и правда в таких случаях всегда на стороне первой: «...Итак, Данте – символист!», тогда как Гёте – «дальний отец нашего символизма» [4, т. 2, с.613, 612].

Или, может быть, имеется в виду: дальний родственник? Тогда хронология здесь ни при чем.

16.10.2015

Идущее от Гёте понимание стиля у Вяч. Иванова и того, что до него не дорастает: манера, лицо, стиль. О тех, кто за пределы манеры так и не вышел: «Это всегда доказывает относительную малость таланта» [4, т. 2, с. 617]. А что доказывается этим относительно теории литературы, утратившей способность различения манеры и стиля?

И пусть не спешат спекулировать на понятии *лицо*: согласно Иванову, это самоограничение самости «и попытка перейти от манеры прямо к стилю» [4, т. 2, с. 618].

Чем масштабнее личность и решительнее самоотречение, тем весомее результат – вплоть до высшего обретения, последнего венца для художника, а это – «большой стиль», как, например, у Данте, у которого жертва личности «началу объективному и вселенскому» осуществляется в наиболее очистительном виде: «в чистой его идее».

Между тем, ступени к большому стилю, усилия восхождения необходимы: без них претензия на большой стиль оборачивается самозванством и «может произвести только площадное и лубочное» [там же].

* * *

Удивительное богатство мыслей в статьях Вяч. Иванова, пробуждающее у читателя ответные мысли. Так и бывает у того, кто пытается мыслить масштабами Ренессанса.

Вот ключ к эпохе человека заблудившегося: «Борьба с логизмом естественно кончается торжеством психологизма» [4, т. 2, с. 619]. А торжество психологизма имеет неизбежные следствия: атомизм, индивидуализм («борьба за преобладание своего личного произвола и безначалия»), абсурд и безнадежность как конечный итог, что растолковывается на примере современной Иванову музыки: «Обращается ли композитор к мировому, – его космические схемы оказываются проекцией его психологии. Его полет, порывистый и безнадежный, похож на полет птицы над безбрежным морем, уже усталой и всё не видящей на горизонте земли, – тогда как

старая музыка кажется плавным кружением орлов в вышине над недвижной вершиной» [там же].

Есть такие фундаментальные опоры в духовной истории человечества, борьба с которыми приводит к самоубийственным результатам. К числу таковых принадлежит, например, λόγος.

17.10.2015

Если мне будет позволено привести грубоватый пример на эту тему, я бы напомнил басню И.А. Крылова «Свинья под дубом». И уверяю вас, если взять всю историю человечества, это не самый грубый пример.

Антиэстетизм музыкального искусства XX века, что значит: психологизм. Психологизм никогда не был и никогда не будет музыкальным: источник музыки находится совсем в других сферах.

Вот пример поразительной глухоты к тютчевскому слову у поэта, который больше всех сделал для того, чтобы Тютчев занял подобающее ему место в истории русской литературы: Вяч. Иванов о стихотворении «Silentium!»: «...Слово перестало быть равносильным содержанию внутреннего опыта» [4, т. 2, с. 589]. Полагаю, что смысл тютчевского стихотворения заключается всё же в другом, поскольку изреченным словом язык у него не исчерпывается: есть ещё «пение дум», общая область λόγος и музыки. А изреченное – частная и несущественная область языка, не способная выразить самую главную правду и неизбежно искажающая все малые правды: почва для диалога на окольных путях языка.

В отличие от «дальнего отца» символизма, Гёте, близкие отцы или, вернее, «родоначальники» – Данте (первый символист), Тютчев (первый *русский* символист). Линия преемственности, по Иванову.

К сожалению, метафизический язык («личность – носитель внутреннего слова») и кантовская терминология (внешнее, феноменальное – внутреннее, ноуменальное) не позволяют Иванову уловить существо поэтического слова Тютчева, которое начинается так рано, что у метафизики об этой ранней рани нет ни слов, ни мыслей.

18.10.2015

Еще раз о полифонии: «В полифоническом хоре каждый участник индивидуален и как бы субъективен. Но гармоническое восстановление строя созвучий в полной мере утверждает объективную целесообразность кажущегося разногласия» [4, т. 2, с. 545]. Поэтому если романы Достоевского полифоничны (а кто станет это отрицать?), то они не диалогичны – в том смысле, в каком Бахтин трактует диалог.

Символист, достигая вершины в своем искусстве, приближаясь к Данте, становится теургом. Стало быть, все прочие, остаются демиургами (δημιουργός), ремесленниками, мастерами. Поэтому возникает потребность апологии так понятой поэзии, которую и создает Ахматова, откликаясь на известное стихотворение Каролины Павловой, в цикле «Тайны ремесла»:

*Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.*

20.10.2015

Высокое искусство XX века очень далеко от выпячивания «я», которым наполнено всё второсортное в современной теории литературы и философии:

«...Каждый раз, когда я говорю “я”, я совершаю великий грех. “Я” – царская печать, Его перстень, которым я, не имея на то права, запечатываю свои письма. Его подписью я выдаю фальшивый вексель. Только в подобии Отцу я – я, во всех остальных случаях это подделка» [1, с. 13].

Всё упомянутое в этой книге «авторское» – это, без сомнения, рецидив европейского нигилизма.

21.10.2015

И богохульство: «Только Отец, потому что Он есть Всё, может сказать “Я” и “Есмь”» [1, с. 31].

Это Ренессанс в своей самой чистой и беспримесной явленности. Человек может быть либо «красой Вселенной», «алмазным венцом Творения» («The beauty of the world! The paragon of animals»), как выражается Гамлет в знаменитом монологе, обращенном к Розенкранцу и Гильденстерну), либо «квинтэссенцией праха» (quintessence of dust). Всем понятно, какой удел остается человеку, когда он оказывается вне онтологического контекста, обозначенного божественным «Я Есмь».

Вне этого контекста остается только самочинное здравомыслие [см.: 4, т. 4, с. 102] с его рассудочным остроумием («wit»), целиком противоположным благородству, проявляющемуся в разуме («the noble in reason»), и всегда чреватое кощунством, когда начинает говорить о свете и тьме.

Весь спор Воюанда и Берлиоза – об этом.

* * *

Духовное сродство Вячеслава Иванова и Блока – из одного источника. На слова М.С. Альтмана о том, что он – наследник Достоевского, Иванов отвечает: «Да, я себя абсолютно чувствую духовным сыном Достоевского, настолько во мне его наследство» [1, с. 21].

* * *

Как всё созвучно на вершине творчества! Т.С. Элиот пишет драму на основе «Алкесты» Еврипида, у Вяч. Иванова замысел комедии о Ницше на основе «Лягушек» Аристофана. Вот кто чуток к веяниям времени, «богов орган живой»: сказано и о них.

Аристофановская комедия – стало быть, не зубоскальство, не «осмеяние», а такая же, как «Облака» с её главным персонажем Сократом, на представлении которой, полагает Иванов, и сам Сократ «много смеялся» [1, с. 29].

Увы, наименее интересная часть богатейшего наследия Вяч. Иванова – именно та, которой он, по-видимому, больше всего гордился, – его мысли о греческой поэзии: «Не удовлетворяет меня Аристотель..., конечно, это ум огромный, но не безграничный, и Платон куда глубже его. Нельзя всё искусство выводить из подражания, как это делает Аристотель...» [1, с. 30].

Можно. А то, что вне подражания, то – не искусство. Как ποιησις, например.

* * *

О косноязычии великих поэтов и писателей: Набоков, Блок (Вяч. Иванов: «В обычной речи он такой простой, двух слов как бы связать не может, а меж тем в своих стихах он говорит вам и знает о вас интуитивно такие вещи, такие интимные переживания, какие никто другой не знает» [1, с. 16]): поэзия там, где мысли рождаются, а не воспроизводятся. Но это, конечно, ни в коем случае не означает, что каждый косноязычный – гений.

22.10.2015

Вячеслав Иванов: «...В идеальной соборности даже люди не ограничивают друг друга, тем более боги. Ведь поймите, что всякая мысль Бога есть уже действительность полная» [1, с. 54].

Вот в чем разгадка благодати целокупной полноты лада – он есть осуществившаяся реальность божественной мысли.

Ποίησις.

(26.09.2016. В наше время словом «соборная» бросаются, как мелкой монетой. Особенно на территории Украины, где никто ни разу не попытался вникнуть в смысл этого слова: произносят через запятую со словом *унитарная*).

28.10.2015

Вот Вячеслав Иванов обосновывает композицию книги, которую я пишу: «Чему я за всю жизнь научился, так это тому, что нужно писать “записки”, в буквальном смысле этого слова. Каждая мысль, каждая заметка – отдельная записочка, а потом собрать эти записки и группировать. Так должна твориться филология» [1, с. 49].

Сами по себе записочки, конечно, ещё не филология: филология – то, чем они наполнены, и когда переделываешь эти записки в традиционные статьи с их неизбежной умерщвляющей догматикой, аромат первозданности свежерожденной мысли улетучивается.

* * *

«...Маленький ум Толстого тиранизировал его всего, и он заглушал в себе эту музыку» [1, с. 56]. Так и есть: могучей музыкой наполнена «Война и мир», а маленький ум пока остается на обочине, но в «Воскресении» он уже, развалившись в кресле, диктует музыке свои условия.

03.11.2015

Лидия Вячеславовна Иванова вспоминает: «Среди разговоров за столом были и такие, которые увлекали одинаково и меня, и моего отца. Это были, например, рассказы Гумилева об Африке, которые он чередовал с чтением своих стихов:

...далеко, далеко на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Мы оба слушали затаив дыхание, так как отец имел в душе много струн совсем юношеских и при живом воображении любил отдаваться переживаниям, неосуществимым для него реально» [5].

Когда знакомишься с такими воспоминаниями, начинаешь понимать, почему Шеллинг утверждал, что филологом нужно родиться, как и поэтом.

А если нет этого «живого воображения», лучше избрать другое поприще. Это как в музыке без слуха.

07.11.2015

Книга «Кормчие звезды» – поэтический дебют Вячеслава Иванова – написана под преимущественным влиянием Данте, начиная с эпиграфа, предпосланного всей книге:

Poco parer potea li del di fuori;

Ma, per quel poco, vedea io le stelle

Di lor solere e più chiare e maggiori.

(Dante, Purg., XXVII: 88-90)

*Немногое из того, что находилось вне ущелья,
доступно было взору;*

*но именно поэтому звезды я видел
необычайно ясными и большими.*

Это контуры историософии, общей для всех русских символистов, и источник этой историософии.

(11.11.2015. Эпиграфом Вяч. Иванов ясно указывает, откуда эти звезды, уточняя интерпретацию В.С. Соловьева («Номоканон»): «Номоканон, византийское собрание непреложных соборных постановлений, было в славянском переводе названо “Кормчей книгою”. Соловьев сразу понял: “Кормчие Звезды”, неподвижные светила; это – непреложные истины, вечные идеи, по которым человеческий дух направляет свой путь» [3, с. 41]. Это великие поэты прошлого, путеводители в жизненных лабиринтах для последующих поколений. В основе «Кормчих Звезд» тот же исходный образ, что и у Данте в «Божественной Комедии»: «Вся книга есть правдивая и точная запись того, как томимый духовным голодом человек “ходит по мукам” в туманном пределе бездорожья» [3, с. 47]).

(17.11.2015. Уже в «Кормчих Звездах» Данте, наряду с Гомером, предстает как тот, кто начинает новый Эон. Третьими в этом ряду – не по таланту, ибо «наше время не рождает таких сил» (А. Блок), а по задаче – должны стать символисты:

*Под иго легкое склони послушный мир,
Ты, кто теней расторг верев!
Будь новый Демиург! Как Дант или Омир,
Зажги над солнцем Эмпирей!
Природа – знаменье и тень предвечных дел:
Твой замысел – ей символ равный.
Он есть: он – истина. Прах Фидиев истлел:
Но жив Отец громодержавный.*

[4, т. 1, с. 554]

Этой задачей завершения, вслед за которым начнется нечто новое, у Иванова неразрывно связанное с символизмом, была воодушевлена вся та великая в творческом отношении эпоха, «центральной фигурой» которой, согласно Н.А. Бердяеву, был именно он, Вячеслав Иванов. Вот как это проявилось у А.Н. Скрябина: «Вячеслав очень тесно сблизился со Скрябиным, который сообщал ему все свои замыслы, или, вернее, посвящал его в один свой великий замысел. Он считал, что его миссия – написать музыку для “Мистерии”: окончательной мистерии. Она будет исполнена всего лишь один раз, и после этого окончится Эон, в котором мы живем...» [5].

Так что «окончательная» бумажка, которую потребовал профессор Преображенский от Петра Александровича, появилась не на пустом месте: за ней – целая история.

Символисты ошиблись в одном: они полагали, что дальше будет Чистилище и Рай, что Ад уже позади, а он еще даже не начинался.

Дальше были «Дьяволиада» («В полутьме пахло чуть-чуть серой...») и «Лестница в рай»: «Рабочий Косин упал удачно», – предложение, в котором каждое слово одновременно символично и иронично. Рабочий Косин – не Данте, поэтому страдать от утраты пути, как Данте, не может. Он ведь потому и Косин, что знает только окольные лазейки, которые в рай не ведут, а Вергилия при нём нет, поэтому любая его попытка попасть в рай заканчивается падением, которое в его случае оказывается «удачным».

Стране в целом повезло меньше, чем рабочему Косину.

Из книги А.В. Домащенко «Ars Poetica». – Т. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / М.С. Альтман. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. – 384 с.
2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. / А.А. Блок. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1965.
3. Дешарт О. Введение // Иванов В.И. Собр. соч. – Т.1 / О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. – С. 5–227.
4. Иванов В.И. Собр. соч.: в 4 т. // В.И. Иванов. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.
5. Иванова Л.В. Воспоминания. Книга об отце [Электронный ресурс] / Л.В. Иванова. – Режим доступа: https://royallib.com/book/ivanova_lidiya/vospominaniya_kniga_ob_ottse.html (дата обращения: 17.02.2022).
6. Тютчев Ф.И. Собр. соч.: в 6 т. – Т.4 / Ф.И. Тютчев. – М.: Издательский Центр «Классика», 2004. – 624 с.
7. Хаксли О. Шутовской хоровод / О. Хаксли. – М.: АСТ; Хранитель, 2008. – 318 с.

Поступила в редакцию 21.02.2022 г.

LESSONS BY VYACHESLAV IVANOV

A.V. Domashchenko

The article deals with some aesthetic works and works on literary criticism by Vyacheslav Ivanov. Ivanov's understanding of symbolism is considered, as well as its sources and essence. A special attention is paid to the Renaissance.

Key words: symbolism, conciliarism (sobornost), the Renaissance.

Домащенко Александр Владимирович.
Доктор филологических наук, профессор.
ГОУВПО «Донецкий национальный университет».
Профессор кафедры истории русской литературы и
теории словесности
E-mail: al.vlad.d@gmail.com

Domashchenko Aleksandr Vladimirovich.
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk National University.
Professor at Department of History of Russian
Literature and Theory of Literature.
E-mail: al.vlad.d@gmail.com

УДК 070

МИР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ «ПИОНЕР» 1970-80-х ГОДОВ¹

© 2022 Т.В. Дубровская
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Автор статьи анализирует материалы детского журнала «Пионер» (1970-80-х гг.) с целью выявить, как мир русской литературы представлен на страницах журнала и какова роль данных репрезентаций. Сделаны выводы, что в контексте журнала происходила медиатизация русской литературы, что позволяло выйти за рамки школьного чтения и сложить многомерную картину русской литературы. Контекстуализация литературы устанавливала связь с современностью, а субъективизация и диалогизация создавали единое ценностное пространство, охватывающее классиков, современных авторов и читателей.

Ключевые слова: журнал «Пионер», русская литература, медиатизация, советский.

В советскую эпоху чтению отводилось особое, можно сказать, священное, место в жизни человека. Практически полная грамотность населения и культурная политика государства, признающая важность чтения и образования в целом, обеспечивали вовлеченность в процесс чтения значительной части населения, в том числе детей. По данным исследователей, в 1970-е гг. регулярно детям читали в 80% семей (<https://ria.ru/20080611/110842173.html>). Печатная продукция для детей была достаточно обширна и охватывала художественную литературу, детские энциклопедии и детскую периодическую печать, включая газеты и журналы. Кроме того, формализованное изучение русской литературы проходило в школе и предполагало чтение классических произведений. В данной статье мы обращаемся к социальной практике детского чтения в СССР в нескольких аспектах. В частности, мы ставим **задачи** выявить характер взаимосвязи между школьным и внешкольным чтением, а также определить, как мир русской литературы представлен на страницах популярного детского журнала «Пионер» и какова роль данных репрезентаций. Во многих исследованиях, написанных в постсоветское время, советской детской прессе и литературе отводится исключительно роль инструмента идеологизации и средства коммуникации между партийным руководством и подрастающим поколением [н-р, Кравченко, 2016; Савина, 2018]. Это, по мнению исследователей, отражалось в самой структуре детских журналов, ядро которых составляли общественно-политические и идеологически ориентированные материалы, тогда как материалы научно-популярного и литературного характера и другие рубрики находились на периферии [Balina, Oushakine, 2021]. Действительно, журнал «Пионер» включал значительное количество материалов о Ленине как вожде революции, общественно-политических событиях в стране (съезды пионерии и ВЛКСМ) и за рубежом (в основном, обличительной направленности в адрес капиталистического строя). Однако наряду с этим постоянной стратегией журнала было обращение к лучшим образцам

---

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике». Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00775, <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>.

русской и советской литературы, причём формат рассмотрения классики отличался от традиционного школьного формата. Обсудим это подробнее.

Прежде всего, оговоримся, что русскую литературу мы понимаем как литературу русского народа и людей другой нации, воспитанных в традициях русской культуры (https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_литература). В данном случае простое определение из Wikipedia вполне отражает наш подход, и мы не останавливаемся на этом более подробно. Мы составили примерный список русских писателей и поэтов, классиков и современников, имена которых так или иначе фигурируют в материалах журнала. Наряду со ссылками на таких классиков, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой, Д.И. Фонвизин, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, на страницах журнала находят своё место и авторы XX века, например, А.А. Блок, М.И. Цветаева, М.А. Булгаков, Л.А. Кассиль, И.А. Ильф и Е.П. Петров, М.М. Зощенко, К.Г. Паустовский, А.Т. Твардовский, М.А. Светлов, В.Ю. Драгунский, а вместе с ними и классики зарубежной литературы (братья Гримм, Ч. Диккенс, Г. Флобер, У. Шекспир, М. Сервантес).

Что касается набора форматов и жанров обсуждения литературы в том или ином аспекте, он достаточно разнообразен. Полагаем, что можно выделить несколько **основных типов публикаций** с точки зрения тематики, проблематики и собственно жанровой организации:

1) материалы, посвященные одному писателю или поэту. Например, объемный материал о Грибоедове «Это прекрасное имя – Грибоедов» (Пионер, № 1, 1970). В центре таких материалов незаурядная личность автора, его характер и судьба;

2) публикации о героях литературных произведений. Например, статья «Сто пятьдесят Дон Жуанов» с подзаголовком «Рассказы о литературе» (Пионер, № 7, 1970);

3) материалы, в основе которых лежит спорный литературоведческий вопрос, который обсуждается на примере нескольких авторов и произведений. Именно такова публикация «Писатель выдумывает или это было на самом деле?» (Пионер, № 1, 1970);

4) интервью или диалоги с писателями-современниками, предметом которых могут быть как творческие планы писателя (материал «Говорят писатели» с рассказом В. Драгунского о новом произведении, Пионер, № 2, 1970), так и вопросы читательских привычек, которые обсуждаются в связи с нравственными проблемами, уникальностью личности человека, разными аспектами человеческих отношений. Например, ответы писателя В.С. Розова на встрече с юными читателями, изложенные в рубрике «Надо посоветоваться» (Пионер, № 9, 1970).

Эта классификация не исчерпывающая, так же как не является окончательным представленный выше список писателей. Оба могут быть расширены по мере привлечения других выпусков журнала.

Анализ материалов, представляющих мир русской литературы в журнале «Пионер», позволяет нам выдвинуть ряд ключевых тезисов об их роли и языковых формах актуализации.

1) Чтение продвигается не только как **источник информации**, но и как **непростой процесс саморазвития** («Книга требует усилия. Ты обязан действовать. Ты должен активно добывать из книги информацию» (Пионер, № 9, 1970)) и незаменимый способ развития воображения («Книга развивает воображение. Кино, радио, телевизор – всё это хорошо, но книгу они заменить не могут», «Но никогда ничем не заменить книгу» (Пионер, № 9, 1970)). Обратим внимание на формы деонтической модальности, т.е. модальности долженствования, которые выполняют функцию построения нормативной картины мира: *обязан, должен, не заменить* (= нельзя заменить).

Поиск своей литературы также репрезентируется как сложный путь к себе самому и определению своих личных потребностей («*Взял книгу, прочитаешь несколько страниц, отбросишь. Пусть ошибешься, пусть споткнешься. Другого способа нет, только поиск*» (Пионер, № 9, 1970)). В то же время не отрицается развлекательный аспект чтения и получение от него удовольствия («*Я до сих пор люблю сказки. Очень люблю. Когда я читаю сказки своей дочке, я сам получаю удовольствие*» (Пионер, № 9, 1970)).

Важно, что эксперты журнала допускают разнообразие увлечений и не настаивают на унифицированном списке литературы для всех. Писатель В. Розов говорит юным читателям: «*Прочесть все и знать все мы не можем. Мы вынуждены выбрать небольшой участок мира, который можем освоить. Можно читать и одну фантастику, если, предположим, она для тебя без дна и без края. Мы считаем, что личность должна быть шире, богаче образованнее, но личности могут быть разные <...> Самое неприятное, если все будут одинаковыми*» (Пионер, № 9, 1970). Кажется, такие утверждения вступают в противоречие с распространенным стереотипом об СССР как о тоталитарном режиме, в котором общественными ценностями признавались однородность, безликость и одинаковость. И уж совсем крамольным выглядит высказывание писателя, что можно манкировать школьной программой ради своих личных пристрастий в чтении: «*Взрослые говорят: как, ты до сих пор не читал «Войну и мир»?! Как, ты не прочел «Анну Каренину»?! Ну что «как»? Ничего страшного в этом нет, если ты читаешь что-то свое, что-то необычайно для тебя интересное*» (Пионер, № 9, 1970).

2) Хорошая книга представлена как **часть человеческих судеб** и настоящих жизненных историй, потребность в книге возникает даже в самых тяжелых жизненных обстоятельствах. 1970-е годы – это время, когда в памяти людей еще живы события Великой Отечественной войны, ведь старшее поколение и даже люди среднего возраста были непосредственными участниками событий. В своих рассказах о фронтовых концертах (Пионер, № 5, 1970) актриса Р. Рома вспоминает, как оказалась в госпитале и «*сразу закопалась в библиотеке бывшего сочинского санатория*». Она пишет, что многие книги были «*скуреными*» ранеными солдатами, но «*и в этих истерзанных книгах я наткнулась на томик Пушкина, зачитанный, но целый. Я стала снова в который раз читать всегда волнующие строки пушкинских стихов*». Рядом с известным стихотворением Пушкина «Я помню чудное мгновенье» актриса обнаружила на полях простенькие строки: «*Явись ко мне, моя Дуся! Где-то ты теперь, моя милая? Жива ли ты?*», о которых она пишет: «*До сих пор я не могу спокойно вспоминать об этом бесхитростном призыве, который вырвался у раненого солдата под влиянием стихов Пушкина*».

Стихи Пушкина, таким образом, вплетены в жизненный контекст сразу нескольких читателей: неизвестного раненого солдата, известной актрисы и обобщенно-коллективного читателя журнала «Пионер». Разъединенные временем и пространством, принадлежащие к разным поколениям, все они оказываются связаны строками Пушкина, которые получают в рассказе новое, драматическое, и более современное звучание.

3) Русская литература в журнале – это и повод поразмышлять о **сложной природе человека**, сочетающей в себе добро и зло. Так, проводя параллели между характерами литературных героев и их авторов (Болконский и Толстой, Митрофанушка и Фонвизин), авторы материала «Сто пятьдесят Дон Жуанов» (Пионер, № 7, 1970) находят в характерах писателей пороки и страсти, которые присущи их героям. В рассуждениях авторов нет однозначного осуждения человеческих недостатков. Напротив, они цитируют писателя Ю. Олешу: «*В каждом человеке есть дурное и есть хорошее. Я не поверю, что возможен*

человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным, или трусом, или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника». В таком понимании человеческой природы нет категоричности и стремления видеть мир как комбинацию только чёрного и белого. Юному читателю предлагают посмотреть и на себя самого: «Кто из нас в детстве не завидовал обладателю прекрасной авторучки, редкой марки, сверкающего гоночного велосипеда? Значит ли это, что все мы закоренелые завистники? Нет, конечно». Показательно употребление авторами материала инклюзивных форм «нас» и «мы», которые объединяют в одну группу самих авторов и читателей, позволяя создателям журнала выстраивать разговор с детьми «на равных», без снисходительных тонов.

4) Обращение к литературе также позволяет продвигать идею **разных перспектив и точек зрения** на один и тот же факт или одну и ту же личность. Сравнивая образы лермонтовского Наполеона из стихотворения «Воздушный корабль» и толстовского Наполеона из романа «Война и мир», авторы журнального материала отмечают их полную противоположность и спрашивают: «Так кто же изобразил Наполеона правильно, в соответствии с исторической правдой – Лермонтов или Толстой? Может ли быть, чтобы и на этот раз были правы оба писателя?» (Пионер, № 7, 1970). Допущение журналиста, что картины действительности в изображении разных писателей могут различаться и зависят в значительной мере от их индивидуального мироощущения («И на это раз правы оба»), сдвигает фокус внимания читателей с унифицированного идеологизированного комплекса мировоззренческих установок на общество и человека и развивает идею множественности, плюрализма, существования альтернатив.

Если говорить о репрезентациях альтернатив, то весьма интересной нам представляется публикация о повести Тургенева «Муму» и реальной истории, лежащей в её основе (Пионер, № 1, 1970). Проводя параллели между настоящими участниками этой истории и литературными персонажами, наряду со сходствами авторы публикации отмечают и их принципиальное отличие: «В жизни немой дворник Андрей остался верен своей госпоже и до самой смерти преданно служил ей. А у Тургенева, как вы помните, Герасим ушел от своей барыни и вернулся в родную деревню». Знакомая детям литературная история, рассмотренная в контексте реальных жизненных обстоятельств, приобретает новые смыслы: в центре оказывается важность и, главное, возможность независимого личного выбора, сделанного по собственным убеждениям.

Рис.1. Иллюстрация к статье «Герасим и Андрей. Снова Остап Бендер». Пионер, №1, 1970.

Иллюстрация к статье создаёт визуальную репрезентацию альтернативы (Рис.1). В центре рисунка мы видим помещицу и собаку у её ног, а слева и справа – альтернативные варианты истории. Тургеневский выбор символически обозначен портретом писателя и силуэтом уходящего с узелком Герасима; выбор настоящего Андрея – метла в руках под портретом барыни.

5) **Писатель на страницах журнала** предстаёт не как памятник, отлитый в граните, а как живой человек со своей судьбой, метаниями и страстями. Журнальные материалы о русских писателях нередко включают выражение личного отношения автора к герою публикаций. Так, автор статьи о Грибоедове пишет: *«Помню, что, когда я был совсем маленьким, задолго до того, как прочел и полюбил «Горе от ума», мне показалась смешной впервые услышанная мною фамилия – Грибоедов, Грибоед... Человек, который есть грибы... А теперь мне это и в голову не приходит... Наоборот. Теперь при упоминании этого имени – Грибоедова – я испытываю нежность и гордость. Оно кажется мне одним из самых благозвучных в мире. Оно прекрасно, потому что был прекрасен носивший его человек»* (Пионер, № 1, 1970).

Сложно представить такое рассуждение в формате школьного учебника, однако в журнале оно вполне уместно. С одной стороны, такой металитературный комментарий со ссылками на собственное детство (*когда я был совсем маленьким*) и собственные чувства (*полюбил, показалась смешной, нежность, гордость*) создаёт эффект живого диалога и сближает автора статьи и юного читателя журнала. С другой стороны, журналист выступает медиатором между классиком и современным ребенком, показывая классика и его произведения через собственную призму восприятия и в конечном итоге очеловечивая его.

Близость писателя к читательской аудитории особенно успешно конструируется в жанре разговора с писателем-современником. Такой «разговор» может быть выстроен как монологическое произведение, однако элементы диалогизации (формы обращения, местоимения 2 лица), разговорная лексика и разговорный синтаксис (парцеллированные предложения, коммуникативы, маркеры сомнения, многочисленные метатекстовые элементы, предложения с союзом *и* в инициальной позиции) создают эффект живого разговора. Все эти языковые средства диалогизации и разговорной речи наблюдаем в монологе В. Драгунского, размещенном в рубрике «Говорят писатели» (Пионер, № 2, 1970): *«Редакция спросила меня о моих планах на будущее. Что ж, я могу кое-что рассказать вам, ребята. Сейчас я хочу написать, первое дело, три рассказа. Или, может быть, четыре... Это, я думаю, должны быть интересные рассказы. И смешные. И забавные, но, главное дело, интересные. Потому что, кому охота про неинтересное читать. Так будет лучше для ребят. Я ведь к ним отношусь с любовью, если откровенно говорить. Стало быть, я напишу для вас, ребята, рассказы. А еще небольшую повесть»*.

Стиль Драгунского в этом фрагменте узнаваем. Мастер детского рассказа, он и здесь не изменяет себе, не морализаторствует, а ведет диалог с читателями и даже признаётся им в любви. В этом отношении наши лингвистические наблюдения созвучны наблюдениям ученых, изучавших советскую детскую периодику с социологической точки зрения и отмечавших диалогическую функцию детских журналов, которые «являлись мобильной и интерактивной платформой для коммуникации между детьми, писателями, политиками, издателями и просветителями» [Balina, Oushakine, 2021, с. 5].

6) Наконец, одной из важных характеристик материалов о литературе в журнале «Пионер» выступает их **интертекстуальность**. Когда мы говорим об интертекстуальности, то опираемся на широкое бахтинское понимание диалога и диалогичности: «Два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и в

пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» [Бахтин, 1986, с. 321]. Такая бахтинская диалогичность выстраивается в журнале разными способами. Один из них – через сопоставление одного и того же героя в произведениях разных авторов (выше мы обсуждали такой прием на примере сравнения Наполеона у Лермонтова и Толстого; есть и целый ряд других подобных примеров). Выстраивание межлитературных параллелей в журнале происходит и на уровне сюжетных линий, в том числе между русскими и зарубежными произведениями. Так, в статье, посвященной 200-летию юбилею Якоба Гримма, обсуждается похожесть сказочных сюжетов: оплакивающая нерожденного сына гриммовская Умная Эльза заставляет вспомнить русскую старуху из сказки А.Н. Афанасьева «Лутонюшка», которая горевала по несуществовавшему внуку (Пионер, № 1, 1985). Автор этой журнальной публикации отмечает не только сходство сюжетов многих народных сказок, в которых отражен быт разных народов, но и общие исследовательские практики, связанные со сбором и обработкой фольклора и пересекающие национальные границы: *«На сбор и обработку сказок, легенд и преданий родного народа братья Гримм потратили около двадцати лет своей жизни <...> Почти одновременно с братьями Гримм в России собирал пословицы, поговорки, песни и сказки Владимир Иванович Даль; обработке русской народной сказки посвятил себя Александр Николаевич Афанасьев... И еще многие и многие»* (Пионер, № 1, 1985).

Стоит также отметить и прием, который мы обозначим как «металитературная рамка». Суть его в том, что творчество одного писателя представлено в литературной интерпретации другого. К примеру, автор материала к столетию со дня рождения Чарльза Диккенса (Пионер, № 6, 1970) помещает английского писателя в металитературную рамку, начиная журнальную статью с рассказа К. Паустовского «Случай с Диккенсом». Описанный К. Паустовским забавный случай, произошедший в Феодосии в 1939 году, представляет Диккенса как писателя, от которого невозможно оторваться. Рыбак, персонаж Паустовского, с трудом возвращает книгу мальчику, хозяину книги: *«Что это была за книга?» – спрашиваю я рыбака. «Та Диккенс, – говорит он с досадой. – Такой прилипчивый писатель – как смола!»* (К. Паустовский. Случай с Диккенсом)

Формат очень короткого рассказа К. Паустовского позволяет разместить его в рамках журнальной статьи практически без сокращений в качестве своеобразного предисловия, а слова самого журналиста созвучны высказыванию героя Паустовского, вступают с ним в отношения диалогичности: *«...Даже и среди тех, кто безусловно относится к «великим», далеко не каждого читают так захлеб, не отрываясь, залпом, единым духом, от первой страницы до последней. Короче говоря, так, как читал описанный Паустовским рыбак неведомую нам книгу Диккенса»* (Пионер, № 6, 1970).

Подведем краткий итог. На наш взгляд, можно говорить о нескольких процессах в контексте детского журнала «Пионер». Прежде всего, журнал успешно осуществлял **медиатизацию русской литературы**, представление её читателю средствами массмедийного издания, выполняющего одновременно и воспитательную, и развлекательную функции. Процесс медиатизации позволял выйти за рамки школьной программы, охватить более широкий круг авторов и произведений и показать, что процесс чтения несводим к обязательному чтению. Иллюстративный материал добавлял наглядности и одновременно делал чтение интересным. При этом медиатизация вряд ли означает упрощение и примитивизацию. Напротив, выстраивание межлитературных параллелей, связей между разными произведениями, сюжетами и жизненными путями

писателей и поэтов позволяло сложить многомерную картину русской литературы. В журнальных текстах о литературе происходила и **медиатизация действительности**, снятие излишних идеологических акцентов, характерных для взрослой жизни, и перенос внимания юного читателя на общечеловеческие ценности, индивидуальность, множественность разных точек зрения, развитие критического мышления. Также можно говорить и о **контекстуализации литературы**, поскольку хорошая книга репрезентировалась как часть жизни обычного советского человека, взрослого и школьника. Истории литературных героев рассматривались в контексте человеческих и общественных отношений, что придавало им новое звучание и приближало современному читателю. Наконец, отметим значительную степень **субъективизации и диалогизации**, характерную для материалов о литературе. На страницах журнала современные писатели ведут с подрастающим поколением уважительный диалог на равных, шутят, интересуются, размышляют, сомневаются. Все перечисленные процессы, как нам видится, создают единое ценностное пространство русской литературы, в котором есть место и классикам, и современным авторам, и читателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 297–325.
2. Кравченко А.В. «Детская печать – вожак и организатор масс»: к истории формирования комсомольской системы руководства центральными пионерскими журналами Москвы в 1920-е гг. / А.В. Кравченко // Детские чтения. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С.190–213.
3. Савина Т.В. «Пионеры острова Ява»: особенности политического языка газеты «Пионерская правда» (вторая половина 1920-х) / Т.В. Савина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 3(119). – С.83–98.
4. Balina M. The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children / M. Balina, S. Oushakine (eds). – Toronto: University of Toronto Press, 2021. – 569 p.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ

- Пионер, 1970, № 1, № 2, № 5, № 6, № 7, № 9.
Пионер, 1985, №1

Поступила в редакцию 14.05.2022 г.

THE WORLD OF RUSSIAN LITERATURE IN THE CHILDREN'S 'PIONEER' MAGAZINE (1970-80s)

T.V. Dubrovskaya

The author analyses data drawn from the children's 'Pioneer' magazine (1970-80s) with the aim to expose the way the world of Russian literature is represented in the magazine and the role of these representations. The conclusion is made that the magazine mediatized Russian literature, which expanded the school reading and contributed to a multi-faceted picture of Russian literature. Contextualisation of classic literature established its link with the present times, while subjectivisation and dialogicity constructed a joint axiological space that embraced classic and modern authors as well as readers.

Key words: magazine 'Pioneer', Russian literature, mediatisation, Soviet.

Дубровская Татьяна Викторовна.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

Заведующий кафедрой «Английский язык».

Email: gynergy74@gmail.com

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Penza State University.

Head of the English Language Department.

Email: gynergy74@gmail.com

УДК 811.161.1.09-1

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

© 2022 Ю.Л. Дмитриева

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассматриваются виды пространства, выделяемые в современной лингвистике. Автор описывает функционирующие пространственные модели, анализирует параметры их построения. В работе отмечается, что при формировании пространственных моделей учитываются, во-первых, позиция человека (говорящего), во-вторых, дифференциация пространственных объектов на «свое» и «чужое». Кроме того, в основе пространственной модели лежит оппозиция «внутренний – внешний». Автор считает целесообразным при описании пространственной модели мира учитывать горизонтальное и вертикальное измерения пространства.

Ключевые слова: модель мира, пространство, категория «свой – чужой», зона, параметр.

По мнению исследователей, одним из наиболее доступных для познания феноменов окружающего мира является пространство. Данные о нём поступают к индивидууму при непосредственном взаимодействии с действительностью. Далее полученные знания концептуализируются и категоризируются. Результатом этих процессов является построение модели мира или картины мира (как показали наши исследования, последний термин традиционно используется в лингвистике). Так, Н.Б. Корина рассматривает пространственные модели мира как компоненты, входящие в состав модели мира человека. Е.С. Яковлева пространственную модель определяет как фрагмент русской языковой картины мира. Ряд современных исследователей (в их числе М.В. Осыка, О.А. Радчук, З.А. Мельничук, Т.С. Медведева, Л.К. Хертек, Н.А. Ветрова, А.М. Мухачева и др.) рассматривают пространство как концепт, т.е. единицу картины мира. В работах Н.С. Болотновой, Т.В. Матвеевой, А.П. Боярова, М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского, Ф.Г. Гусейнова, А.И. Даниленко, Т.П. Засухиной, Л.И. Ивановой, М.В. Игнатъевой, Ю.Г. Мартиросян, М.Н. Мурзина, О.А. Радутной, Д.В. Уткина, С.Т. Саевич и др. пространство интерпретируется как категория. Аналогичное определение зафиксировано в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Ср.: «Пространство – одна из двух универсальных онтологических категорий, определяющих картину мира и рамки существования в нём человека» [8, с. 304].

Следовательно, в современных исследованиях нет единой точки зрения на квалификацию пространства. Кроме того, при анализе особенностей экспликации пространства (пространственных отношений) в текстах писателей не даётся его системное описание, а рассматривается либо грамматическая категория локативности, либо художественное пространство и его типы, либо модели пространства, объективированные в текстах разных стилей. Кроме того, не решённым остаётся как вопрос определения пространства, так и исследования средств вербализации данного феномена на материале русского и других языков. Актуальность исследования определяется необходимостью системного описания пространственной модели мира, выделения параметров как построения модели, так и описания её ключевых образов.

Цель статьи – описание существующих пространственных моделей и определение параметров моделирования пространства. Материалом исследования являются

произведения С. Есенина, данные толковых, этнолингвистических словарей и энциклопедий.

В современной лингвистике существуют различные типологии пространства. Так, Е.С. Яковлева трактует анализируемый феномен как «одну из фундаментальных категорий мировосприятия человека» [10, с. 16]. В своей работе «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» исследователь дифференцирует геометрическое и семиотическое, физическое и умозрительное пространство (или бытийное квазипространство), «пустое» пространство, пространство инобытия, а также художественное пространство. Последнее автором не рассматривается в связи с многочисленностью работ, посвященных данному виду пространства.

Геометрическое (или физико-геометрическое, ньютоновское – в терминологии Е.С. Яковлевой) пространство квалифицируется в указанной работе как совокупность физических и геометрических параметров пространственных объектов. Под семиотическим (лейбницевским) пространством понимается «область человеческих представлений о мире, так сказать “наивная философия” мира» [10, с. 18–19]. Так, у С. Есенина в произведении «Русь» лирический герой неоднозначно воспринимает Русь: с одной стороны она охарактеризована, как родная сторона, с другой – её пространство описывается лирическим героем как внешним наблюдателем и характеризуется с помощью оценочных аффиксов в словах *ухабины*, *избёнка*, *невесточка*. Ср.: *Потонула деревня в ухабинах / Заслонили избёнки леса* [4, с. 17]; *Затомилась деревня невесточкой* [Там же, с. 19]; *Ой ты, Русь моя, милая родина, / Сладкий отдых в шелку купырей* [Там же, с. 18]; *Ах, поля мои, борозды милые, / Хороши вы в печали своей! / Я люблю эти хижинки хилые / С поджиданьем седых матерей* [Там же, с. 20]; *Ой ты, Русь, моя родина кроткая, / Лишь к тебе я любовь берегу* [Там же, с. 21]; *Но люблю тебя, родина кроткая! / А за что – разгадать не могу* [Там же, с. 18].

Кроме того, исследователь рассматривает физическое, т.е. реально воспринимаемое человеком, и умозрительное пространство. С выделенным типом связано терминосочетание *окрестность говорящего*, т.е. «конкретное физическое пространство (трёхмерное, гомогенное, протяжённое)» [10, с. 43]. Умозрительное пространство описывается исследователем через относительные показатели окрестности говорящего. «Свобода границ “окрестности” ... позволяет им описывать объекты, местоположение которых неизвестно, неопределённо или вовсе даже неопределимо» [Там же, с. 43]. Автор отмечает, что в этой связи наречия *далеко* и *близко* не могут рассматриваться как маркеры оценки расстояния до конкретного объекта. Они квалифицируются как косвенные указатели на «отсутствие (*далеко*) или наличие (*близко*) объекта (ведь, если «бытие означает присутствие» [Хайдеггер 1991б], то указание на отсутствие может означать небытие объекта)» [10, с. 44]. Так, в тексте «Русь» С. Есенин описывает долгое отсутствие мужской части населения в связи с войной. При этом автор указывает как на отсутствие родных (вербальные знаки *ополченцы*, *затомиться*, *милые*, *разлука с родимыми*), так и на перемещение их из родного села на войну, в дальний край (лексемы *война*, *дальний край*, *дальняя волость*, *дали*). Ср.: *Повестили под окнами сотские / Ополченцам идти на войну* [4, с. 18]; *Затомилась деревня невесточкой – / Как-то милые в дальнем краю?* [Там же, с. 19]; *И пришли к ним нежданно-негаданно / С дальней волости груды вестей* [Там же, с. 19]; *А за думой разлуки с родимыми / В мягких травах, под бусами рос, / Им мерещился в далах за дымами / Над лугами весёлый покос* [Там же, с. 20–21].

Отметим, что в мифопоэтической картине мира, отображённой в фольклорных текстах, также наличествуют описания объектов и/или пространств, местоположение которых неопределённо и доподлинно не установлено. Так, славяне выделяли две пространственных зоны: реальную (бытийную) и потустороннюю. В «Словаре славянской мифологии» (автор-составитель В.В. Адамчик) описывается одна из зон потустороннего пространства – Ирий, т.е. небесное царство богов. Согласно данным словаря, оно было создано Сварогом над Рипейскими горами возле Латырь-горы. Отметим, что данные топонимы не значатся на географических картах. При вводе поисковых запросов в системы Яндекс и Google предоставляются ссылки на Википедию, блоги и сайты частных лиц, посвящённые мифологии славян. В ресурсе dic.academic.ru анализируемые вербальные знаки также представлены только статьями из Википедии. Соответственно, описываемое пространство, хотя и обозначено названиями географических объектов, может квалифицироваться как умозрительное, поскольку упомянутые горы не зафиксированы на картах и в атласах Земли.

Однако славяне достаточно полно описывали рассматриваемую пространственную зону. Ср.: «Описание Ирийского сада присутствует во многих народных песнях, он многократно изображается на лубочных картинках» [9, с. 268]; «Этимологическая реконструкция слова, поддерживаемая сохранившимися верованиями, позволяет связать Ирий с древнейшими славянскими представлениями о потустороннем мире, который находится под землёй или за морем, куда улетают души умерших и куда путь лежит через воду, в частности, через омут, водоворот. Первое упоминание об Ирии содержится в «Поучении» Владимира Мономаха (1096 г.)» [7, с. 422]; «Из трёх основных “моделей” рая, известных книжной традиции, – “сад”, “город” и “небо” – в народных верованиях наиболее разработан образ рая-сада, однако этот сад чаще всего помещается на небе и тем самым сливается с образом рая-неба; он нередко рисуется как огороженное, замкнутое пространство, обнесённое высокой стеной, что сближает рай с городом» [8, с. 397].

В соответствии с фольклорной традицией и/или моделью (в терминологии этнолингвистического словаря «Славянские древности») представления райского сада как места, где произрастает мировое дерево, под сенью которого расположен терем (см. [3, с. 64–65], описана пространственная зона рая в произведениях С. Есенина. Так, в стихотворении (маленькой поэме) «Микола» рай – место, соотносимое с человеческим жильём, в котором обитают Божья Мать, ангелы, сам Бог. Ср.: *Кроют зори райский терем, / У окошка Божья Мать / Голубей сзывает к дверям / Рожь зернистую клевать* [4, с. 16]; *Говорит Господь с престола, / Приоткрыв окно за рай* [Там же, с. 14]; *Я – слуга давнишний Богов, / В Божий терем правлю путь* [Там же, с. 15] и др.

Выделенные в примерах языковые знаки *Бог*, *Господь* и *Божья Мать* эксплицируют традиционные для христиан представления о существах, населяющих анализируемую пространственную зону. Ср.: «Бог – по религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)» [1]; «Господь – в христианстве: одно из имён Бога» [Там же]. Вербальный знак *Божья Мать* не зафиксирован в толковом словаре, однако в нём есть статья, посвящённая лексеме *Богородица*, т.е. «одно из имён Девы Марии в христианстве, непорочно зачавшей и родившей Иисуса от Святого Духа» [1]. Адъективы *райский*, *Богов*, *Божий* выражают отношение описываемой пространственной зоны к потустороннему (к раю) и его обитателям (к Богу).

Кроме того, рай представлен как пространство, соотносимое с жильём человека. На это указывают лексемы *терем*, т.е. «жилое помещение в верхней части богатых хором или дом, особняк в виде башни» [1]; *окно (окошко)*, т.е. «отверстие в стене здания» [Там же]; *дверь*, т.е. «отверстие в стене для входа и выхода из помещения, а также створ, закрывающий это отверстие» [Там же].

Итак, пространственную зону рая квалифицируем как умозрительное пространство. Однако Е.С. Яковлева связывает данную разновидность пространства с квазипространством, которое определяет как «в сущности то же самое умозрительное пространство бинарных оппозиций» [10, с. 44]. Эти оппозиции выражаются наречиями *далеко* и *близко* в обобщённом значении, т.е. «*близко (рядом)* символизирует “наличие” объекта, его функциональное бытие; *далеко* – “отсутствие” объекта, равноценное его функциональному небытию. В обоих случаях, – пишет исследователь, – оценки стереотипизированы и, как следствие, исключают возможность каких-либо уточнений» [10, с. 46–47]. Учёный приходит к выводу, что в указанном значении вербальные знаки описывают определённое ирреальное или гипотетическое пространство, которое не обладает ни протяжённостью, ни однородностью, ни равноценностью полюсов. Соответственно, между *близко* и *далеко* нет промежуточного звена.

С признаком «наличия/отсутствия объекта, констатирующего пространство» связано выделение Е.С. Яковлевой «пустого» пространства, т.е. указание отсутствия объекта в окрестности говорящего. В качестве примера автор труда «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия» приводит пример из А. Аверченко: «*Хотя вблизи никого не было... но он считал своим долгом играть роль до конца*» [10, с. 37]. В данном предложении «предметом описания является его отсутствие» [Там же].

Наконец, исследователь выделяет пространство инобытия, т.е. те зоны, которые существуют за пределами реального бытийного пространства. В фольклорных текстах они описываются вербальными формулами *за тридцать земель; в тридцатом царстве; за горами, за морями*. Так, «Б.А. Успенский предложил считать *далёко* маркированным оппозиционным партнером нейтрального *далеко* при описании квазипространственной или инобытийной “дальности”. Т.е. для современного носителя языка пространственное *далеко* – это всегда либо “небытие”, либо “инобытие”» [10, с. 49].

Итак, выделение перечисленных типов пространства и анализ языковых знаков легли в основу формирования пространственных моделей, характерных, по данным Е.С. Яковлевой, для русской языковой картины мира. В их число входят относительная, динамическая модель; абсолютная, статическая модель; бытийное квазипространство; пространство инобытия.

Несколько в другом аспекте пространство рассматривают авторы коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте». Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер, И.В. Тубалова, Ю.В. Королева, Л.П. Дронова, С.А. Толстик, Д.А. Катунин, Л.И. Ермоленкина, З.И. Резанова под пространством понимают естественную категорию, через которую человек взаимодействует с миром. В следствие чего она «находит множественные отражения в визуальных, тактильных образах, как статических, так и динамических, действенных» [5, с. 5]. Исследователи не выделяют разновидностей пространства, однако указывают на его антропоцентричность. «Пространственные отношения предстают в наивной языковой картине мира, – пишет Р.Н. Порядина, – как расположение предметов относительно человека и относительно других предметов. Определяющим при этом

является позиция человека, его взгляд на фрагмент топоса» [5, с. 11–12]. Так, в произведении С. Есенина «Микола» для лирического героя определяющим является его путь через земное бытийное пространство на небеса. Это актуализируется в следующих примерах: *В шапке облачного скола, / В лапоточках, словно тень, / Ходит милостник Микола / Мимо сёл и деревень* [4, с. 12]; *И идёт тропой неспешной / по селеньям, пустырям: / «Я, жилец страны нездешней, / Прохожу к монастырям* [Там же, с. 13]; *Звонкий мрамор белых лестниц / Протянулся в райский сад* [Там же, с. 15] и др. Соответственно, милостник, т.е. «любимец, случайный человек, покровительствуемый кем» [2] (в произведении – Богом), сам определяет свою принадлежность к стране и отношение к пространственным объектам (*мимо сёл и деревень, по селеньям, пустырям, к монастырям*).

В монографии в соответствии с позицией индивидуума упоминаются «наиболее обширные и распространённые» пространственные модели. В их числе вертикальная, поверхностная, фасад, внутренность, упорядоченность.

Отметим, что Р.Н. Порядина выделяет бытийный и духовный мир, а также описывает образы пространственной динамической модели “движения (перемещения) в пространстве”, пространственной динамической модели линейного пространства, вертикали власти как пространственной модели. Кроме того, исследователь отмечает целесообразность отнесения объектов пространства к категории «свой – чужой». В связи с чем выделяет также пространственные модели «внутренний / внешний» и «близкий / далёкий». Однако мы считаем, что представленные модели целесообразно отнести к признакам образов пространства, поскольку они указывают на оценку человеком пространственных объектов, соотношение кодов культуры (см. [6, с. 298–308]).

Кроме того, исследователь строит модель «своего» мира и зеркальную модель «чужого» мира. Так, в «свой» мир Р.Н. Порядина включает личность, «свою» семью и её собственность, «свою» деревню, «свою» страну. К «чужому» миру относятся неродные, чужие дети и родители; «чужая» семья и её собственность; «чужая» деревня, город; «чужая» страна [5, с. 71–73].

Л.Г. Гынгазова дифференцирует пространство на физическое и духовное. Фактическим материалом исследования является дискурс носителя традиционной культуры. Учёный отмечает, что «первичность пространственных отношений в структуре картины мира определяет широту и многообразие способов их концептуализации» [5, с. 82]. Сама же картина мира характеризуется в работе космологической ориентацией. Картина мира, согласно Л.Г. Гынгазовой, «есть глобальный образ мира, выстраиваемый человеческим сознанием» [Там же, с. 83], границы которого задаются пространством. Оно же определяет структуру глобального образа мира. Отметим, что в работе наравне с терминосочетанием *глобальный образ мира* функционирует терминосочетание *глобальное пространство мира*.

Исследователь указывает, что космологическое видение пространства задаётся как определёнными вербальными знаками (в их числе *свет, мир, земля*), так и христианским миропониманием. Так, пространство делится на «пространство бытия (*белый свет, этот свет*) как область реального и инобытия (*тот свет*) – область потустороннего, сакрального» [5, с. 84].

Отметим, что Л.Г. Гынгазова говорит о нескольких измерениях пространства: горизонтальном и вертикальном. Для горизонтального измерения характерно восприятие окружающего мира человеком как точкой отсчёта в моделировании действительности. Данному измерению свойственна протяжённость. Кроме того,

согласно концепции исследователя, оно также членится в соответствии с категорией «свой – чужой», с помощью которой «упорядочиваются как чувственно воспринимаемые, так и когнитивно обусловленные объекты» [5, с. 89].

Вертикально измерение интерпретируется учёным как векторное «верх – низ», «из которых первое ассоциируется с жизнью, второе же соотнесено со смыслом небытия, смерти» [Там же, с. 85].

Поскольку пространство рассматривается как одна из первичных реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется индивидуумом, оно, по мнению Л.П. Дроновой, «оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [5, с. 226]. Исследователь выделяет ряд семантических моделей пространства:

- 1) «(то, что) здесь и сейчас (есть)» → «настоящее, истинное, хорошее, оставаться / жить»;
- 2) «близко / рядом (находящийся)» → «близкий человек: любимый, друг»;
- 3) «выше – ниже» → «лучше – хуже»;
- 4) «напротив / наоборот» → «плохой, злой, дурной»;
- 5) «далёкий / дальний» → «чужой», «плохой, злой, дурной».

Данные модели строятся на анализе этимологии и современных толкований соответствующих вербальных знаков. Так, Л.П. Дронова отмечает, что первая семантическая модель основывается на том, что человек осознаёт себя, своё место в пространстве. Это позволяет организовать свою социальную жизнь, которая как раз и дана «здесь и сейчас».

В основе второй, четвёртой и пятой семантических моделей лежит дифференциация как пространственных объектов, так и членов социума в соответствии с категорией «свой – чужой».

Положительная и отрицательная оценка окружающего мира также соотносится с пространственными представлениями (в частности с представлениями о высоком и низком). Л.П. Дронова отмечает, что данные признаки неоднозначно участвуют в формировании оценки.

Следовательно, в коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте» пространство характеризуется прежде всего по отношению к позиции человека, также оно рассматривается сквозь призму категории «свой – чужой». Наконец, в работе введено горизонтальное и вертикальное измерения пространства и определены его космологические характеристики.

Мы пространственную модель мира трактуем как отображение представления этноса об организации пространства. Ранее нами были выделены две базовые оппозиции построения данной модели. Это оппозиции «своего – чужого» и «внутреннего – внешнего». В число базовых параметров рассматриваемой модели мы включаем (1) геометрические позиции объектов, выраженные формами языка, (2) бинарные признаки характеристики пространства («верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», отчасти соотносимые с геометрическими позициями), (3) признаки культурно-социального начала. Однако анализ произведений С. Есенина показал, что необходимо учитывать также горизонтальное и вертикальное измерения пространства. Системное описание средств экспликации пространственной модели мира в текстах С. Есенина составит перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 13.01.2022).

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В.И. Даль. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 13.01.2022).
3. Дмитриева Ю.Л. Образ дерева в русской лингвокультуре : моногр. / Ю.Л. Дмитриева. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 176 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы). Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина. – М. : Наука. – Голос, 1997. – 464 с.
5. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 384 с.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ЙТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1999. – 697 с.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
9. Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В.В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 2008. – 639 с.
10. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

Поступила в редакцию 13.05.2022 г.

SPATIAL MODELS OF THE WORLD IN MODERN LINGUISTICS

J.L. Dmitrieva

The article discusses the types of space singled out in modern linguistics. The author gives a description of functioning spatial models, highlights the parameters of their construction. It is pointed out that in the course of the analysis of spatial models the position of the speaker as well as the differentiation of spatial objects into «one's own» and «someone else's» are taken into account. In addition, the spatial model is based on the opposition «internal – external». The author considers it expedient to take into consideration the horizontal and vertical dimensions of space when describing the spatial model of the world.

Key words: world model, space, category «one's own» and «someone else's», zone, parameter.

Дмитриева Юлия Леонидовна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

E-mail: Juls88Dmitrieva@yandex.ru

Dmitrieva Julia Leonidovna.

Candidate of Philology.

Gorlovka Institute for Foreign Languages.

Associate professor of Department of General Linguistics and Slavic Languages.

E-mail: Juls88Dmitrieva@yandex.ru

УДК 811.161.1.

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА

© 2022 *Н.В. Лешкова*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье поднимается проблема прецедентности текстов православного дискурса. В рамках православного дискурса можно выделить социумно-прецедентные и универсально-прецедентные феномены, в другой классификации различают микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие прецедентные тексты.

Ключевые слова: дискурс, феномен, текст, классификации, православный дискурс.

История появления, а также существования любого текста или речевого произведения независимо от пожеланий адресанта, а также большое количество интерпретаций одного и того же текста становятся популярными среди все большего количества лингвистов.

Язык как явление уникальное обладает способностью обеспечивать информационную наследственность, фиксируя духовный и культурный опыт человека и передавая его следующим поколениям. С помощью языкового информационного кода формируется лингвокультурное и языковое сознание, ядром которого являются прецедентные феномены.

Составляющей частью общего фонда прецедентных феноменов являются прецедентные религиозные феномены. В работах современных лингвистов, как прецедентный феномен, в основном рассматривается Евангелие или его фрагменты. Однако к православному дискурсу принадлежит не только текст Евангелия, но и другие тексты религиозного содержания (притчи, псалмы, молитвы, проповеди), способствующие реализации речевых актов, смысловое наполнение которых относят к сфере религии. Такие тексты, как и Библия, имеют статус прецедентных феноменов, ведь составляют «готовые блоки» для проработки информации, получаемой в процессе коммуникации.

Актуальность нашего исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы прецедентности в православном дискурсе и необходимостью подробного научного анализа многих аспектов такого жанра православного дискурса, как проповедь, которые затрагивают фундаментальные вопросы и проблемы лингвистики как протекание межкультурной коммуникации, выявление определяющих мотивов и интенций коммуникантов, уровни развития языковой компетенции и др.

Цель исследования состоит в выявлении прецедентных феноменов в православном дискурсе, анализе возникновения прецедентных текстов, их восприятия в изучаемых текстах.

Научная новизна нашей работы определяется тем, что в исследовании осуществлена характеристика прецедентных религиозных феноменов, представленных в проповедях.

Любой текст становится похожим на другой, приобретая некоторые характеристики, присущие определенным одушевленному организму, которому можно

отнести качества живого, эволюционирующего, изменяющегося существа, отсюда такие определения, как «(по)рождение текста», «жизнь текста», «развитие текста», «застывший текст» и др. Текст рассматривается не как зафиксированная форма, а как процесс: «...текст не может неподвижно застыть..., он по природе своей должен сквозь что-то двигаться...» [1, с. 415].

Мы можем однозначно говорить о том, что тексты влияют на язык, анализируя то, что любые или фрагменты уже изученных текстов, или полные тексты отражаются в воспроизводимых текстах, осознавая или не осознавая представление о том, что они могут улучшить сам процесс передачи идеи в воспроизводимом тексте и могут поспособствовать его адекватному восприятию и большей эффективности. Ссылки на готовый текст, которые используются, устанавливают конкретные связи производимого текста с предшествующим: *«Без Меня не можете творить ничего»*, – сказал Господь (см. Ин. 15:5). Действительно, это относится даже к обычным человеческим делам, а если говорить о духовной жизни, то ничто не может быть совершено без Бога во благо роду человеческому. И этот Божественный сигнал, эта передача Божественной энергии от Творца через Сына силой Святого Духа каждому из нас и есть не что иное, как дар благодати Божией (Патриарх Кирилл).

Воспроизводимость любого текста является феноменом того же порядка, что и воспроизводимость другой единицы языка. Основой воспроизводимости текста является, прежде всего, его основная функция – номинации. Во всех видах дискурса наблюдается такое явление, при котором автор стремится обогатить текст, созданный им, фрагментами из текстов, которые были услышаны, проанализированы и восприняты им ранее, текстовыми реминисценциями – отсылками во вновь создаваемом тексте к текстам ранее созданным. «Большую часть своих познаний о мире во всем разнообразии его проявлений человек черпает не из непосредственного опыта, а из текстов. Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование человека, в том числе на его язык как устройство для производства, преобразования и понимания текстов» [5, с. 17-29].

Мы не можем не согласиться с Ю.Н. Карауловым, который под прецедентными понимает тексты, которые являются значимыми для определенной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; которые имеют сверхличностный характер, т.е. понятные окружению личности; обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [2, с. 105].

Под прецедентом мы рассматриваем случай, который происходил ранее и который служит примером или оправданием для таких случаев, которые последуют позже, но будут подобного рода. Прецедент – конкретный факт, на который можно сослаться, он может быть образцом и обладать императивностью. Прецеденты могут состоять из фактов, которые служат примером для воспроизведения похожих фактов и которые в речи представлены некоторыми вербальными сигналами, актуализирующими нормативное содержание, которое не воспроизводится вторично.

В такой презентации прецедентов в них может включаться клишированные выражения и различные речевые штампы, стереотипы и фреймы разного уровня. Итак, прецедент представляет собой определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [6, с. 30], который является весомым для конкретного социума и который регулярно актуализируется в речи его представителей.

Речевой или текстовый отрезок может быть интерпретирован по-разному. Ролан Барт множественность смыслов трактует как «не просто допустимую, но неустранимую характеристику текста» [1, с. 419]. Таким образом, в формировании концепта

прецедентного текста важную роль играет личность интерпретатора. Прецедентные феномены, однозначно, могут быть частью идеологического контекста текстов определенного времени, конкретного сообщества или группы. Они несомненно коррелируют с жизненной идеологической позицией, а жизненная идеология вовлекает какое-то речевое сообщение в определенную социальную ситуацию.

Корпус национальных прецедентных текстов непрерывно меняется именно под влиянием изменений в жизненной идеологии нации, на смену старых постоянно приходят новые прецедентные тексты.

Признаки прецедентных феноменов:

а) они узнаваемы представителями определенного национального лингвокультурного сообщества;

б) они являются важными в когнитивном и эмоциональном планах;

в) представители любого лингвокультурного сообщества в речи постоянно обращаются к таким текстам.

У представителей определенного языка есть общий национально-детерминированный инвариант восприятия прецедентного феномена. Он делает возможными все обращения к прецедентному феномену понятными всем и коннотативно окрашенными. В таких случаях частотность не имеет большого значения; отсылки к прецедентному феномену могут быть понятными без последующих комментариев.

С одной стороны, все прецедентные феномены являются эталоном культуры, так как прецеденты – это «факты, служащие образцами для деятельности» [3, с. 13], своеобразными эталонами.

С другой стороны, прецедентные феномены могут себя реализовать как некая свернутая метафора, которая выступает символом конкретного феномена или ситуации. И.В. Захаренко изучил вопрос о соотношении и разграничении канона, эталона и прецедента одним из первых. В самом простом, схематичном виде канон можно обозначить как норму, согласно которой осуществляется деятельность; эталон – это мера, в соответствии с которой оцениваются любые феномены.

Канон сближается с ритуалом в отличие от прецедента, т.к. любая норма – это план определенного поведения, перечень указаний по проведению некоторых ритуалов. Канон базируется на определенных социумом правилах реализации некоторых моделей, которые представляют собой целую парадигму конкретных нормативных установок. Ритуал, восходящий к обряду, в основе которого в свою очередь лежит прецедент, и канон тесно связаны. В основе любого контекстуального использования языка лежит некая ситуация, прецедент, с которым связи уже давно нет, а значит, этот ритуал будет лишен языкового контекста, и будет выступать как пустая форма, которую поддерживает канон, т.е. перечень образцовых правил по выполнению ритуала.

Итак, канон – образец ритуального поведения, эталон – образец поступка. Корпус прецедентных феноменов представляет собой систему эталонов, которая отражает и определяет механизмы регуляции деятельности и поведения людей.

После появления прецедентных текстов в лингвистике появились понятия прецедентного имени (Гудков 1996), прецедентного высказывания (Костомаров, Бурвикова 1994), прецедентного прагморелекса (Прохоров 1996), прецедентного феномена и прецедентной ситуации (Красных 1997). Г.Г. Слышкин определил: «Во-первых, можно говорить о «текстах, прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и др.). Во-вторых,

существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок... Тем не менее в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе этого отрезка времени» [4, с. 28]. Ученый Г.Г. Слышкин под прецедентным текстом понимает «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [там же]. Прецедентным может стать текст любого объема.

Показателем ценностного отношения к определенному тексту, а, значит, показателем его прецедентности служат частые ссылки к узнаваемому тексту в процессе создания новых единиц.

Выделяются такие виды прецедентных текстов: *автопрецедентные*, которые представляют собой выражение в сознании индивида определенных феноменов окружающей действительности, которые обладают особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для конкретной личности, связанных с индивидуальными представлениями, которые включены в ассоциативные ряды; *социумно-прецедентные*, которые известны любому представителю социума, входящие в коллективное когнитивное пространство; рамки группы могут быть широкими, но в любом случае она обладает набором прецедентов, которые характерны только для нее, так, текст Евангелия является прецедентным для любого христианского социума; рассказ о Лазаре известен всем представителям указанной группы и связан с определенными представлениями независимо от национальной или конфессиональной, например, внутри христианского мира – принадлежности; *национально-прецедентные*, которые известны любому среднему представителю любого лингвокультурного сообщества, входят в когнитивную базу этого сообщества; *универсально-прецедентные*, которые известны любому современному полноценному homo sapiens и входят в универсальное когнитивное пространство человечества.

Что касается православного дискурса представляется возможным говорить о социумно-прецедентных и универсально-прецедентных феноменах. В несколько другой классификации различают микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие прецедентные тексты.

Все прецедентные феномены православного дискурса относятся к числу цивилизационных и общечеловеческих. Прецедентный текст всегда формирует концепт социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Все реминисценции, которые основаны на апелляции к концептам прецедентных текстов, должны отвечать ряду условий: адресант должен осознавать факт совершаемой им реминисценции на определенный текст; адресат в свою очередь должен быть также знаком с исходным текстом и должен понять сам факт отсылки к данному тексту; у адресанта должна иметься прагматическая пресуппозиция знания адресатом данного текста: *В меру своих сил я пытаюсь делать то, что можно сделать, сохраняя верность Православию и одновременно не забывая о заповеди Христовой «да будут все едино» (Ин. 17:21). Думаю, именно так и развивается наша жизнь в Русской Православной Церкви: мы не замкнуты в самих себе, у нас обширные и важные внешние связи, нацеленные на то, чтобы сблизить позиции христиан по многим вопросам современности и тем самым сделать более близкими христиан Востока и Запада* (Патриарх Кирилл). Используя концепт прецедентного текста, адресант должен быть уверен, что сам факт использования прецедентного текста осознается как им самим, так и адресатом. Если адресант делает это неосознанно, это уже не прецедентный текст, а речевой стереотип. В том случае, когда нет отсылки к

ранее усвоенному тексту, нельзя говорить и о наличии эмоциональной или ценностной значимости исходного текста для процесса коммуникации.

Христианство в целом послужило «мощным культуроносным источником для русского миропонимания» [6, с. 244]. По мнению Дж. Фрэзера, вся культура вообще вышла из храма. Влияние Библии трудно переоценить, христианская культура нашла свое отражение в языке, это многочисленные библеизмы: «каиновая печать», «Фома неверующий», «соломоново решение», «вавилонское столпотворение», «бесплотная смоковница», «злоба дня», «волк в овечьей шкуре», «от лукавого». Единицы такого рода, как правило, не остаются неизменными, язык адаптирует их, несколько изменяя первоначальное значение, так появляются единицы «посылать от Понтия к Пилату», «до кровавого пота», «жить мафусаилов век» и др. Некоторые лексические единицы с библейской этимологией в современном языке кардинально изменили свое значение: «зарывать талант в землю», «глас вопиющего в пустыне», «не от мира сего» и др. Например: *Первое, что мы читаем в Евангелии от Марка, – это то, что Иоанн был гласом вопиющего в пустыне: уготовайте пути Господу (см. Мк. 1:3)* (Патриарх Кирилл). *Эта притча говорит о том, что человек не должен зарывать свой талант в землю, он не должен его прятать* (Митрополит Иларион).

В отношении православного дискурса нам представляется возможным говорить о прецедентности внутренней и внешней.

Под внутренней прецедентностью мы понимаем воспроизводимость хорошо известных первичных образцов религиозного дискурса – фрагментов Священного Писания в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса – в первую очередь, проповедей и молитв: *«Мы не имеем права рассчитывать на то, что, прожив жизнь кое-как, недостойно ни себя, ни Бога, в последнее мгновение сможем сказать: **Боже милостив буди ко мне, грешному!** – и что Бог поверит нам в этих словах. Бог услышит каждое слово из глубины сердца, но не расчетливое слово, не такое слово, которое мы скажем как бы в надежде, что одним пустым словом заменим целую жизнь»* (Патриарх Кирилл). В данном случае автор проповеди включает в нее хорошо известную фразу из молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере и всех святых, помилуй нас. Боже, милостив буди ко мне грешному. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» (Патриарх Кирилл).

Однако указанная молитва, в свою очередь, с некоторыми изменениями взята из Евангелия от Луки: «Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: “Боже! Будь милостив ко мне грешнику!” (От Луки 18: 13).

Говоря о внешней прецедентности, нам в дальнейшем представляется целесообразным рассмотреть традиционно выделяемые классы прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации – каждый из которых, однако, имеет ряд особенностей построения и функционирования в рамках православного дискурса.

Специфику лингвокультурного и языкового сознания определяют прецедентные феномены, которые относятся к основным компонентам когнитивной базы и как объект научного изучения являются базой теории прецедентности. Составляющей теории прецедентности является религиозная прецедентность как неоднозначное явление, поскольку к православному дискурсу относятся все тексты религиозного содержания, которые способствуют осуществлению речевых актов. Такие тексты имеют статус прецедентных религиозных феноменов. Правомерность отнесения религиозных текстов или их фрагментов к прецедентным феноменам подтверждается тем, что они

составляют основу для обработки информации, которую получают в процессе коммуникации, и не нуждаются в комментариях относительно ее содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – 615 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
3. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение / Ю.В. Рождественский. – М. : Добросвет, 2000. – 288 с.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 125 с.
5. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания, 1995. – № 6. – С. 17–29.
6. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

PRECEDENCE OF ORTHODOX DISCOURSE

N.V. Leshkova

The article addresses the problem of the precedent texts in the Orthodox discourse. Within the framework of the Orthodox discourse, it is possible to distinguish socio-precedent and universal precedent phenomena. Another approach makes it possible to single out microgroup, macrogroup, national, civilizational and universal precedent texts.

Key words: discourse, phenomenon, text, classifications, Orthodox discourse.

Лешкова Наталия Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

E-mail: nataleshkova@yandex.ru

Leshkova Nataliya Viktorovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Gorlovka Institute for Foreign Languages.

Associate Professor of Department of General Linguistics and Slavic Languages.

E-mail: nataleshkova@yandex.ru

УДК 81'23

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ И СИНТЕТИЧЕСКАЯ НАУКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

© 2022 А.Е. Отина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье производится анализ взаимосвязи процесса концептуализации мира в языке и появления лингвистической отрасли лингвокультурология. Последняя понимается как научная дисциплина синтетического характера.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептосфера, концептуальные ядра.

Феномен языкового освоения мира и построения мира культуры языковыми средствами напрямую связан с процессами познания и концептуализации. Языковая картина мира наиболее полно, чем какая-либо другая (философская, физическая и т.п.), «содержит» в себе мир, так как любая иная картина мира (физическая, философская, картина мира национальной культуры) не является языковой лишь условно, так как все ее сегменты имеют лингвистическое соответствие.

Наиболее значимые для общечеловеческой, либо национальной культуры понятия и представления получают концептуальный статус и закрепляются в языке в качестве особо значимых при речевой реализации слов-концептов.

Изучение концептосферы языка национальной культуры представляет собой прикосновение к её душе (в шпенглеровском смысле), к процессу канонизации (сотворения и закрепления культурных норм) и концептуализации наиболее значимых ценностей для представителей данного народа, конкретной культуры, определенного цивилизационного типа. Поэтому предметная область таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, концептология и лингвокультурология является генератором как вопросов и проблем традиционного характера, так и тех, которые связаны с новой акцентуацией, актуализацией уже существующих и вновь возникающих концептов языка.

Целью данной работы является анализ взаимосвязи процесса концептуализации мира в языке и развития молодой синтетической науки лингвокультурология. Цель конкретизируется в следующих задачах: определение значения языковой картины мира (концептосферы национального языка) в пространстве картины мира национальной культуры; выделение важнейших малых концептосфер и концептуальных ядер в единой концептосфере (языковая Вселенная, макроуровень) русского языка.

Среди трудов концептологического и лингвокультурологического характера нельзя обойти вниманием работы Ю.Д. Аперсян, Т.В. Булыгиной, М.А. Дмитровской, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелёва. Коллективная монография А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва «Константы и переменные русской языковой картины мира» представляет собой настоящую энциклопедию русской концептологии, труд лингвокультурологической направленности, путеводитель по концептосфере русского языка.

Развитие культуры Нового времени, а затем Новейшей истории привело к появлению возникших из общего древа философии, но уже самостоятельных гуманитарных наук – социологии, психологии и, затем, – культурологии.

Общим для всех этих перечисленных научных дисциплин, при всех различиях и самостоятельности их объекта и предмета, является направленность на социокультурное пространство (будь это общество, психические процессы внутри него, либо сущностные силы творящего культуру человека), на коммуникативную организацию человеческой деятельности и на концепты как на ментальные ядра национальной культуры и на то, что конституирует общение и нормы общения в пространстве цивилизации. Кроме того, вышеназванные науки, порожденные философией в ее устремленности к познанию общей картины мира и объективных процессов его организующих, одновременно являются наиболее языковыми в выборе смыслообразования и знакового выражения, т. е. латентно лингвистическими.

В предисловии к коллективной монографии Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева «Константы и переменные русской языковой картины мира», которое озаглавлено «Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?» Шмелев объясняет тонкие связи речевой индивидуальной деятельности с языковым (культурным, лингвокультуроконцептуальным выбором) представителей данной национальной культуры: «Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности... Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [2, с. 17].

Последняя формулировка представляется очень точной – «культура, пользующаяся языком». Язык – не только надиндивидуальная знаковая семантическая, морфологическая, синтаксическая система, но и то целое, которое обладает самостоятельным бытием, что и обуславливает его способность и интенцию формировать и влиять на каждое индивидуальное сознание и на культурные приоритеты конкретных людей, принадлежащих к пространству данной культуры, к данной языковой картине мира.

Представление о национальной культурной картине мира как о концептосфере восходит к трудам В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Н.С. Трубецкого.

Самозарождение языка как важнейшего фактора и факта развития мышления и характеристики антропосоциокультурогенеза является яркой демонстрацией того, насколько, с одной стороны, неразрывно связаны трудовая (творческая) и речевая (мыслетворящая) деятельность человека, а с другой, – иллюстрацией работы формирования понятий и их концептуализации.

Известно, что ученые настаивают на стадийности возникновения и развития речи, которая происходила в мире повсеместно, через которую прошло древнее человечество. Выделяют две стадии в длительном процессе зарождения языков – симпраксическую и синсемантическую. Симпраксическая стадия представляет собой общение, мало отличающееся от того, что сложилось в животном мире: ситуативное, с аффективными выкриками, звуками, жестикуляцией, которыми наполнена непроизводственная деятельность. Но в процессе производственного труда люди коммуницируют и испытывают острую потребность в ином общении – в вербализации действий, в речевом объяснении трудовых и иных (познавательных, адаптивных, эмоциональных и т. д.) процессов. Так возникает синсемантическая стадия. Термин «синсемантическая» говорит сам о себе, он прозрачен («семантика» – смысл). Именно в

это время развития речевого общения зарождается *язык* как культурная реальность: звуки и слова освобождаются от постоянной связи с жизненными конкретными ситуациями, перестают быть случайными, вторичными. Возникает общее для данной группы людей, обитающих на одной территории и занимающихся совместным трудом, семантическое пространство. С этого момента с уверенностью можно говорить о зарождении духовной культуры.

Об огромности значения языковой деятельности в культурной динамике писал И. Гердер. Причины происхождения культуры великий немецкий философ связывал с имманентно присущей человеку способностью к мышлению, которая выражается в творческой деятельности и воплощается в создании таких базовых культурных областей, как язык, мифология, государство, наука, искусство, семья. Первопричиной возникновения всех последующих культурных сфер, по мнению философа, является *язык*. Развитие национальных культур Гердер, опять-таки, непосредственно связывает с формированием культурной вершины – национальных литературных языков [1].

Самостоятельное бытие языка выражается как в его всеобщности, так и в способности к индивидуальному выражению. Всеобщность подтверждается способностью любого, кто овладел одной языковой системой, изучить и освоить другие. Также ее иллюстрирует феномен терминологизированного научного сознания и самих терминов, цель и свойства которых состоят в их универсальности. Неповторимость национального языка – это то, что вызвано зарождением и всей историей культуры народа. Это его фонетика – звуковая одежда, или, как утверждал Потебня, еще и внутренняя форма слова, семантика, этимология и, конечно же – концептуализация. Предельную индивидуализацию язык обретает в художественном творчестве, в авторском произведении.

Язык является живой системой, стихийной и нормативной одновременно, так как он подлежит как канонизации (поиску языковой норы, вершина которой – национальный, литературный язык), так и эволюционированию. Примером последнего является появление в словарях отметок о вариативной категории рода слова *кофе*, когда языковой закон пошел-таки на уступки живой разговорной речи. И теперь выбор «родства» по роду кофе для каждого конкретного носителя языка является либо делом привычки и воспроизводства принятого в окружающей его языковой среде обозначения, либо показателем концептуальной приверженности и языковой традиции, либо проявлением лингвистического вкуса.

Та самая «единосущность мира», о которой писал и к которой стремился великий И.В. Гёте в моменты антиципаций, как нельзя лучше явлена в языке – в единой, целостной, и достаточно подвижной и вариативной системе. При этом, подвижность и вариативность конкретного языка не бесконечны, а обусловлены имманентно присущими ему законами, выражающими его самостоятельное бытие и динамику саморазвития.

С одной стороны, язык нельзя оторвать от человека – его носителя. С другой, – язык представляет собой культурный текст, то есть, нечто самостоятельное, абстрагированное от каждого конкретного языкового субъекта. Язык творится и проводится в жизнь человеком, но и человек ведом языком.

Формирование навыков и адаптация к миру на уровне живой природы возможны и без языка, с помощью примитивных сигнальных систем, как у животных. Но формирование мышления, а тем более, его явленность в различных формах без языка, мягко говоря, затруднительны. Перемена цвета у хамелеона, разнообразие звуков, издаваемых сурикатами, либо угрожающие жесты вожаков гаремных стай обезьян при

их недружественных встречах – сигнал, не знак. Сигнал становится знаком только благодаря его осмыслению, вербальному описанию и осознанию его таковым, то есть только в пространстве языковой системы.

Потребность наших коллективно трудящихся и исполняющих первые коллективные ритуальные действия предков была настолько сильна и повсеместна, т.е. имманентно присуща всем представителям рода *Homo sapiens*, что везде на Земле независимо друг от друга в каждой локально существующей группе людей и племен зарождается речевая деятельность. Везде и повсеместно после бессловесной пока ещё эпохи неандертальцев.

Возникновение письменности является наряду с появлением государственности, разделением труда на умственный и физический, классовым расслоением общества, централизацией власти, формированием развитых религий и выделением искусства в качестве формы общественного сознания, признаком того, что данное социокультурное образование представляет собой цивилизацию. Письменность является новым, принципиально отличающимся от всех прежних способов утверждения и сохранения культурной памяти. Утрата письменности – один из главных признаков упадка культуры, сигнал к осуществлению её спасения, как это было с древнегреческой цивилизацией после разрушительной троянской войны. Таким образом, со времени антропосоциокультурогенеза язык и внеязыковое пространство культуры находятся в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости. Более того, благодаря сигнификативной функции культуры можно смело утверждать, что это самое внеязыковое пространство условно. Ведь всё, что существует для человека, всё, что ему известно и им освоено, получило наименование, языковое оформление, языковой статус.

Картины мира разных национальных культур, цивилизационных типов несут в себе различное концептуальное содержание, разную иерархию концептов внутри собственных концептосфер.

Концептосферы обладают концептуальными ядрами, своеобразными матричными словами концептуального характера, порождающими дочерние, более или менее значительные, но всегда родственные друг другу и значимые по отношению к концептуальному ядру концептами.

В своих работах мы неоднократно упоминали концепт соборности в качестве концептообразующего ядра большой концептосферы русской языковой картины мира. К ней относятся слова со значением сопричастности: сорадование, сочувствие, сопричастность, сорадничество, соболезнование, сострадание, собор и т.д., объединённые приставкой *со-*, выражающей совокупность. Также ей принадлежат слова, никак не связанные морфологическим признаком, а только лексическим, семантическим, такие как жалость, жертвенность, братство, гостеприимство, община.

Либо концептуальное ядро «мир», распадающееся на богатые спектральные направления омонимов: «мир» в значении «мирное время», «не война»; «мир» как «секулярное пространство» («в храме и в миру»), «мир» как элемент светского блеска («и в пир, и в мир, и в добрые люди»), «мир» как «свет» («на тот свет», «на этом свете» – «в этом мире», «в том мире» и т.п.), «мир» как «культурное пространство специфического характера («русский мир»)). Также слово *мир* может выражать социально-политический аспект – «община», то есть, коллективное справедливое социальное устройство, где все решения принимаются коллегиально – «всем миром».

Сложное семантическое пространство представляет собой концептосфера, связанная с концептообразующим словом *дух*. С одной стороны, здесь сразу напрашивается разграничение понятий «дух» и «душа», привнесённое в русскую

языковую картину мира христианством. При фонетическом сходстве слов «дух» и «душа» наблюдается семантический водораздел, связанный с религиозной трактовкой того, что есть дух, а что есть душа. Душа – это одушевлённость, которая есть и у животных, и птиц, и у растений (последние в лингвистическом смысле не одушевлены, в культурологическом – вполне содержат душу). В этом смысле человек, как и другие представители живой природы, обладает душой. Но только по отношению к человеку заходит речь о бессмертной душе как особой ценности («чистая душа», «продал душу» и т.д.). Грехопадение прародителей не только низвергло человечество из рая в падший мир, но и поставило человека перед нравственным выбором, которого лишены животные. В этом контексте душа – субстанция не статичная, а постоянно осуществляемая в этом самом нравственном выборе. От осознания этого в русском языке и закрепились такие устойчивые понятия как «душевность», «душевная пустота», «душевная работа», «открытая душа» и т.п. Как у Н. Заболоцкого:

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

*Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!*

*Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!*

*Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.*

*А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.*

*Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

(Н. Заболоцкий Не позволяй душе лениться...)

Приведение стихотворения целиком в рамках данной статьи связано с тем, что у Заболоцкого предельно ясно описано концептуальное содержание слова *душа*, которое осознаётся именно в русской православной христианской традиции, а именно как

человечность и работа над человечностью – над соблюдением меры, в аскетической работе, в постоянном труде и преодолении себя.

В этом смысле концептуальное содержание слова «душа» всё же приближается к духу, о чём свидетельствуют синонимичные устойчивые выражения русского языка, где присутствуют слова дух и душа: «душевная работа» и «духовный труд».

Христианская традиция мыслит дух как нечто трансцендентное. Это, конечно же, Божественный Дух, это Святая Троица – Отец, Сын и Святой Дух. Это и трансцендентальное И. Канта, и «освобождение и работа высшего освобождения» Г.Ф.В. Гегеля – коннотации слова «дух», вошедшие в русскую языковую культуру (не только в филологический лексикон), начиная с XIX в. в связи с огромным интересом русских романтиков и немецкой классической философии.

Традиционное восприятие духа как созидательного начала породило культурный образ антагониста – «злого духа», носителя порока, разъединения и разрушения. В этом смысле «злой дух» и «злая душа» – не одно и то же. «Злая душа» – частное проявление «злого духа», либо просто обозначение дурного, недоброжелательного характера человека.

Также лексема «дух» может обладать значением «запах» («человечьим духом пахнет»). В современном жаргоне существует пренебрежительное слово «духан» (т.е. «вонь», «плохой запах», «смрад»).

В связи с многозначностью слова дух в его конкретном употреблении в художественном тексте может возникнуть разнообразие герменевтических трактовок. Так, например, только ли о запахе писал А.С. Пушкин в прологе к поэме «Руслан и Людмила»: «Там русский дух, там Русью пахнет!..» В данном случае «русский дух» – это и национальный характер, и русская национальная идея, и «...великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» А. Тургенева, и «чистый русский дух» Н. Некрасова – то есть, концепт, отражающий понятие русскости как таковой.

Также слова «дух» и «душа» могут обладать значением «характер», «свойство личности». Например, сравните: «это мне не по душе», «я это на дух не переношу», либо «это не по мне», «это не в моём характере».

Интересно взаимоотношение слов «одушевлённость» и «одухотворённость». Одушевлённостью, как уже говорилось, обладают живые существа (птицы, рыбы, животные, люди) или даже лингвистические *резиденты* (категория одушевлённости/неодушевлённости) у существительных. Одухотворённость предполагает нечто, относящееся к уровню, на несколько порядков высшему по сравнению с одушевлённостью. Это пантеистические представления, «культурный натурализм» Платона, Полибия и Сима-Ценя, Абсолютный дух Г.Ф.В. Гегеля, Божественная Сущность, Святой Дух христианства. Одухотворённость личности – способность к духовному труду, нравственному выбору, созиданию культуры и к герменевтическому диалогу с её теориями, свойство, отражающее одновременно качество личности и интенции творческого характера.

Все приведенные выше примеры, демонстрируют глубинные связи языковой картины мира и общекультурной картины мира конкретного народа (в данном случае, русских), философии языка и философии культуры. Самосознание культуры напрямую связано с самосознанием языка, культурные рефлексии выражаются в языковых рефлексиях.

В связи со всем вышесказанным, следует отметить, что появление в XX в. таких дисциплин, как лингвокультурология, либо психолингвистика является абсолютно закономерным, обоснованным как зрелостью вступивших в диалог друг с другом наук, так и изменившимися масштабами лингвистических возможностей.

Концептосфера является порождением, воплощением, результатом и объектом творческих усилий и преобразований конкретного народа, обладающего ярким и неповторимым национальным лицом. Она содержит в себе уникальный этнический ген. Социокультурное самоопределение (культурная самоидентичность) напрямую связано с языковыми процессами, зарождающимися и развивающимися в сознании личности.

Поэтому связь лингвокультурологии и психолингвистики очевидна. Эти дисциплины называют гибридными, стыковыми, однако их следует именовать синтетическими. И синтезирует, консолидирует их, прежде всего, язык. Уже говорят о появлении социопсихолингвистики. Вполне вероятно и закономерно в будущем возникновение культуропсихолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка / И.Г. Гердер. – М.: ЛКИ, 2007. – 88 с.
2. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Константы и переменные русской языковой картины мира / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.

Поступила в редакцию 13.03.2022 г.

CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD IN LANGUAGE AND LINGUOCULTUROLOGY AS SYNTHETIC SCIENCE

A.E. Otina

The article addresses the correlation between the process of conceptualization of the world in language and the emergency of the linguistic branch of linguoculturology. The latter is understood as a scientific discipline of a synthetic nature.

Key words: language picture of the world, concept sphere, conceptual cores.

Отина Анна Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет».
Доцент кафедры философии.
E-mail: otina.anna@mail.ru

Otina Anna Evgenyevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National Technical University.
Associate Professor at Philosophy Department.
E-mail otina.anna@mail.ru

УДК 81' 373.1

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ПАРЕМИЯХ СБОРНИКА В. И. ДАЛЯ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»

© 2022 Кл.В. Першина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена собственным именам, выделяемым в паремиях сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля. Определяются референтные области, к которым относятся онимы, устанавливаются особенности их содержательной структуры и функционально-семантическое предназначение в составе паремий.

Ключевые слова: собственное имя, паремия, В. И. Даль.

Данная статья написана в русле изучения семантики собственных имён в языке и речи. Важность исследования онимов в этом аспекте обусловлена их использованием во всех сферах языковой деятельности [4, с. 9]. В своём понимании характера семантики онима мы солидаризируемся с С. Н. Смольниковым, который полагает, что она является речевой, контекстуальной, дискурсивной. При таком подходе собственное имя рассматривается как жёстко прикрепленное к высказыванию, тексту; текст может быть редуцирован до пределов собственного имени, а имя собственное может быть развернуто в текст [7, с. 250].

Объектом анализа в статье выступают онимы в паремиях, представленных в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа», который, благодаря своему количественному и качественному уровню, входит в золотой фонд памятников русской филологической культуры. Как отмечает сам В. И. Даль, «в сборник этот вошли, кроме пословиц, пословичные изречения, поговорки, присловья, скоро(чисто)говорки, прибаутки, загадки, поверья, приметы, суеверья и много речений, коим не сумею дать общей клички, даже просто обороты речи, условно вошедшие в употребление» [3, с. 10].

Собственные имена, входящие в состав устойчивых сочетаний, хорошо изучены в рамках системно-структурной парадигмы и в меньшей степени — через призму антропоцентрической. Этим обусловлен выбор **цели настоящей работы** — проанализировать содержательную структуру и функционально-смысловое предназначение собственных имён в составе паремий сборника и на основе этого определить, какие компоненты концептуального пространства репрезентируются посредством онимов, входящих в состав паремий. Ставя перед собой указанную цель, мы исходим из того, что переведение ономастических исследований в русле антропоцентризма не должно отбрасывать результаты, получаемые в рамках традиционной (системоцентрической) теоретической парадигмы; оно должно базироваться на них в процессе интерпретации фактов. Всё сказанное выше позволяет, на наш взгляд, говорить об актуальности работы.

В своих наблюдениях автор настоящей статьи опирается на издание «Пословицы русского народа» (М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ННН, 2002. — 616 с.) [3], текст которого соответствует тексту книги «Пословицы русского народа: сборник В. Даля» (М.: Гослитиздат, 1957), аутентичной прижизненному изданию 1862 года, с

исправлением искажений и опечаток по рукописи В.И. Даля, хранящейся в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. В. И. Даль достаточно подробно говорит об источниках своего собрания: «Источниками же или запасом для сборника послужили: два или три печатных сборника прошлого века [XVIII в. — *Кл. П.*], собрания Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон — и главнейшие — *живой русский язык, а более речь народа*» (курсив В. И. Даля). Специально оговаривает автор хронологическую глубину источниковой базы: «Ни в какую старину я не вдавался, древних рукописей не разбирал, а вошедшая в этот сборник старина попадала туда из печатных же сборников. Одну только старую рукопись я просматривал и взял из нее то, что могло бы и ныне идти за поговорку или поговорку; эта рукопись была подарена мне гр. Дм. Ник. Толстым, мною отдана М.П. Погдину, а оттуда она целиком напечатана, в виде прибавления, при сборнике пословиц И.М. Снегирева» [3, с. 5]. В. И. Даль в первую очередь отбирал живые, т. е. используемые его современниками, прежде всего простым народом, устойчивые речевые обороты; для него на первом плане было закрепление, фиксация в специальном собрании той части перемий, которая входила в пору его жизни в активное словоупотребление. Он специально это подчёркивает: «<...> вообще же из книг или печати взято мною едва ли не более 6000 или около пятой доли моего сборника. Остальные взяты из частных записок и собраны по наслуху, в устной беседе» [3, с. 5].

Надо отметить, что лексикограф специально не выделяет паремии с онимным компонентом, не отделяет их от состоящих из нарицательных слов. Ср. их подачу в тематических блоках: (1) *ни в городе порука ни в дороге товарищ, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, ни то ни сё, ни рыбы ни мясо, ни пава ни ворона*; (2) *отопком ци хлебал, да в воеводы попал, доселе Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал, взят из грязи да посажен в князи*; (3) *на безрыбье и рак рыба, в худе городе и Фома дворянин, от горя, от нужи и Фома дворянин*; (4) *старуха надвое сказала, тётка Арина надвое говорила, баба ворожила да надвое положила*. Такая подача паремий В. И. Далем подсказала автору статьи методологический подход к анализу: паремии с онимным компонентом должны рассматриваться и анализироваться в общем потоке устойчивых оборотов, включёнными в единую семантико-концептуальную сферу с безонимными паремиями.

В составе паремий сборника выделяются топонимы и антропонимы различных разрядов, агнионимы, геортонимы, хрононимы, названия культовых сооружений, космических объектов, например: *в Москве к заутрене звонили, а на Вологде звон слышали; толокном Волгу не замесишь; Иван был в Орде, а Марья всем рассказывает; у Сидора обычай, а у Карна свой; какова Меланья, таково ей и поминанье; Никола в путь, Христос по дорожке; проси Николу, а он Спасу скажет; не всё коту Масленица, будет и Великий пост; есть чернецы и на Симонове; Варвара ночи украла, день притачала; дуй не дуй, а Великдень у порога; коли звездисто и Стожар горит – иди смело на медведей* и др. Этот состав свидетельствует о широком диапазоне явлений и событий, в паремийное означивание которых включаются собственные имена. Основной корпус онимов в паремиях составляют антропонимы (личные имена) и топонимы; это свидетельствует о том, что онимные компоненты в паремиях репрезентируют базовые для языковой картины мира концептуальные области «человек» и «пространство».

Топонимы в паремиях сборника очерчивают географическое пространство, которое охватывается русской языковой картиной мира, отражённой в паремиях, и

показывают членимость этого пространства на отдельные участки, выступают вербальными координатами этого пространства. К этому следует добавить, что с точки зрения современного восприятия топонимы в паремиях выполняют роль не только географических, но и культурно-исторических и духовных координат, опознавательных знаков, присутствующих русскому языковому сознанию.

Обозначением всего обширного русского пространства выступают *хоронимные номинации Русь, Русская земля, Святорусская земля, Святая Русь, Россия*.

Так, в хорониме *Русь* актуализируются содержательные компоненты ‘народ, живущий на Руси’ — *на Руси не все караси — есть и ерши; Русь навалила, нас совсем задавила* (сибир.); ‘родина’ — *прощай, матушка-Русь, я к теплу потянусь* (к этой паремии В. И. Даль добавляет комментарий: *говорит журавль на отлёте*; в этом комментарии отражается вербальное сопровождение русского обычая осенних проводов журавлей); ‘большая протяжённость пространства’ — *лежит брус во всю Русь, а станет — до неба достанет* (загадка о дороге). Последняя паремия находится в том же семантическом поле, что и часто употребляемые цитаты о земле, которая «разметнулась на полсвета» (Н. Гоголь), о шестой части земли «с названьем кратким «Русь»» (С. Есенин).

В древнерусский период эквивалентом хоронима *Русь* выступало двусловное именование *Русская земля*. В «Слове о полку Игореве» оно используется в двух вариантах: *Русская земля* и *земля Русская* (в издании с древнерусским текстом, подготовленным Д. С. Лихачевым): *тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыя*. Аналогичная вариативность присуща и обозначению земли половцев: *наведе свои храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую; рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себе славы искати*. Слово *земля* в данных названиях пишется в соответствии с правилом [1, с. 261]. Отмеченная вариативность хоронима порождена ритмико-интонационной структурой текста. Эти же варианты отражаются и в паремиях. Ср.: *земля Русская вся под богом* (в анализируемом издании графически *земля русская*); *наступил на Русскую землю, да оступился* (о Наполеоне в 1812 году).

В качестве хоронима в паремиях выступает и именование *Святорусская земля* (представлено в графическом облике *святорусская земля*), образованное от хоронимной единицы *Святая Русь* (она отражается в паремии *трын трынил на Святой Руси*) по модели хоронима *Русская земля — велика Святорусская земля, а везде солнышко*.

В хоронимах *Русская земля, Святорусская земля* актуализируется в первую очередь пространственный компонент их содержания, эксплицируемый словом *земля*. Кроме него, в содержательном объёме отмеченных хоронимов выделяются этнический и государственный смысловые компоненты, которые проявляются в сопоставлении с другими паремиями, содержащими названия других государственно-территориальных образований: *у нас не в Польше, муж жены больше, и в Польше нет хозяина больше, старших и в Орде почитают, хоть в Орде, да в добре*. В номинациях *Святая Русь, Святорусская земля* эксплицируется мотив сакрализации православного государства.

Хороним *Россия* выделяется в составе паремий, характеризующих особенности климата, социальной организации — *России и лету союза нету, о рекрутчине — у царя колокол по всей России*.

В своей совокупности рассмотренные хоронимы содержат информацию о количественных и качественных особенностях русского пространства, выделяемых народным сознанием.

Границы русского пространства обозначаются в паремиях и с помощью *гидронимов (Волга, Дунай)*: *Волга плыть долго, а Дунай – широко; видно, Дунай с Волгой не сольются*. При этом географические координаты рек, выступающих «персонажами» данных паремий, показывают широту освоения, обживания пространства.

Роль маркеров той или иной зоны внутри русского пространства выполняют *хоронимы (Сибирь, на Дону, на Волге, Крым и др.)*: *страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут, в Сибири бабы коромыслом соболей бьют, Сибирь – золотое дно; пришли казаки с Дону да погнали ляхов до дому, на Дону не ткнут, не прядут, а хорошо живут, Дон, Дон, а лучше дом; коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу; Крым не крив, Азов – не сто шагов*.

В этой же роли в паремиях выступают многочисленные *ойконимы*, среди которых первенствуют названия городов. Формирование указанной роли в ойконимах обусловлено тем, что исторически населённые пункты, прежде всего города, являются центрами, организующими экономическую и социальную жизнь населения местности, а также восприятие географического пространства в целом.

Ойконимы в паремиях связаны со всеми частями русского пространства: *Новгород, Псков, Петрозаводск, Вологда, Тихвин, Питер, Ладога, Вятка, Холмогоры, Ростов, Суздаль, Владимир, Москва, Шуя, Орел, Кромы, Мценск, Елец, Ливны, Тамбов, Пенза, Саратов, Кострома, Городец, Астрахань, Казань, Рязань, Киев, Полтава, Смоленск, Вильна, Луцк и др.* Ср. некоторые примеры: *едет Ананьин внук из Великих Лук; нет, я в Моздок не ездук; Нижний – сосед Москве ближний* (о Нижнем Новгороде); *пропили воеводы Вологду; ладила баба в Ладогу, а попала в Тихвин; ехал в Казань, а заехал в Рязань; муж в дверь, а жена в Тверь; ездил черт в Ростов, да напугался крестов; в Астрахани и коровы рыбу едят; Азов был славен, Смоленск грозен, а Вильна дивна; кто в Одессе не бывал, тот пыли не видал*. Ойконимы в паремии *Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова* обозначают исторические центры русской государственности; с помощью ойконимов в паремийном дискурсе обозначается наличие двух государственно-культурных центров: *Питер – голова, Москва – сердце; Питер кормило, Москва – корм; Москва строилась веками, а Питер – миллионами*.

Высокой степенью употребительности в паремиях сборника характеризуется ойконим *Москва*, в котором актуализируются разные содержательные компоненты: *Москва всем городам мать; кто в Москве не бывал, красоты не видал; не только звону, что в Москве; в Москве толсто (густо, часто) звонят, да тонко (жидко, редко) едят; в Москве всё найдешь, кроме птичьего молока; в Москве недорода хлебу не бывает; Москва – кому мать, кому мачеха; поехал в Москву за песнями; всякому в Москве не прекланяешься; деревня родима краше Москвы и др.*

Названия сёл в паремиях отражаются редко: *хоть за нищего, да в Конищево* (село в двух верстах от Рязани; значение – ‘отдать девку замуж в близко расположенное село’); *хоть за лыску (старика), да в Лысково* (село в Нижегородской губернии; значение – ‘хоть за старого пойти/ выдать замуж, но в ближнее село’); *два лукошка земли в Ломове да гнилое болото в Уколове* (значение – ‘ничего нет’).

Реже, чем ойконимы, встречаются в составе паремий *названия рек*: *Волгу толокном не замесишь; на словах Волгу переплывет, а на деле – ни через лужу; просит осетр дождя, в Волге лежа; душа на Великой, а сердце на Волхове; пошла погонная на Вязьму, а беглец на Клязьму; видно, Дунай с Волгой не сольются; не надо и на Яик идти* (‘так хорошо жить’).

Многие топонимы в составе паремий связаны с событиями чрезвычайной степени важности в истории русского государства: противостояние с Ордой, Польшей, Литвой, взятие Казани, восстание под руководством Степана Разина, войны со шведами и французами: *добредет, как хан до Крыма; как швед под Полтавой, хотел с Москвы сапоги снести, а рад из Москвы голову унести, отогрелся в Москве, да замерз на Березине; не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь.*

Достаточно широким является семантический диапазон паремий с топонимным компонентом. В этих паремиях вербализуются идеи о роли, значимости, особенностях отдельных областей, местностей, селений: *Питер – голова, Москва – сердце, славна Москва калачами, Питер – усачами, противопоставленности центра периферии: в тереме высоко, а до Москвы далеко, бабка от бабки, как от Москвы до Вятки, своего чужому: у нас не в Польше, муж жены больше; хорош Париж, а живет и Курмыш, старших и в Орде почитают, об отношениях народа и власти: не Москва государю указ, государь Москве.* Есть паремии, в которых акцентируется внимание на возможности несоответствия планируемых и полученных результатов деятельности: *ладила баба в Ладугу, а попала в Тихвин, ехал в Казань, а заехал в Рязань, на необходимости правильного выбора цели и средств достижения цели: Волгу толком не замесишь, поехал в Крым за капустой, порицается расхождение слова с делом: на словах Волгу переплывет, а на деле – ни через лужу, сообщается о несовпадении жизненных стратегий: муж в дверь, а жена в Тверь.*

Близки к паремиям с топонимным компонентом речевые обороты с **катоиконимами** (именованиями жителей селений или местностей). В сборнике они подаются как отдельная группа именованных людей прозвищного характера, что сближает их и с антропонимами. Основная их функция — оценочная, но в силу оттопонимного характера катоиконимов, входящих в их состав, они одновременно маркируют точки пространства, например, *свято место где тихвинца нет; старорусцы – лошадь съели да в Новгород писали, чтоб еще прислали; пошехонцы – слепороды: в трех соснах заплутались; даниловцы – любимые ловцы, невыдавцы; костромичи в кучу, а ярославцы прочь; устюжане колокольню рожком подбили; вятчич на авось и хлеб сеет; туляки блоху на цепь приковали, кимряки – летом штукатуры, зимой чеботари; кашинцы – собаку за волка убили да деньги заплатили; поморы – красные голенища и др.*

Аналогичную роль выполняют в составе паремий **оттопонимные прилагательные**: *не новгородский дворянин – не велик барин; шуйский плут хоть кого впряжет в хомут; вятски – ребята хватски.*

Паремии с топонимами в общем массиве сборника носят характер относительно редких вкраплений, но благодаря им чётко обозначаются временные и культурно-исторические координаты паремийного дискурса.

В значительно большем количестве паремий отражаются **антропонимы**. Это обусловлено тем, что данные речевые обороты обозначают самые разные стороны жизни людей, описывают различные жизненные ситуации, содержат рекомендации по организации жизни, поведению в разных ситуациях, их оценке и т. д. Основной корпус антропонимов в паремиях составляют **личные имена**, входившие в разное время в народный антропонимный узус. Все они взяты из христианского именника, базирующегося на христианской агионимии, представлены в полных (исходных) и производных формах. Первые из них отражаются в паремиях в адаптированных звуковых формах: *Иван, Петр, Филипп, Фома, Федор, Демид, Карп, Тит, Федул; Марья, Варвара, Аксинья, Василиса, Маланья и др.: у Сидора обычай, а у Карпа свой;*

каков Савва, такова ему и слава; не стоит гроша Пахом, а смотрит пятаком; всяк Арсён про себя умён; не Макару с боярами знаться; люди с базара, а Назар на базар; добрый Иван – и людям, и нам; худой Иван – ни людям, ни нам; не тебе, Федосья, обирать чужие колосья; ни туда ни сюда Фетинья; какова Устинья, таково у нее ботвиньё; какова Аксинья, такова у нее ботвинья; тетка Арина надвое говорила; Иван был в Орде, а Марья всем рассказывает.

Широко отражаются в паремиях производные формы личных имен, возникшие на восточнославянской словообразовательной почве с использованием русских словообразовательных ресурсов, например: *по Ерёме шапка, по Сеньке кафтан; про горького Егорку поют и песню горьку; у Фили пили, да Филю ж и побили; хватились Настя (Настя), когда ворота настезь; в праздник – Груша, а в будень – клуша; у каждой Федорки свои отговорки; живет Домка да Ерёмкой.* В устойчивых оборотах отражаются разные словообразовательные варианты одного и того же имени: *Иван – Ваня, Ивашка; Фома – Фомка, Фомушка; Ермолай – Ермак, Ермошка: Ваня за дудку, Спирия за гудок, миленок Ивашка в белой рубашке; по Ивашке и рубашка; ходит Ермак заломя колпак, Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома.* В некоторых паремиях наблюдается семантическое противопоставление таких форм имен: *у Фомушки денежки – Фомушка Фома, у Фомушки ни денежки – Фомка Фома.*

Кроме личных имён, отражаются в паремиях сборника и *отчества*, но в значительно меньшем количестве: *Акулина Федосевна до чужих ребят милосердна; невеличка, да Кузьминишина; славна Николавна, только подслеповата; был когда-то Пахомычем, а ныне и Иванычем не зовут.*

Православная **агионимия** отражается в устойчивых оборотах, связанных с народным календарем. Как известно, агионимы (имена святых) послужили основой христианского именника, этим объясняется наблюдающийся частичный параллелизм личных имен и агионимов в русском языке. В русской календарной традиции агионимы приобретают дополнительную функцию обозначения определённого отрезка календарного времени и всего комплекса связанной с ним обрядности. Формально они совпадают с полными адаптированными формами личных имен: *на Ефимия метель – вся Маслена метельная, какова Аксинья, такова и весна; новичок под Евдокию с дождем – быть лету мокрому; каковы на Алексея ручьи, такова и пойма; Егорий с водой, а Никола с травой; с Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки; на Илью до обеда лето, после обеда осень; коли до Фрола не отсеешься, флоры и родятся (цветочки); Козьма закует, а Михайло раскует (об оттепели на Михайлов день – Кл. П.).*

Таким образом, проведённые наблюдения показали разнообразную смысловую наполненность онимного компонента в составе паремий, собранных В.И. Далем. В этом сборнике хорошо прослеживается органическое единство апеллятивной и онимной составляющих русской языковой картины мира.

В заключение отметим, что феномен В. Даля, по словам Т.И. Вендиной, — «явление исключительное в русской культуре, которая сильна такими подвижниками, как Даль» [2, с. 13]; его вклад в дело собирательства и анализа русской словесности неоценим. И если Словарь Даля отражает богатейший состав компонентов русской языковой картины мира, то сборник пословиц показывает, как эти компоненты между собою соединяются в речевой практике народа, поэтому оба эти труда имеют непреходящее значение для изучения народного мировоззрения и русского языкового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Е.В. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии / Е.В. Арутюнова, Е.В. Бешенкова, О.Е. Иванова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 256–277.
2. Вендина Т.И. В. И. Даль: взгляд из настоящего / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 13–21.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ННН. – 2002. – 616 с.
4. Мадиева Г. Б. Теория и практика ономастики. Учебное пособие. Изд. 2-е, переработанное и доп. / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. – Алматы– Волгоград: Казак университеті; Изд-во ВГ СПУ «Перемена», 2015. – 199 с.
5. Першина К.В. «Пословицы русского народа» В.И. Даля как источник изучения собственных имен в паремиях / К.В. Першина // В. И. Даль в филологических миниатюрах: Материалы III Республиканской научно-практической конференции молодых исследователей творческого наследия В. Даля; под ред. д. филол. н., проф. А.В. Петрова. – Вып. 3-4. – Симферополь, 2020. – С. 85–88.
6. Слово о полку Игореве. / Вступит. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева; Сост. и коммент. Л. Дмитриева; Худож. В.А. Фаворский. – М.: Худож. лит, 1985. – 222 с.
7. Смольников С.Н. Имя и событие: к вопросу о семантике имен собственных / С.Н. Смольников // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы Международной научной конф. (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 249–250.

Поступила в редакцию 11.01.2022 г.

PROPER NAMES IN PAREMIAS IN THE COLLECTION «PROVERBS OF THE RUSSIAN PEOPLE» BY V. I. DAL

Kl.V. Pershina

The article analyzes the proper names that are part of the paremias in the collection «Proverbs of the Russian people» by V. I. Dal. The referential space of onyms has been determined. The features of their content structure, as well as their functional and semantic peculiarities as part of paremias have been established.

Key words: proper name, paremia, V. I. Dal.

Першина Клавдия Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.
E-mail: pershinakv@mail.ru

Pershina Klavdia Vasiliyevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.
E-mail: pershinakv@mail.ru

УДК 811.111.81'37

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XX-XXI СТОЛЕТИЯ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ И ДАВЛЕНИЯ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ

© 2021 *И.В. Фатьянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу языковых средств реализации ведущих коммуникативных стратегий и тактик манипулирования и давления в американском политическом дискурсе XX-XXI ст. на материале публичных выступлений президентов США. На основе теории речевого воздействия, тесно связанной с прагматическим эффектом языковых явлений, установлены лексические, синтаксические и стилистические способы, типичные для реализации ведущих стратегий и тактик в американском политическом дискурсе XX-XXI ст.

Ключевые слова: политический дискурс, национальный дискурс, политический язык, политическая коммуникация, теория речевого воздействия, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, президентская риторика.

Вводные замечания. Изучению взаимосвязи когнитивного, риторического и аксиологического аспектов в политическом дискурсе посвящены работы В.Н. Базылева, А.Н. Баранова, О.Л. Бессоновой, Э.В. Будаева, М.В. Гавриловой, В.И. Герасимова, Т. ван Дейка, В.З. Демьянкова, М.В. Ильина, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, А.П. Чудинова, И.С. Шевченко, Е.И. Шейгал, П. Чилтона, К. Шаффнер и др.

Современные исследования американского политического дискурса (далее – АПД) в российской лингвистике представлены в работах П.С. Акининой, О.В. Альтман, Д.Р. Акоповой, В.С. Вашталовой, Т.М. Голубевой, Е.В. Гориной, О.А. Гусевой, С.В. Ивановой, А.А. Константиновой, Е.В. Кубышкиной, Е.Р. Левенковой, А.Ю. Мирониной, Е.К. Моховой, Г.А. Осипова, Е.В. Пильгун, А.М. Погорелко, А.А. Прокопенко, Р.Т. Садуова, А.С. Самигуллина, Т.А. Светоносковой, Л.В. Смехова, А.Т. Тамзиной, К.В. Трошина, Ю.М. Чантуридзе, Л.С. Чикилевой, Д.В. Шапочкина, Е.В. Шустрова.

Существующие подходы к изучению национального политического дискурса, а именно, понимание его специфики, порождающей текст в политической коммуникации, «представляющий общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [8], демонстрирует процесс коммуникации, представляющий стремление адресата (говорящего) не только передать информацию, но и сделать свои интенциональные состояния понятными адресанту (массовому реципиенту) и в большинстве случаев разделить свое мнение и добиться принятия его другими [22; 23; 24; 25; 26; 27].

Экстралингвистический компонент политического дискурса, наряду с когнитивной и коммуникативной деятельностью, включает ценности коммуниканта. Коммуникация в АПД характеризуется использованием специфических ценностных понятий и активизацией особых оценочных структур и объясняется особым типом ментальности лингвокультурного сообщества [21].

Одна из актуальных проблем в лингвистике – изучение теории речевого воздействия, тесно связанная с прагматическим эффектом языковых явлений. Ее

центральным понятием является феномен речевого воздействия, содержание и объем которого составляют предмет научных дискуссий, начиная с последних десятилетий XX в., представленных в трудах таких исследователей, как О.С. Иссерс, М.Р. Желтухиной, А.А. Леонтьева, П.Б. Паршина, Б.Ф. Поршнева, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, И.Ю. Черепановой и др.

Различные интерпретации понятия речевого воздействия порождают вариации классификационных видов речевого воздействия. Так, например, Е.В. Шелестюк выделяет три основных вида: убеждение, внушение, побуждение [18], Л.М. Меспорян – убеждение, манипуляцию, агрессию и приказ [12], П.П. Лобас – убеждение, манипуляцию, приказ и обман [11]. Большинство исследователей приходят к выводу, что разграничение убеждения и манипуляции основывается на критерии открытой/скрытой формы речевого воздействия.

Еще одним важным лингвистическим понятием является «речевая агрессия», которая перестала в недавнее время рассматриваться исключительно с психологической точки зрения как воздействие, приводящее к ухудшению внутреннего психологического состояния человека и стало частью лингвистических исследований коммуникативной сферы социума.

Так, например, Т.А. Воронцова предлагает рассматривать агрессию в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода, в котором это языковое понятие трактуется как форма речевого поведения [3]. С позиции данного подхода речевое поведение представляется как «эмпирически наблюдаемая мотивированная, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей» [3, с. 29].

О.Н. Быкова определяет агрессию как «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [2]. Ю.В. Щербинина утверждает, что речевая агрессия представляет собой «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [20, с. 15].

Г.А. Копнина считает, что «речевая агрессия – это способ намеренного речевого воздействия на прямого или косвенного адресата с целью его дискредитации» [10, с. 95] и квалифицирует агрессию как коммуникативную тактику, усматривая в ней совокупность продуманных приемов и ходов.

Таким образом, ученые признают, что агрессия выступает в качестве модели организации речевого акта и общения в целом. Присутствие агрессии в аргументированном высказывании интенсифицирует его и приводит к проявлению коммуникативного давления, которое представляет собой воздействие на кого-либо с целью принуждения к чему-либо. По мнению К.М. Шилихиной, «коммуникативное давление – обратная сторона убеждения.» [19, с. 63]. Однако, в отличие от убеждения, являющегося корректным воздействием, давление, которое использует агрессивные языковые средства, нарушает установленные нормы коммуникативного поведения. Коммуникативное давление реализуется в речи средствами интенсификации различных языковых уровней: лексического, морфологического, синтаксического. Как правило, при оказании давления происходит объединение разнохарактерных средств в рамках речевого акта.

Постановка проблемы. На данный момент уже сформирована определенная теоретическая база, позволяющая перейти к созданию общей типологии стратегий и выявлению особенностей реализации той или иной стратегии для осуществления

речевого воздействия в разных сферах и ситуациях общения благодаря работам И.Н. Борисовой, Е.М. Верещагина, М.Р. Докучаевой, Е.Н. Зарецкой, О.С. Иссерс, П.О. Мироновой, А.В. Олянича, Е.С. Поповой, С.А. Сухих, А.А. Филинского и др.

Актуальность исследования обусловлена присущим современной лингвистике антропоцентрическим подходом к изучению процесса политической коммуникации, отсутствием комплексного исследования эволюции американского политического дискурса (далее – АПД). Принимая во внимание указанные факторы, президентское публичное выступление как центральный жанр политического дискурса, и, как следствие, языковая личность президента, реализуемая в коммуникативных стратегиях и тактиках, представляет огромный исследовательский интерес, т.к. демонстрирует единицы языка и речи в качестве одной из самых воздействующих сил на массовое сознание в национальном политическом дискурсе, а также на развитие и формирование политического языка как особой подсистемы современного английского языка.

Цель работы – выявить, систематизировать и охарактеризовать ведущие коммуникативные стратегии, используемые в АПД XX-XXI ст.

Характеристика материала исследования. Методы исследования. Проанализированы публичные речи президентов США: 509 выступлений, представленных в XX в., относящихся к ритуальным (66), ориентационным (360) и агональным (83) жанрам политического дискурса и 153 выступления в XXI в., из них ритуальные (14), ориентационные (109) и агональные (30).

Используется функциональный метод, позволяющий осуществить концептуально-интерпретационный анализ текста для определения коммуникативных стратегий и тактик в АПД XX-XXI ст. Описательный метод позволяет систематизировать разноуровневые языковые единицы реализации выделенных стратегий и тактик и дает возможность комплексного представления полученных результатов. Контекстологический анализ применяется с целью определения синтаксической и лексической детерминированности употребленного набора языковых способов в анализируемых типах политических текстов. Применение контекстуально-семантического анализа дает возможность для исследования семантико-содержательных характеристик лексических единиц, выделенных в политических выступлениях президентов США в XX-XXI ст.

Результаты. Процессуальная природа дискурса реализуется в категориях, представленных в коммуникативных стратегиях и тактиках, которые организуют восприятие и интерпретацию текста адресатом. Коммуникативные стратегии (далее – КС) в новой парадигме предстают как когнитивные процессы [17, с. 9–20], с помощью которых говорящий соотносит свои коммуникативные цели с их языковым выражением.

КС выступает фактором создания дискурса и имеет двухуровневую структуру: поверхностную, ориентированную на нормы социума, и глубинную, где источником строения является не нормы социума, а диспозиция психологической структуры личности [16, с. 45–50]. КС – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, где серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения коммуникативной цели, стратегического результата, на который направлен коммуникативный акт [9].

АПД представляет собой когнитивно-коммуникативную систему, которая определяется единством трех аспектов: аспекта языкового использования, передачи идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах и

ситуациях. Социально-прагматический аспект реализуется благодаря сочетанию стратегий и тактик, которые организуют восприятие и интерпретацию текста адресатом, и является направленным на достижение целей коммуникантов, непосредственно связанных с интенциональностью речи.

КС – вид коммуникативного поведения или коммуникативного воздействия, во время которого говорящим используются различные вербальные и невербальные средства для достижения определенной коммуникативной цели. Конечной коммуникативной целью стратегии адресанта является коррекция картины мира адресата.

Коммуникативная тактика (далее – КТ) представляет собой совокупность практических речевых ходов в конкретном процессе коммуникативного взаимодействия. КС соотносится прежде всего с реализацией отдельных коммуникативных намерений, направленных на достижение стратегической цели [1, с. 11–13].

Существует конкретная типология стратегических целей:

1) проинформировать, конкретно и объективно дать представление о предмете разговора;

2) убедить – склонить к своему мнению, применяя нужные аргументы и доказательства, апеллируя в первую очередь к разуму собеседника, к его жизненному опыту;

3) побудить к действию – призвать, убедить собеседника в необходимости действия таким образом, чтобы ответной реакцией было прямое действие [4, с. 259–336.].

В зависимости от степени «масштабности» намерений, КС могут характеризовать конкретный разговор с его конкретными целями и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей. Этот факт обуславливает разграничение стратегий на общие и конкретные.

Конкретная коммуникативная интенция действия, коммуникативный смысл и интерактивный режим (выбор манеры, стиля, жанра и т.п.) – являются основой КС. По словам О.С. Иссерс, «вербальная коммуникация строится на основании представлений о речевом акте (или серии речевых актов), коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и адресата, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом. Сама же стратегия определяет выбор языковых средств, стилистических приемов и прагматических маркеров» [7, с. 51–54].

Следует признать, что КС и КТ, при соблюдении конвенций, принципов, правил коммуникации служат для достижения поставленных целей. Стратегии связаны с общей идеей конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. Владение КС и КТ входит в прагматическую компетенцию адресанта: чем выше его компетентность в языке и речи, в использовании постулатов и правил общения, тем многообразнее стратегии и тактики, и тем успешнее он добивается поставленных целей. Считается, что чем более официальная обстановка общения и социальные роли говорящих, тем более жесткий план, более стереотипные рамки и строже контроль за КС и КТ [5, с. 327–337].

Стратегический план и тактические ходы тесно связаны. Стратегическая цель может быть направлена на завоевание авторитета или желание понравиться, на передачу партнеру новых знаний, на изменение его мировоззрения, на создание хорошего настроения (или изменение на лучшее), на запугивание партнера, лишение его воли и способности сопротивляться, выведение из психологического равновесия, на

убеждение сделать нечто, предостережение от необдуманного поступка, на воздержание от критики, и тому подобное [15]. Стратегический план может реализовываться с помощью целого ряда тактических ходов. Цепочка тактических ходов образует типизированные тексты общения соответственно сценариям коммуникативных эпизодов. КТ выполняют функцию способов осуществления стратегии речи.

Самыми общими стратегиями воздействия на адресата в АПД XX-XXI ст. являются стратегии манипулирования и давления. Американский вариант английского языка отличается определенной спецификой, отражается в количественном составе контекстов, объективирует КС в национальном дискурсе (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Количественная характеристика КС в АПД XX-XXI ст.

Тип стратегии	XX ст.		XXI ст.	
	абс. ч-сть	%	абс. ч-сть	%
Стратегия манипулирования	280	55	89	58
Стратегия давления	229	45	64	42
Всего	509	100	153	100

Как свидетельствуют данные Таблицы 1, доминирует стратегия манипулирования, как в XX, так и в XXI вв., которая количественно представлена примерно одинаково (55% от общего количества в XX ст., 58% – в XXI в. соответственно).

Следует заметить, что в АПД адресант не ограничивается рациональным убеждением, а стремится манипулировать сознанием адресата.

Под манипуляцией в психологии понимают воздействие, нацеленное на изменение активности человека в интересах манипулятора, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им.

Е.Л. Доценко выделяет основные признаки психологической манипуляции: обман, эксплуатация, управление, принуждение, структурирование мира и использование другого в качестве объекта в интересах манипулятора [6]. При этом зачастую намерения, возникающие в результате подобного психологического воздействия, не совпадают с существующими желаниями. Мишенью манипулирования, которое практически всегда носит скрытый характер, являются психологические структуры человеческой личности [6].

Для манипуляции характерно отношение к другому как к средству достижения собственной цели, стремление получить односторонний выигрыш от коммуникации и скрытый характер воздействия. При этом целенаправленное преобразование информации, а именно ее искажение или утаивание, является важной составляющей манипулятивного воздействия. В результате вербальные средства, используемые манипулятором, становятся принципиально важными для достижения им успеха.

П.Б. Паршин определяет манипулирование как «такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) сознательно пытается осуществлять контроль над поведением другого (манипулируемого) побуждая его вести себя угодным манипулирующим способом ... При этом языковым манипулированием называется «осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [14, с. 57–58]. Подобным образом определяет языковую манипуляцию Ю.К. Пирогова: «Языковое манипулирование – это использование

особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении...» [14, с. 77].

О.Н. Паршина разграничивая манипуляцию и демагогию, акцентирует внимание на том, что целью первой прежде всего является навязывание выгодного для манипулятора действия, а ко второй относятся различные «высокопарные рассуждения, использование пустых обещаний ... и недоказанных фактов» [13, с. 36], что, в принципе, все равно используется для воздействия на адресата, который далее будет иметь определенное мнение и совершать в соответствии с ним некоторые поступки.

Стратегия манипулирования – является видом психологического воздействия, осуществление которого приводит к скрытому возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с желанием этого человека [6, с. 59].

В приведенном примере наблюдаются скрытые намерения адресанта: сформировать в сознании реципиентов мнение, что власть президента осуществляется только благодаря воле народа, избравшего его, в тесном взаимодействии с ним и принимая во внимание непосредственно мнение всех слоев населения для проведения как внутренней, так и внешней политики страны (1):

(1) *My fellow-citizens, no people on earth have more cause to be thankful than ours, and this is said reverently, in no spirit of boastfulness in our own strength, but with gratitude to the Giver of Good who has blessed us with the conditions which have enabled us to achieve so large a measure of well-being and of happiness. To us as a people it has been granted to lay the foundations of our national life in a new continent. We are the heirs of the ages, and yet we have had to pay few of the penalties which in old countries are exacted by the dead hand of a bygone civilization. We have not been obliged to fight for our existence against any alien race; and yet our life has called for the vigor and effort without which the manlier and hardier virtues wither away. Under such conditions it would be our own fault if we failed; and the success which we have had in the past, the success which we confidently believe the future will bring, should cause in us no feeling of vain glory, but rather a deep and abiding realization of all which life has offered us; a full acknowledgment of the responsibility which is ours; and a fixed determination to show that under a free government a mighty people can thrive best, alike as regards the things of the body and the things of the soul. Much has been given us, and much will rightfully be expected from us. We have duties to others and duties to ourselves; and we can shirk neither.* [Roosevelt, March 4, 1905: Inaugural Address].

Скрытая интенция адресанта достигается благодаря использованию апеллятива ‘*my fellow-citizens*’, что сокращает дистанцию между говорящим и массовым слушателем, а также сравнительной конструкции ‘*no people on earth have more cause to be thankful than ours*’, ярко демонстрирующей ведущий дискурсообразующий концепт АПД PEOPLE. Особого внимания заслуживает подбор сложносочиненных предложений с союзами ‘*but*’ и ‘*and*’, использующихся с целью прямого влияния на подсознание адресата, внешне повышающих статус слушателя, играющих на его самолюбии с целью сокращения дистанции между говорящим и слушающим.

(2) *President Clinton, distinguished guests and my fellow citizens, the peaceful transfer of authority is rare in history, yet common in our country. With a simple oath, we affirm old traditions and make new beginnings. ... Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations.*

Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along. And even

after nearly 225 years, we have a long way yet to travel. While many of our citizens prosper, others doubt the promise, even the justice, of our own country. The ambitions of some Americans are limited by failing schools and hidden prejudice and the circumstances of their birth. [Bush, Jan. 20, 2001: First Inaugural Address]

Направленность манипулятивной стратегии в примере (2) обозначена апеллятивами, концептуальными метафорами, простыми по структуре предложениями, инверсией с целью усиления влияния на подсознание массового слушателя, а также высокой концентрацией слов-номинантов ведущих национально-маркированных концептов AMERICA, FREEDOM, DEMOCRACY и дискурсообразующего концепта АПД PEOPLE.

Вторая коммуникативная стратегия – давление – представляет собой влияние на адресата, с целью заставить его принять необходимые для коммуниканта действия, нежелательные для адресата. Стратегия коммуникативного давления на партнера по коммуникации наблюдается в следующих примерах:

(3) *If those things come to pass in other parts of the world, let no one imagine that America will escape, that America may expect mercy, that this Western Hemisphere will not be attacked and that it will continue tranquilly and peacefully to carry on the ethics and the arts of civilization. If those days come "there will be no safety by arms, no help from authority, no answer in science. The storm will rage till every flower of culture is trampled and all human beings are leveled in a vast chaos." If those days are not to come to pass—if we are to have a world in which we can breathe freely and live in amity without fear—the peace-loving nations must make a concerted effort to uphold laws and principles on which alone peace can rest secure. The peace-loving nations must make a concerted effort in opposition to those violations of treaties and those ignorings of humane instincts which today are creating a state of international anarchy and instability from which there is no escape through mere isolation or neutrality.* [Roosevelt, October 5, 1937: Quarantine Speech]

(4) *If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately and unconditionally forswear, disclose, and remove or destroy all weapons of mass destruction, long-range missiles, and all related material. If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately end all support for terrorism and act to suppress it, as all states are required to do by U.N. Security Council resolutions. If the Iraqi regime wishes peace, it will cease persecution of its civilian population, including Shi'a, Sunnis, Kurds, Turkomans, and others, again as required by Security Council resolutions. If the Iraqi regime wishes peace, it will release or account for all Gulf War personnel whose fate is still unknown. It will return the remains of any who are deceased, return stolen property, accept liability for losses resulting from the invasion of Kuwait, and fully cooperate with international efforts to resolve these issues, as required by Security Council resolutions. If the Iraqi regime wishes peace, it will immediately end all illicit trade outside the oil-for-food program. It will accept U.N. administration of funds from that program, to ensure that the money is used fairly and promptly for the benefit of the Iraqi people. If all these steps are taken, it will signal a new openness and accountability in Iraq. And it could open the prospect of the United Nations helping to build a government that represents all Iraqis -- a government based on respect for human rights, economic liberty, and internationally supervised elections.* [Bush, Sept. 12, 2002: Remarks at the UN General Assembly]

В данных примерах (3, 4) адресанты используют синтаксический параллелизм, а именно сложно-подчиненные предложения с придаточными условиями, представленными союзом 'if', глагол в императиве 'let no one imagine', а также превалирует использование глаголов действия в будущем простом времени 'will escape', 'will not be

attacked’, *‘will continue*’, *‘will disclose, remove, destroy*’ и т.п., модальных глаголов, представляющих возможность спонтанного действия в связи со сложившимися обстоятельствами *‘if we are to have a world*’, физическую и умственную возможность *‘can breathe freely and live*’, *‘could open the prospect*’, моральный долг *‘must make a concerted effort*’, наречия со значением образа действия *‘immediately*’. Особого внимания заслуживают повторы различного характера, представленные в примерах (3, 4) как востребованный прием речевой манипуляции и давления, в том числе политического, поскольку являются действенным способом достижения запланированного эффекта, особым образом влияя на тональность и мелодику текстового пространства, подсознательно оказывая влияние на мнение и выбор адресата.

Иллокутивная цель использования таких языковых средств заключается в желании подчинить другого коммуниканта, заставить его действовать согласно своим целям и по своим правилам, вызвать у него определенные негативные эмоции.

Выводы. Стратегическое использование лингвистических средств в АПД XX-XXI ст. направлено на формирование и создание особого сознания – массового, поглощающего индивидуальное сознание, что обуславливает использование стратегии манипулирования, которая имеет косвенное, но очень существенное влияние на менталитет людей. В случаях, когда существует конфликт интересов, партнерам по коммуникации приходится прибегать к стратегии давления, в которой очень важную роль играют обращение к эмоциям и системы ценностей, сложившихся в обществе. Коммуникативные стратегии манипулирования и давления являются универсальными для АПД XX-XXI ст. Отличие заключается в выборе речевых приемов, которые зависят от особенностей исторического развития, мировой и внешней политики, социально-экономического положения на определенном этапе, лингвокультурного своеобразия картины мира коммуникантов, а также стереотипов поведения, социально-статусной принадлежности адресата, в нашем исследовании – президента как гаранта Конституции США. Количественный показатель реализации стратегии манипулирования как в XX, так и в XXI в. выше (XX – 55%; XXI – 58%), чем общий количественный показатель реализации стратегии давления (XX – 45%; XXI – 42%). Это подтверждает тот факт, что коммуниканты в большей степени сосредоточены на скрытом управлении людьми благодаря уже созданным, устоявшимся и проверенным временем схемам коммуникации.

Таким образом, АПД XX-XXI ст. представляет собой не просто обмен знаниями и их передачу, но и воздействие на партнера по общению, реализацию коммуникативных интенций адресата (президента) и координацию индивидуальной системы знания и опыта адресанта (массового реципиента), т.е. взаимодействие сознаний двух субъектов: индивидуального и массового. Президентская риторика отражает политическую и речевую культуру американского общества, представляет различные мнения, социальные воззрения определенных общественных групп и слоев, а также отдельных личностей.

Навязывание адресату собственной позиции адресанта по поводу существующей действительности, ее интерпретации, представленной в тексте публичного выступления, напрямую связано с принятием массовым реципиентом определенных решений, выработкой социально значимых позиций и осуществлением конкретных практических действий.

Следует заметить, что в АПД XXI ст. отмечается доминирование роли адресанта (президента), позиционирующего себя более четко как субъект власти, а не

исполняющего номинальную функцию, что прежде всего осуществляется благодаря демонстрации в президентской речи внутреннего мира политика, его вероисповедания и мировоззрения, материальных и духовных ценностей, а также коммуникативных интенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н.Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев: Высшая школа. – 1983. – С. 11–13.
2. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия / Теоретические и прикладные аспекты речевого общения / О.Н. Быкова // Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999. – С. 96–99.
3. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дисс.... доктора филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Т.А. Воронцова. – Челябинск. – 2006. – 44 с.
4. Дейк Т.А. ван Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
5. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков. – М.: Наука. – 1989. – Т.41. – № 4. – 1982. – С. 327–337.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – 3-е изд., испр. и перераб. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 294 с.
7. Иссерс О.П. Паша «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О.П. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1997. – № 2. – С. 51–54.
8. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
9. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации : [учеб. пособие] / В.Б. Кашкин // Воронежский гос. технический ун-т. – Воронеж : Издательство ВГПУ, 2000. – 175 с.
10. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г.А. Копнина. – М.: Флинта, 2012. – 170 с.
11. Лобас П.П. Тропика, синонимика, топика как основные средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / П.П. Лобас. – Ростов-на-Дону. – 2011. – 19 с.
12. Меспорян Л.М. ИмPLICITная (вербальная) речевая агрессия как средство воздействия в информационной войне / Л.М. Меспорян // Российский академический журнал. Языкознание. – 2011. – № 3 (17). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnaya-rechevaya-verbalnaya-agressiya-kak-sredstvo-vozdeystviya-v-informatsionnoy-voynе> (дата обращения: 02.05.2017).
13. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О.Н. Паришина: дис. на соискание уч. степени доктора филол. н. по спец. 10.02.01 «Русский язык». – Саратов, 2005. – 48 с.
14. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. – М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
15. Плахотная Ю.И. Диалогический дискурс в когнитивном аспекте / Ю.И. Плахотная – Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – 135 с.
16. Сухих А.А. Типология языкового общения / А.А. Сухих // Язык. Дискурс. Личность. – Тверь, 1990. – С. 45–50.
17. Шевченко І.С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу : [монографія] / І.С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків, 2005. – С. 9–20.
18. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е.В. Шелестюк. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.
19. Шилихина К.М. Коммуникативное давление в русском общении / К.М. Шилихина // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2: Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000.
20. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.
21. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In: The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. – Skopje : Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. – Pp. 259–284.

22. Byessonova O., Gordienko E. Binary opposition 'us/them' in British and American media texts about conflicts. In: SKASE Journal of Theoretical Linguistics [online]. 2021, vol. 18, no. 2 [cit. 2021-12-07]. P. 91-111.
23. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
24. Flick U. Social representations / U. Flick // Rethinking psychology. – L., N.Y.: Longman, 1995. – P. 70–96.
25. Harre R. Dikcurkive pkychology / R. Harre // Relhinking Pkychology. – L.; N.Y.: Longman, 1995. – P. 143–159.
26. Politics as Text and Talk. Analytic Approaches to Political Discourse / Ed. by P.A. Chilton, C. Schäffner. – Amsterdam, 2002.
27. Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / O. Feldman (ed.). – N. Y., 1998.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bush G.W. First Inaugural Address, 20 January 2001. – Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2001-first-inaugural-address> (дата обращения: 04.10.2021).
2. Bush G.W. Remarks at the UN General Assembly, 12 September 2002. – Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-12-2002-remarks-un-general-assembly> (дата обращения: 08.09.2021).
3. Roosevelt Th. Inaugural Address, 4 March 1905. – Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1905-inaugural-address> (дата обращения: 04.10.2021).
4. Roosevelt F.D. Quarantine Speech, 5 October 1937. – Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/october-5-1937-quarantine-speech> (дата обращения: 04.10.2021).

Поступила в редакцию 23.01.2021 г.

AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XX-XXI CENTURIES: COMMUNICATIVE STRATEGIES OF MANIPULATION AND PRESSURE IN PRESIDENTIAL SPEECHES

I. V. Fatyanova

The article deals with the analysis of linguistic means of implementing the communicative strategies and tactics of manipulation and pressure in the American political discourse of the XX-XXI centuries. The analysis is based on public speeches by the US presidents. In line with the theory of speech impact, closely related to the pragmatic effect of linguistic phenomena, the lexical, syntactic and stylistic means are singled out, that are typical of the implementation of the principal strategies and tactics in the American political discourse of the XX-XXI centuries.

Key words: political discourse, national discourse, political language, political communication, theory of speech impact, communicative strategy, communicative tactic, presidential rhetoric.

Фатьянова Ирина Валерьевна.

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университете».

Доцент кафедры английской филологии.
E-mail: irafatianova@mail.ru

Fatyanova Irina Valeriyvna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.

Associate Professor of English Philology Department.
E-mail: irafatianova@mail.ru

УДК 81'373

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГОДОНИМОВ ГОРОДА НОВОАЗОВСКА

© 2022 Н.А. Ярошенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлена структурно-семантическая классификация топонимов города Новоазовска ДНР. Топонимы систематизированы по термину-классификатору. Выявлены основные структурные типы и словообразовательные модели наименований линейных адресных объектов г. Новоазовска. Установлены культурные коды, которые объективированы в топонимах г. Новоазовска, определена специфика их реализации.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, топоним, улица, переулок, код культуры, Большой Донбасс.

Предлагаемая работа является частью исследования, проводимого на кафедре общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина Донецкого национального университета и направленного на разноаспектное изучение топонимикона Большого Донбасса (см. [1-7; 11-20; 25; 27-36 и др.]). Обозначенная проблематика находится в русле одного из приоритетных направлений региональной ономастики: комплексное изучение урбанонимии как неотъемлемой составляющей лингвистического ландшафта отдельного населённого пункта и региона в целом.

Цель статьи заключается в том, чтобы осуществить структурно-семантическую классификацию топонимов города Новоазовска, а также установить модели образования топонимов и выявить степень их продуктивности. При этом сочетание традиционного (структурно-семантического) аспекта с лингвокультурологическим предполагает рассмотрение топонимикона через призму такого понятия, как код культуры.

Следует отметить, что в работе придерживаемся позиции, согласно которой **топоним** трактуется в качестве видовой разновидности урбанонима и понимается как «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [23, с. 52]. В то время как **урбаноним** представляет собой имя собственное любого внутригородского топографического объекта, способное выполнять адресную функцию [22, с. 139; 24, с. 107].

Таким образом, на основании двух основополагающих статусных характеристик (адресность и протяжённость / линейность) (см. [24, с. 107; 26, с. 7]) к топонимам относим наименования таких адресных линейных объектов, как улица, проспект, бульвар, переулок, линия, проезд, тупик, аллея, шоссе, микрорайон, квартал (см. обзор в [27; 29]). В этом плане топонимы противопоставляются, например, агоронимам, т. е. названиям площадей (наличие адресности при отсутствии параметра линейности). Также, например, у номинации трассы есть параметр линейности, как и у топонима, но при этом нет статуса адресности (ср. номинацию *трасса Харцызск – Иловайск* и под.).

Объектом исследования является система топонимов г. Новоазовска ДНР, в то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические и функциональные особенности топонимов названного города. Основной **метод**

исследования – описательный. Аспект анализа – синхронный. При этом анализу подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы названий.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки топонимов из различных реестров наименований улиц города Новоазовска. В частности при формировании картотеки фактического материала прежде всего учитывались данные, отражённые в соответствующих разделах сайта «Почта Донбасса» (<https://postdonbass.com/delivery>) [37].

При рассмотрении структурных параметров топонимов Новоазовска опираемся на классификации, представленные в работах Н.Ю. Забелина [10] и Л.В. Егоровой [8; 9].

Авторская картотека охватывает 67 топонимов г. Новоазовска. При этом, как свидетельствует систематизация фактического материала, на территории города Новоазовска реализуются топонимы с такими терминами-классификаторами, как *улица* (62 единицы), *переулок* (4 единицы) и *бульвар* (1 единица).

Соотношение терминов-классификаторов (номенклатурных терминов) в топонимиконе г. Новоазовска представлено в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение терминов-классификаторов в топонимиконе г. Новоазовска

№ п/п	Тип топонима по термину-классификатору	Кол-во	%
1.	Топонимы с термином-классификатором <i>улица</i>	62	92,5
2.	Топонимы с термином-классификатором <i>переулок</i>	4	6
3.	Топонимы с термином-классификатором <i>бульвар</i>	1	1,5
	ВСЕГО:	67	100

Как видно из таблицы 1, наиболее частотным для обозначения адресного объекта г. Новоазовска является термин *улица* (62 единицы, или 92,5 %), что связано с исторически сложившейся традицией именования адресных объектов. Например: ул. *Азовская*, ул. *Гагарина*, ул. *Дружбы*, ул. *Зелёная*, ул. *Казацкая*, ул. *Коммунаров*, ул. *Морская*, ул. *Набережная*, ул. *Нахимова*, ул. *Победы*, ул. *Покрышкина*, ул. *Полевая*, ул. *Пушкина*, ул. *Радужная*, ул. *Речная*, ул. *Седова*, ул. *Станичная*, ул. *Строителей*, ул. *Флотская*, ул. *Цветочная*, ул. *Шмидта* и др.

Второе место по критерию частотности в системе топонимов г. Новоазовска занимает термин-классификатор *переулок* (4 единицы, или 6 %): пер. *Восточный*, пер. *Морской*, пер. *Прибой*, пер. *Южный*, а наименее представленным в топонимиконе г. Новоазовска является оказавшийся единичным номенклатурный термин *бульвар* (1 единица, или 1,5 %): *Приморский* бульвар.

Как видим, термин-классификатор, который является именем нарицательным (апеллятивом), в подавляющем большинстве случаев находится в препозиции относительно топонима, т. е. имени собственного (онима).

Следует отметить, что при характеристике структурных типов топонимов необходимо принимать во внимание тот факт, что по отношению к топонимам использование таких терминов, как *однословный* / *односоставный* является условным, поскольку в состав топонима входят такие термины-классификаторы, как *улица*, *переулок*, *проспект*, *бульвар* и под.

Как свидетельствует анализ, среди топонимов г. Новоазовска в первую очередь можно выделить следующие структурные типы:

1. Однословные топонимы (62 единицы, или 92,5%): ул. *Артёма*, ул. *Бородина*, ул. *Донецкая*, ул. *Звёздная*, ул. *Мичурина*, ул. *Молодёжная*, пер. *Морской*, ул. *Нахимова*, ул. *Нагорная* и др.

2. Двухсловные годонимы (2 единицы, или 3%): ул. *Памяти героев*, ул. *Розы Люксембург*.

3. Трёхсловные годонимы (3 единицы, или 4,5%): ул. *40 лет Победы*, ул. *50 лет СССР*, ул. *60 лет СССР*.

Соотношение основных структурных типов годонимов г. Новоазовска отражено в таблице 2.

Структурные типы годонимов г. Новоазовска

Таблица 2

№ п/п	Структурный тип годонима	Кол-во годонимов	%
1.	Однословные годонимы	62	92,5
2.	Двухсловные годонимы	2	3
3.	Трёхсловные годонимы	3	4,5
	ВСЕГО:	67	100

Как видно из таблицы 2, среди структурных типов, реализованных в системе годонимов г. Новоазовска, первое место по критерию частотности занимают однословные годонимы, которые наиболее многочисленны (62 единицы, или 92,5 %). В то время как трёхсловные (3 единицы) и двухсловные (2 единицы) годонимы в нашем материале составляют 4,5 % и 3 % выборки соответственно.

Как свидетельствует анализ фактического материала, двухсловные и трёхсловные названия линейных адресных объектов города Новоазовска реализуют следующие модели:

1. «Женское имя в форме Р. п. ед. числа + несклоняемая фамилия» (ул. *Розы Люксембург*).

2. «Абстрактное существительное в форме Р. п. ед. числа + существительное-номинация лица в форме Р. п. мн. числа» (ул. *Памяти героев*).

3. «Числительное в форме Р. п. ед. числа + существительное *лет* + существительное в форме Р. п. ед. числа» (ул. *40 лет Победы*).

4. «Числительное в форме Р. п. ед. числа + существительное *лет* + существительное-аббревиатура *СССР*» (ул. *50 лет СССР*, ул. *60 лет СССР*).

Как видно из примеров, подавляющее большинство вышеприведённых двухсловных и трёхсловных годонимов, нашедших отражение в годонимиконе г. Новоазовска, выполняет идеологическую и мемориальную функции. Так, номинации ул. *40 лет Победы*, ул. *50 лет СССР*, ул. *60 лет СССР*, которые эксплицируют мемориальную числовую генитивную модель, направлены на то, чтобы увековечить в городском ландшафте памятные даты. Семантически эти годонимы соотносятся с геортонимами, т. е. названиями праздника, памятной даты. В свою очередь номинация ул. *Памяти героев* реализует развёрнутую субстантивную генитивную модель, а название ул. *Розы Люксембург* — развёрнутую мемориальную генитивную модель.

Соотношение основных морфологических разновидностей однословных наименований города Новоазовска представлено в таблице 3.

Морфологические типы однословных годонимов г. Новоазовска

Таблица 3

№ п/п	Структурный тип годонима	Кол-во годонимов	%
1.	Адъективные годонимы	32	51,6
2.	Субстантивные годонимы	30	48,4
	ВСЕГО:	62	100

Как видно из таблицы 3, среди однословных годонимов города Новоазовска по морфологическому критерию производящих основ реализованы две разновидности, которые представлены практически одинаковым числом наименований:

1. Адъективные годонимы (32 единицы, или 51,6 %): ул. *Аврорская*, ул. *Азовская*, ул. *Донецкая*, ул. *Дорожная*, ул. *Краснопартизанская*, ул. *Луговая*, ул. *Морская*, ул. *Полевая*, ул. *Станичная*, пер. *Южный* и др.

2. Субстантивные годонимы (30 единиц, или 48,4 %): ул. *Алифанова*, ул. *Бородина*, ул. *Дружбы*, ул. *Мичурина*, ул. *Победы*, пер. *Прибой* и др.

Адъективные однословные номинации линейных адресных объектов в годонимиконе г. Новоазовска реализуют следующие словообразовательные модели.

Так, наиболее частотными среди однокомпонентных адъективных годонимов города Новоазовска, как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, оказались две модели:

1. Адъективная модель с суффиксом *-н-*, с помощью которой образованы разноплановые в семантическом плане годонимы (14 единиц, или 43,8 %): ул. *Дорожная*, ул. *Звёздная*, ул. *Молодёжная*, ул. *Радужная*, ул. *Речная*, ул. *Степная*, пер. *Восточный*, пер. *Южный*, ул. *Спортивная*, ул. *Станичная*, ул. *Цветочная*, ул. *Заречная*, ул. *Нагорная*, ул. *Набережная*. Как видно из примеров, наименования линейных адресных объектов этой подгруппы по преимуществу реализуют пространственный код культуры, который представлен такими двумя разновидностями, как топоморфный и физико-географический коды: а) годонимы пер. *Восточный*, пер. *Южный* указывают на расположение адресного объекта относительно стороны света; б) годонимы ул. *Заречная*, ул. *Нагорная*, ул. *Набережная*, в структуре которых, помимо суффикса *-н-*, представлены префиксы *за-* и *на-*, как и номинации ул. *Речная*, ул. *Степная*, характеризуют расположение линейного адресного объекта относительно других внутригородских объектов и/или указывают на особенности ландшафта. Номинация ул. *Дорожная* также эксплицирует пространственный код культуры, а название ул. *Цветочная* – фитоморфный культурный код. Годонимы ул. *Звёздная*, ул. *Радужная*, ул. *Спортивная*, указывая на присущие или приписываемые объекту номинации свойства и качества, реализуют эмоционально-характерологический код культуры. Название ул. *Станичная* выполняет мемориальную функцию, поскольку отсылает к тому факту, что город Новоазовск в 1849 году был основан как станция Новониколаевская на территории Области Войска Донского. В то время как наименование ул. *Молодёжная* опосредованно реализует антропоморфный код культуры, указывая на группу людей по возрасту.

2. Адъективная модель с суффиксами *-ск-*, *-к-* (13 единиц, или 40,6 %): ул. *Аврорская*, ул. *Азовская*, ул. *Казацкая*, ул. *Комсомольская*, ул. *Красноармейская*, ул. *Краснопартизанская*, ул. *Морская*, ул. *Пролетарская*, ул. *Советская*, ул. *Партизанская*, ул. *Флотская*, пер. *Морской*, *Приморский* бульвар. Подавляющее большинство годонимов этой подгруппы реализует социально-идеологический код культуры и выполняет идеологическую и мемориальную функции, прямо или косвенно указывая на значимые исторические события и процессы (ул. *Аврорская*, ул. *Комсомольская*, ул. *Красноармейская*, ул. *Краснопартизанская*, ул. *Пролетарская*, ул. *Советская*, ул. *Партизанская*). Номинация ул. *Казацкая* воплощает антропоморфный код культуры, который опосредованно также реализуется с помощью названий ул. *Комсомольская*, ул. *Пролетарская*, ул. *Партизанская*, указывающих на объединения людей. В то время как такие номинации, как ул. *Азовская*, ул. *Морская*, ул. *Флотская*, пер. *Морской*, *Приморский* бульвар в годонимиконе г. Новоазовска эксплицируют пространственный код культуры. При этом годонимы ул. *Морская*,

ул. Флотская, пер. Морской, Приморский бульвар указывают также на тот факт, что Новоазовск является морским городом, расположенным на побережье Азовского моря.

3. Адъективная модель с суффиксом *-ов/-ев-* реализуется в системе годонимов города Новоазовска в трёх номинациях (9,4 %), объективирующих физико-географический код культуры и указывающих на характер ландшафта: ул. *Луговая*, ул. *Садовая* и ул. *Полевая*. Можно утверждать, что годонимы этого типа косвенно также реализуют растительный/фитоморфный/ботанический код культуры. В частности к так называемым опосредованным фитонимным номинациям относятся годонимы, для которых наиболее существенным является воплощение физико-географического или цветового кода, но при этом производящие основы этих годонимов в своих лексических структурах содержат семы 'растение', 'растительность', 'дерево', 'кустарник', 'лес', 'сад', 'цветы'. Таким образом, годонимы типа ул. *Лесная*, ул. *Степная*, ул. *Полевая*, ул. *Луговая*, ул. *Садовая* и под. представляют собой названия линейных адресных объектов, которые образованы от наименований лесных и садовых массивов, а также от наименований, естественного и искусственного ландшафта, покрытого растительностью (см. [30; 34]).

4. Единичными примерами в нашем материале представлены разновидности адъективной флексийной модели (по одному годониму, или по 3,1 % соответственно):

4.1. Годоним ул. *Донецкая* реализует адъективную модель с флексией *-ая*, в рамках которой годонимы образуются от топонимов или апеллятивов, уже содержащих в своей структуре суффикс *-ск-/-цк-*. Названный годоним за счёт своей производящей базы эксплицирует пространственный код культуры, выступая при этом средством региональной идентичности.

4.2. Годоним ул. *Зелёная*, образованный по первообразной модели, который, как мы уже отмечали в одной из своих работ, может быть квалифицирован как название, объективирующее за счёт семантики производящей основы сразу несколько кодов культуры: 1) производящее прилагательное *зелёный* в наименовании внутригородского объекта метафорически соотносится с названием цвета (*цветовой код культуры*); 2) потенциальное положительное восприятие линейного адресного объекта жителями города (*эмоционально-характерологический код культуры*) «базируется на отсылке к *растительному* (*фитоморфному, флористическому, ботаническому*) *коду*, т. е. ул. *Зелёная* – это улица, на которой потенциально много деревьев и вообще растительности (ср. номинацию микрорайон *Зелёный* в г. Макеевке ДНР)» [34, с. 69].

Соотношение словообразовательных типов адъективных годонимов г. Новоазовска представлено в таблице 4.

Таблица 4

Словообразовательные модели адъективных годонимов г. Новоазовска

№ п/п	Словообразовательные модели годонимов	Кол-во годонимов	%
1.	Адъективная модель с суффиксом <i>-н-</i>	14	43,8
2.	Адъективная модель с суффиксами <i>-ск-, -к-</i>	13	40,6
3.	Адъективная модель с суффиксом <i>-ов/-ев-</i>	3	9,4
4.	Адъективная флексийная модель с флексией <i>-ая</i> и с суффиксом <i>-цк-</i> в производящей основе топонима	1	3,1
5.	Адъективная первообразная модель	1	3,1
	Всего:	32	100

Субстантивные однословные годонимы, включающие имя существительное (оним или апеллатив) в сочетании с номенклатурным термином, реализуют в годонимиконе г. Новоазовска следующие модели:

1. Субстантивная мемориальная генитивная модель, которая, как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, является наиболее частотной (24 единицы, или 80 %):

1.1. «Мужская фамилия в форме Р. п. ед. ч. с суффиксами -ов-, -ев- и окончанием -а»: ул. Алифанова, ул. Апатова, ул. Близнюкова, ул. Брюханова, ул. Кирова, ул. Комарова, ул. Людникова, ул. Нахимова, ул. Седова, ул. Щербакова.

1.2. «Мужская фамилия в форме Р. п. ед. ч. с суффиксом -ин- и окончанием -а»: ул. Бородина, ул. Гагарина, ул. Кондрашкина, ул. Мичурина, ул. Покрышкина, ул. Пушкина. К этой же группе можно отнести годоним ул. Ленина, восходящий к фамилии Ленин, которая, как известно, этимологически представляет собой псевдоним.

1.3. «Мужская фамилия в форме Р. п. ед. ч. с суффиксом -ск- и окончанием -ого»: ул. Зеленского.

1.4. «Несклоняемая мужская фамилия с суффиксом -енко, -ко»: ул. Гриценко, ул. Франко, ул. Шевченко.

1.5. «Мужская фамилия иноязычного происхождения в форме Р. п. ед. ч. с окончанием -а»: ул. Шмидта, ул. Энгельса.

1.6. «Мужское личное имя (псевдоним) в форме Р. п. ед. ч. с окончанием -а»: ул. Артёма.

Как видно из примеров, все номинации линейных адресных объектов, образованных в рамках субстантивной мемориальной генитивной модели, мотивированы антропонимами и эксплицируют антропоморфный код культуры.

2. Субстантивная генитивная модель (5 единиц, или 16,7 %) в системе годонимов г. Новоазовска реализована следующими разновидностями:

2.1. «Существительное в форме Р. п. мн. числа с окончанием -ов»: ул. Коммунаров.

2.2. «Существительное в форме Р. п. мн. числа с окончанием -ей»: ул. Строителей.

Годонимы ул. Коммунаров и ул. Строителей реализуют в первую очередь антропоморфный культурный код, а в случае с номинацией ул. Коммунаров также можно говорить и о реализации социально-идеологического кода культуры.

2.3. «Существительное ж. рода в форме Р. п. ед. числа с окончанием -ы»: ул. Дружбы, ул. Победы.

2.4. «Существительное м. рода в форме Р. п. ед. числа с окончанием -а»: ул. Мира.

Годонимы ул. Дружбы, ул. Победы и ул. Мира эксплицируют в первую очередь социально-идеологический культурный код, а также опосредованно на его базе реализуют эмоционально-характерологический код культуры.

3. Субстантивная номинативная модель представлена в одной единице, эксплицирующей пространственный код культуры: ул. Прибой (3,3 %).

Как уже отмечалось, по семантике своих годонимопроизводящих основ названия ул. Морская, ул. Флотская, пер. Морской, Приморский бульвар, ул. Прибой как номинации внутригородских линейных адресных объектов типичны для системы годонимов морского города, каковым является Новоазовск.

Соотношение словообразовательных моделей субстантивных годонимов г. Новоазовска отражено в таблице 5.

Таблица 5

Словообразовательные модели субстантивных годонимов г. Новоазовска

№ п/п	Словообразовательные модели субстантивных годонимов	Кол-во годонимов	%
1.	Субстантивная мемориальная генитивная модель	24	80
2.	Субстантивная генитивная модель	5	16,7
3.	Субстантивная номинативная модель	1	3,3
	Всего:	30	100

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что годонимикон г. Новоазовска и в структурном, и в семантическом отношении представляет собой упорядоченную систему, которая в целом типична для номинаций линейных адресных объектов, реализованных в населённых пунктах Большого Донбасса (ср. [1-7; 11-20; 25; 27-36 и др.]): преобладание номенклатурного термина *улица*, значительное превосходство однокомпонентных годонимов, представленность основных морфологических разновидностей годонимов субстантивным и адъективным типами. Вместе с тем и адъективные, и субстантивные годонимы, реализованные в системе номинаций линейных адресных объектов г. Новоазовска, образованы в рамках разнообразных словообразовательных моделей, которые характеризуются разной степенью частотности. Годонимикон г. Новоазовска и в семантическом отношении, в целом объективируя систему культурных кодов, характерную и даже универсальную для урбанонимии всех славянских стран (ср. [21]), воплощает определённый набор кодов культуры в рамках разных по частотности словообразовательных моделей. При этом часть годонимов (прежде всего тех, которые связаны с экспликацией пространственного и антропоморфного кодов культуры) направлены на реализацию региональной идентичности в системе топонимов.

Следующая задача нашего исследования заключается в том, чтобы осуществить структурно-семантическую классификацию годонимов города Азова РФ по ряду критериев, а также сопоставить годонимикон г. Новоазовска ДНР и г. Азова РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитрова Е.А. Структурно-семантическая классификация годонимов Буденновского района города Донецка / Е.А. Дмитрова // Новые горизонты русистики. – 2018. – Вып. 5. – С. 118–122.
2. Дмитрова Е.А. Годонимы Буденновского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации / Е.А. Дмитрова // «Славистика: новые имена в науке»: Сб. науч. трудов участников II Республиканской очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – С. 41–46.
3. Дмитрова Е.А. Структурно-семантические типы адъективных годонимов Буденновского района города Донецка / Е.А. Дмитрова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Вып. 11. – Т. 2. Гуманитарные науки. – Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 23–27.
4. Дмитрова Е.А. Адъективные годонимы Буденновского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации / Е.А. Дмитрова // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М. : МАКС Пресс, 2019. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; AdobeAcrobatReader. – 1600 Мб. – 11000 экз.
5. Дмитрова Е.А. Структурные типы адъективных годонимов Петровского района города Донецка / Е.А. Дмитрова // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 31–37.

6. Дмитрова Е.А. Годонимы Петровского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации / Е.А. Дмитрова // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников IV Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2020. – С. 73–77.
7. Дмитрова Е.А. Структурно-семантическая классификация годонимов Петровского района города Донецка / Е.А. Дмитрова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк : ДонНУ, 2021. – Вып. 13. – Т. 2. Социально-гуманитарные науки. – Ч. 2. – С. 62–68.
8. Егорова Л.В. Структурные типы годонимов Чувашской Республики / Л.В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 231–235.
9. Егорова Л.В. Опыт сопоставительного исследования годонимикона дух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : Дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
10. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Забелин. – М., 2007. – 23 с.
11. Копейко О.Н. Структурно-семантические типы годонимов пгт. Контарное и пгт. Московское Шахтёрской администрации / О.Н. Копейко // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 98–102.
12. Копейко О.Н. Годонимы города Каменска-Шахтинского как средство репрезентации локально-географической ориентации / О.Н. Копейко // «Славистика: новые имена в науке»: Сб. науч. трудов участников IV Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2020. – С. 114–117.
13. Копейко О.Н. Структурно-семантическая классификация годонимов города Каменска-Шахтинского / О.Н. Копейко // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк : ДонНУ, 2021. – Вып. 13. – Т. 2. Социально-гуманитарные науки. – Ч. 2. – С. 110–115.
14. Кривуля В.В. Структурные типы годонимов Калининского района города Донецка / В.В. Кривуля // «Славистика: новые имена в науке»: Сб. науч. трудов участников II Республиканской очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – С. 185–191.
15. Кривуля В.В. Типология оттопонимных годонимов Калининского района города Донецка / В.В. Кривуля // «Чтения молодых учёных» : Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 70-летию Горловского института иностранных языков (г. Горловка, 11–12 апреля 2019 г.). – С. 207–208.
16. Ладнова Е.В. Топоморфный код в урбанонимиконе Большого Донбасса (на материале годонимов г. Шахтёрска ДНР и г. Каменска-Шахтинского РФ) / Е.В. Ладнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3-4. – Донецк : ДонНУ, 2020. – С. 101–107.
17. Ладнова Е.В. Культурные коды в годонимиконе города Иловайска / Е.В. Ладнова // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2020. – С. 142–147.
18. Ладнова Е.В. Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности годонимикона Большого Донбасса (на материале годонимов г. Юнокоммунаровска ДНР и г. Зверево РФ) / Е.В. Ладнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 1. – Донецк : ДонНУ, 2021. – С. 117–124.
19. Ладнова Е.В. Структурные типы годонимов г. Шахтёрска ДНР / Е.В. Ладнова // Функциональная грамматика: теория и практика : сб. научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л.Н. Оркиной / отв. ред. А.Д. Ахвандерова, О.А. Димитриева, З.Н. Якушкина. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 258–263.
20. Ладнова Е.В. Годонимикон города Юнокоммунаровска ДНР: структурно-семантические и лингвокультурологические особенности / Е.В. Ладнова // Новые горизонты русистики. – 2021. – Вып. 13. – С. 88–96.

21. Мезенко А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–393.
22. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
23. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; под ред. А.В. Суперанской. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
24. Супрун В.И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен / В.И. Супрун // In Nominum Spatio (В пространстве имён): Материалы I Международных ономастических чтений имени Е.С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2015 г.). – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 103–113.
25. Чабан У.Л. Структурные типы годонимов Центрально-Городского района города Макеевки / У.Л. Чабан // «Чтения молодых учёных»: Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 70-летию Горловского института иностранных языков (г. Горловка, 11–12 апреля 2019 г.). – С. 402–403.
26. Шмелёва Т.В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелёва. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
27. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н.А. Ярошенко, У.Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
28. Ярошенко Н.А. Структурно-семантические модели отантропонимных и персональных годонимов Буденновского района г. Донецка / Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. науч. трудов III Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2018 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Вып. 4. – С. 171–175.
29. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапельлятивных годонимов г. Донецка) / Н.А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.
30. Ярошенко Н.А. Растительный код в годонимиконе Донбасса (на материале названий улиц, образованных от видовых наименований растений) / Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитрова // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции (14 ноября 2019 г.). – Макеевка: ДонНАСА, 2019. – С. 126–134.
31. Ярошенко Н.А. Годонимикон рабочего посёлка Каменоломни Ростовской области: лингвокультурологический аспект / Н.А. Ярошенко, Е.В. Ладнова // Материалы V Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 17–18 ноября 2020 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 150–155.
32. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале годонимов пгт. Сердитое, пос. Дубовое и пос. Лобановка Шахтёрской администрации) / Н.А. Ярошенко, О.Н. Копейко // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 78–83.
33. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале годонимов Кировского района г. Донецка) / Н.А. Ярошенко, Е.В. Нестерович // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 99–104.
34. Ярошенко Н.А. Растительный код в годонимиконе Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 65–71.
35. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Большого Донбасса: фреквентативные особенности отапельлятивных годонимов / Н.А. Ярошенко // XIV Международные

Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (10 сентября 2020 г.) : Материалы конф. / Гл. ред. А.В. Петров ; Отв. ред. В.М. Калинин. – Симферополь : «ПОЛИПРИНТ», 2021. – С. 192–203.

36. Ярошенко Н.А. Годонимы с. Покровского Ростовской области: структурно-семантический и лингвокультурологический аспект / Н.А. Ярошенко, Е.В. Ладнова // Материалы VI Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 26–28 октября 2021 г.) ; под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 145–148.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

37. Адреса и индексы, закреплённые за отделениями почтовой связи ГП «Почта Донбасса» <https://postdonbass.com/delivery>.

Поступила в редакцию 15.05.2022 г.

STRUCTURAL AND SEMANTIC CLASSIFICATION OF GODONYMS OF NOVOAZOVSK

N.A. Yaroshenko

The article puts up the structural and semantic classification of Novoazovsk godonyms. The godonyms have been systematized according to the term-classifier. The main structural types and word-formation models of the names of the address linear objects in Novoazovsk have been established. The cultural codes in the godonyms of Novoazovsk as well as the implementation specifics of this codes have been put up.

Key words: toponym, urbanonym, godonym, street, side street, cultural code, Great Donbass.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Head of General Linguistics and History of Language Department named after E.S. Otin.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

УДК 81'373

ГОДОНИМИКОН Г. ДЕБАЛЬЦЕВО: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2022 *Е.В. Ладнова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена лингвокультурологическим параметрам годонимикона города Дебальцево. Определена специфика годонимов как особого разряда имён собственных. Выделены основные коды культуры, с которыми взаимодействуют годонимы данного населённого пункта. Определены экстралингвальные факторы, повлиявшие на формирование системы годонимов г. Дебальцево.

Ключевые слова: годоним, урбаноним, культурный код, Донбасс.

Данная статья продолжает цикл публикаций представителей Донецкой ономастической школы, направленных на комплексное изучение топонимии и урбанонимии Донбасса (см. [8; 9; 10; 11; 12 и др.]).

Одним из актуальных направлений современной ономастики и лингвистического краеведения является изучение годонимов как важного элемента урбанонимической системы. Годонимы – это названия линейных адресных объектов, в том числе улиц, переулков, проспектов, бульваров, аллей, микрорайонов, кварталов и пр. (см. обзор в [8; 9]). Наряду с агоронимами данные наименования принадлежат к ядру урбанонимического поля [3].

Годонимы тесно связаны с культурой страны и региона. Основная функция годонимов – *адресно-идентификационная*, т.е. фиксация адресного объекта и различение его среди ряда ему подобных. В то же время система годонимов населённого пункта формируется под влиянием природных особенностей региона, экономической специфики города, исторических событий, социально-идеологических процессов. Наименования адресных объектов служат индикатором господствующих социальных и культурных ценностей. Кроме того, годонимы, как и другие урбанонимы, могут отражать региональную идентичность [7].

В рамках лингвокультурологического подхода анализируется специфика взаимодействия годонимов с кодами культуры. Под последними в работе понимаем символы или системы символов, релевантные в рамках конкретной культуры. Субстратом для культурного кода может стать «любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий» [2, с. 79]. Таким образом, в исследовании лингвокультурологических параметров годонимов необходимо учитывать также экстралингвальные факторы.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы осуществить лингвокультурологический анализ годонимов г. Дебальцево. *Объектом исследования* являются годонимы г. Дебальцево как компонент годонимикона Большого Донбасса. *Предмет анализа* в свою очередь составляют лингвокультурологические параметры наименований линейных адресных объектов г. Дебальцево.

Краткие сведения о г. Дебальцево. Город Дебальцево был основан в 1878 году как железнодорожная станция. В 1894 году поблизости был построен механический завод. В 1911 году население города составляло 20 тысяч человек. В г. Дебальцево к

тому времени функционировали товарная станция, два депо, вагонные мастерские, больницы, школы. В годы Гражданской войны за станцию Дебальцево велись ожесточенные бои красных и белых войск. С апреля по декабрь 1918 года Дебальцево находилось под оккупацией австро-немецких войск. Эти события, как мы покажем далее, отразились на годонимиконе современного Дебальцево, в особенности на наименованиях, реализующих антропоморфный код. К концу 1919 года в Дебальцево установилась советская власть. Статус города населённый пункт получил в 1938 году. К этому времени в Дебальцево были построены Дворец культуры железнодорожников, стадион, появился филиал Харьковского железнодорожного института. 15 декабря 1941 года город Дебальцево был оккупирован немецко-фашистскими войсками. 3 сентября 1943 года город был освобожден советскими войсками. После войны город продолжил развиваться. Прошла реконструкция железнодорожного узла и машиностроительного завода. В 1970–1980-х годах в Дебальцево были построены новые микрорайоны – *Черемушки*, мкрн *50-летия Победы*, мкрн *Восточный*.

Характеристика годонимикона Дебальцево. Как свидетельствует систематизация фактического материала, на территории города Дебальцево представлено 162 годонима, в том числе 154 годонима с термином-классификатором *улица*, 3 годонима – с термином-классификатором *переулок* и 5 годонимов – с термином-классификатором *микрорайон*.

В ходе анализа было установлено, что большая часть наименований линейных адресных объектов города Дебальцево реализует **антропоморфный код культуры** – 96 годонимов. Среди них преобладают мемориальные наименования, посвящённые важным личностям в контексте истории и/или идеологии, – 82 годонима, которые в зависимости от референтной соотнесённости годонимопроизводящих основ могут быть систематизированы по следующим лексико-семантическим подгруппам:

1. Годонимы, посвящённые революционерам, участникам Гражданской войны и государственным деятелям советского периода (36 годонимов): ул. *Артема*, ул. *Бабушкина*, ул. *Баумана*, ул. *Воровского*, ул. *Громова*, ул. *Джулина*, ул. *Дзержинского*, ул. *Димитрова*, ул. *Емченко*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Калинина*, ул. *Кирова*, ул. *Коняева*, ул. *Котовского*, ул. *Крупской*, ул. *Куйбышева*, ул. *Ленина*, ул. *Менжинского*, ул. *Мокиевской*, ул. *Пархоменко*, ул. *Петровского*, ул. *Постышева*, ул. *Орджоникидзе*, ул. *Розы Люксембург*, ул. *Рязанцева*, ул. *Свердлова*, ул. *Сергея Лазо*, ул. *Серго*, ул. *Скворцова-Степанова*, ул. *Тельмана*, пер. *Тельмана*, ул. *Ульянова*, ул. *Чапаева*, ул. *Щербакова*, ул. *Щорса*, пер. *Энгельса*.

Как свидетельствует анализ фактического материала, это наиболее представленная в количественном отношении группа отантропонимных годонимов. Появление данного типа годонимов мотивировано историческими и социальными процессами. Следует отметить, что в системе годонимов рассматриваемого населённого пункта это единственная группа, в которой представлены наименования, соотносимые с именами зарубежных деятелей (ул. *Димитрова*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Розы Люксембург* и т. д.).

Особый интерес в точки зрения лингвистического краеведения представляют годонимы города Дебальцево, отражающие период Гражданской войны. Годонимы этой лексико-семантической разновидности непосредственно связаны с историей региона в целом и города в частности.

Так, наименование ул. *Артема*, присвоенное в честь Ф.А. Сергеева, основателя и главы Донецко-Криворожской Советской Республики, зафиксировано также в других

городах Большого Донбасса — в Донецке, Макеевке, Горловке, Амвросиевке, Шахтах и пр.

Годоним ул. *Джулина* соотносится с именем Д.Г. Джулина, профессионального революционера, участника Гражданской войны, умершего в 1922 году в Дебальцево от тифа и похороненного в этом городе в братской могиле.

Н.Н. Коняев, в честь которого названа ул. *Коняева*, был во времена Гражданской войны командиром Дебальцевского отряда Красной гвардии. В 1917 году он был убит на перроне вокзала станции Дебальцево, где позже была установлена мемориальная доска. Его имя носит также поселок имени Коняева.

В честь участника гражданской войны и командира красногвардейцев Ф.А. Рязанцева в городе названы ул. *Рязанцева* и поселок имени Рязанцева. В годонимиконе Дебальцево увековечено имя Л.Н. Мокиевской-Зубок – единственной известной женщины-командира бронепоезда, которая погибла при боях за станцию Дебальцево. В 1968 году в городе на ул. *Советской* открыли обелиск в память о Л.Н. Мокиевской-Зубок.

Годоним ул. *Емченко* появился в Дебальцево в 1970 году (ранее данный линейный адресный объект носил название ул. *Водная*). И.К. Емченко был председателем Дебальцевского городского совета депутатов трудящихся. Он был инициатором строительства узла связи, открытия автобусного движения, асфальтирования дорог, реконструкции Центральной площади, сооружения памятника участникам Гражданской войны и героям Великой Отечественной войны.

Ул. *Пархоменко* названа в честь участника Гражданской войны А.Я. Пархоменко, который в 1909 году скрывался в Дебальцево. В этот период он несколько месяцев работал на механическом заводе и занимался агитацией рабочих.

С историей города непосредственно связан также годоним ул. *Калинина*. Так, весной 1920 года на станцию Дебальцево прибыл агитпоезд «Октябрьская революция» во главе со «всесоюзным старостой» М.И. Калининым, который сыграл большую роль в мобилизации жителей города на восстановление разрушенного Гражданской войной народного хозяйства. В память о визите Калинина на здании вагонного депо была установлена мемориальная доска. В августе 1917 года выступал на митинге перед рабочими Г.И. Петровский, в честь которого также названа улица в центральной части города.

2. Годонимы, посвящённые участникам Великой Отечественной войны (14 годонимов): ул. *Ватутина*, ул. *Вечкутова*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Ильина*, ул. *Кошевого*, ул. *Лихачева*, ул. *Матросова*, ул. *Мельникова*, ул. *Мокроусова*, ул. *Осипенко*, ул. *Пономаренко*, ул. *Станкевского*, ул. *Черняховского*, ул. *Щербины*.

Большая часть из этих наименований (8 единиц) соотносятся с именами людей, чья деятельность была связана с краем либо непосредственно с городом.

Так, ул. *Вечкутова*, расположенная на Октябрьском поселке в Дебальцево, названа в честь В.И. Вечкутова, комиссара батальона 175 погранполка, который героически погиб в бою у этого поселка в декабре 1941 года.

Годоним ул. *Ильина* отсылает к имени Н.Я. Ильина, снайпера, одного из инициаторов снайперского движения на Сталинградском фронте, участника Сталинградской битвы, боёв на Днепре, в Донбассе, под Ростовом-на-Дону. До Великой Отечественной войны он работал слесарем вагонного депо станции Дебальцево-Сортировочное. Именем Н.Я. Ильина в Дебальцево названа школа № 6, а также ему установлен памятник на ул. *Космонавтов*.

А.В. Мельников, в честь которого также названа улица в изучаемом городе, родился в 1923 году в Дебальцево, участвовал в боях в Крыму и в Прибалтике. 22 августа 1944 года в сражении в районе Букайшина он со своим взводом семь раз отражал контратаки противника, уничтожив 5 танков, 5 артиллерийских орудий и около 100 солдат и офицеров противника. В честь А.В. Мельникова в Дебальцево названа школа № 5 и установлен бюст на *Советской ул.*

Уроженцем Дебальцево является также В.П. Мокроусов, советский разведчик и полный кавалер Ордена Славы, который после Великой Отечественной войны работал на Дебальцевском механическом заводе и мастером-подрывником в Чернухинском шахтоуправлении. В честь него также названа улица в городе.

Годоним ул. *Щербины* соотносится с именем лётчика-бомбардировщика, Героя Советского Союза Н.С. Щербины, родившегося в 1920 году в Дебальцево.

В 1998 году в Дебальцево появился годоним ул. *Пономаренко* (ранее данный адресный линейный объект назывался ул. *Лесная*). А.Н. Пономаренко – советский военный лётчик, участник боев на Халкин-Голе, Герой Советского Союза. Он родился в 1914 году в Дебальцево. До призыва на военную службу работал на железной дороге помощником машиниста паровоза.

С периодом Великой Отечественной войны связан также годоним ул. *346-й Дебальцевской стрелковой дивизии*, воинского соединения СССР, сражавшегося в июне 1943 года в районе Донбасса. За боевые заслуги в освобождении Донбасса и Дебальцево дивизия удостоена почётного наименования *Дебальцевская*. Подвиг дивизии увековечен в мемориальном комплексе «Холм Боевой славы». Одним из командиров этой дивизии был генерал-майор Д.И. Станкевский, в честь которого названа улица в исследуемом населённом пункте (ул. *Станкевского*).

3. Годонимы, посвящённые участникам войн и восстаний (5 годонимов): ул. *Бестужева*, ул. *Потёмкина*, ул. *Пугачева*, ул. *Суворова*, ул. *Шмидта*.

4. Годонимы, посвящённые лётчикам (4 годонима): ул. *Гастелло*, ул. *Леваневского*, ул. *Молокова*, ул. *Чкалова*.

5. Годонимы, посвящённые ветеранам труда (1 годоним): ул. *Денисенко*.

Данное наименование образовано от имени П.И. Денисенко, участника Великой Отечественной войны, ветерана педагогического труда, директора дебальцевской общеобразовательной школы № 2, расположенной на этой же улице посёлка имени Рязанцева. Этот годоним появился в 1996 году (ранее данный линейный объект носил название ул. *Транспортная*).

6. Годонимы, посвящённые деятелям искусства:

6.1. Годонимы, посвящённые писателям (16 годонимов): ул. *Герцена*, ул. *Горького*, ул. *Достоевского*, ул. *Лермонтова*, ул. *Маяковского*, ул. *Некрасова*, ул. *Островского*, ул. *Пушкина*, ул. *Рылеева*, ул. *Сосюры*, ул. *Толстого*, ул. *Тургенева*, ул. *Фадеева*, ул. *Фурманова*, ул. *Чернышевского*, ул. *Чехова*

Данная группа годонимов в годонимиконе города Дебальцево по частотности уступает лишь наименованиям, посвящённым советским партийным деятелям и революционерам. Это можно объяснить литературоцентричностью русской культуры [5]. Примечательно, что в этой группе преобладают годонимы, соотносимые с именами русских писателей XIX века.

Некоторые из этих наименований указывают на литературных деятелей, чья жизнь и творчество так или иначе связаны с населённым пунктом. Например, в 1887 году на станции Дебальцево побывал А.П. Чехов, в честь которого названа улица, расположенная в посёлке имени Коняева.

Ул. *Толстого* соотносится с именем А.Н. Толстого, который в 1928 году написал рассказ «Морозная ночь», в котором описал события времен Гражданской войны, разворачивавшиеся на станции Дебальцево.

В 1927 году в Дебальцево побывал В.В. Маяковский, в честь которого также в городе названа улица. Он остановился в гостинице «Доннарпит», с балкона которой читал стихи жителям города.

6. 2. Годонимы, посвящённые композиторам (1 годоним): ул. *Чайковского*.

7. Годонимы, посвящённые ученым (5 годонимов): ул. *Курчатова*, ул. *Ломоносова*, ул. *Лутугина*, ул. *Менделеева*, ул. *Циолковского*.

С историей Дебальцево связаны имена Д.И. Менделеева и Л.И. Лутугина, в честь которых названы улицы в городе. Д.И. Менделеев в 1888 г. совершил поездки по Донбассу, изучал его природные ресурсы и возможности развития угольной и металлургической промышленности, железнодорожного транспорта. Он побывал и в Дебальцево. Л.И. Лутугин, русский географ и геолог, был одним из первых специалистов по геологии угольных бассейнов России. С 1893 по 1914 гг. в Дебальцево размещалась штаб-квартира геологической экспедиции, возглавляемой Л.И. Лутугиным.

Таким образом, формирование современной системы годонимов г. Дебальцево связано с историческими, культурными и идеологическими процессами. Нередко встречаются наименования, мотивированные именами выдающихся жителей города.

Антропоморфный код реализуют также названия, указывающие на

1) профессиональные и экономические объединения людей: ул. *Биологическая*, ул. *Космонавтов*, ул. *Кооперативная*, ул. *Металлистов*, ул. *Метеорологическая* и т. д.;

2) организации советского периода: ул. *Комсомольская*, ул. *Пионерская* и т. д.;

3) воинские подразделения: ул. *Красноармейская*, ул. *Красногвардейская* и т. д. (ср. [9]).

Годонимы, реализующие **топоморфный код**, являются менее частотными в рассматриваемом населённом пункте. В системе наименований адресных линейных объектов Дебальцево было зафиксировано 29 таких названий, 13 из которых образованы путем трансонимизации и указывают на географические объекты за пределами города, а 16 – указывают на внутригородские объекты и характеризуют, таким образом, пространство самого населенного пункта.

Мемориальные годонимы, реализующие топоморфный код, соотносятся с

а) ойконимами: ул. *Луганская*, ул. *Ворошиловградская*, ул. *Харьковская*, ул. *Киевская*, ул. *Полтавская*, ул. *Ростовская*, ул. *Ленинградская*, ул. *Севастопольская*, ул. *Бакинская*;

б) названиями регионов и республик СССР: ул. *Дальневосточная*, ул. *Украинская*. Как видно из примеров, в годонимиконе Дебальцево зафиксированы наименования, посвящённые городам бывшего Советского Союза.

Вторая группа годонимов, реализующих топоморфный код, связана с особенностями развития городского пространства – его экономической спецификой и развитием инфраструктуры. Такие наименования указывают на **(1) объекты промышленности и транспортной инфраструктуры:** ул. *Деповская*, ул. *ДРП*, ул. *Железнодорожная*, ул. *ЖД ВЧД*, ул. *Заводская*, мкрн *Заводской*, ул. *Колхозная*, ул. *Локомотивная*, ул. *Переездная*, ул. *Посадочная*, ул. *Путевая*, ул. *Садовая*, ул. *Тепличная*, ул. *Тепловозная*, ул. *Узловая*, ул. *Фильтровальная*; **(2) объекты социальной инфраструктуры:** ул. *Пожарная*, ул. *Школьная*.

Анализ собранного нами материала показывает, что значительная часть годонимов этой группы (10 наименований) связана с развитием Дебальцево как важного железнодорожного узла.

В то время как годонимы, эксплицирующие топонимический код, указывают на созданные человеком объекты, наименования, реализующие **физико-географический код**, характеризуют природные особенности местности, расположение самого адресного линейного объекта либо его конфигурации. В Дебальцево зафиксировано 12 таких наименований, 7 из которых указывают на расположение улицы либо микрорайона относительно других объектов (ул. *Восточная*, мкрн *Восточный*, ул. *Западная*, ул. *Северная*, ул. *Центральная*, мкрн *Центральный*, ул. *Южная*). 2 годонима характеризуют конфигурации адресного объекта: ул. *Крутая*, ул. *Сквозная*, 3 наименования указывают на специфику природного ландшафта: ул. *Лесная*, ул. *Полевая*, ул. *Степная*.

С природными особенностями края также связаны годонимы, реализующие **фитоморфный код**. В Дебальцево зафиксировано 5 таких названий: ул. *Вишнёвая*, ул. *Зеленая*, ул. *Кашиановая*, мкрн *Черемушки*, ул. *Цветочная*. Природные особенности края также формируют региональную идентичность, и это отражается на системе названий линейных адресных объектов.

В Дебальцево можно выделить также группу условно-символических названий, реализующих **социально-идеологический код** (19 наименований). Эти названия указывают на социально значимые феномены, преимущественно советской эпохи. Здесь можно выделить несколько подгрупп наименований:

1. Годонимы, соотносимые с советскими идеологемами, характеризующими общественные ценности того периода: ул. *Коммунистическая*, ул. *Красная*, ул. *Мира*, ул. *Советская*, ул. *Трудовая* и пр.

2. Годонимы, указывающие на важные события либо соотносимые с названиями праздников: ул. *20 лет Победы*, ул. *20 лет Октября*, ул. *35 лет Октября*, ул. *40 лет Октября*, ул. *50 лет Октября*, ул. *60 лет Октября*, ул. *8 Марта*, ул. *XX Партсъезда*, ул. *Октябрьская*, ул. *Первомайская*, ул. *Юбилейная*.

К последней группе наименований семантически близки годонимы, реализующие **темпоральный код**. В исследуемом населенном пункте было зафиксировано одно такое название ул. *Новая*, характеризующее время появления адресного объекта.

Идеологически мотивированы также наименования, указывающие на объединения людей, существовавшие в советский период. Таким образом, годонимы могут комплексно реализовывать несколько кодов культуры. Подобные наименования наиболее часто подвергаются переименованиям в периоды социально-политических трансформаций. Так, ул. *Коммунистическая* в Дебальцево носила ранее название ул. *Церковная*, а ул. *Красноармейская* – ул. *Жандармская*.

Выводы. Дебальцево как крупный железнодорожный узел играет важную роль в истории Донбасса. Система годонимов этого населённого пункта формировалась под влиянием исторических событий (особенно Гражданской войны 1917–1922 гг. и Великой Отечественной войны), идеологических трансформаций, культурных и социальных ценностей, доминирующих в обществе, и т. д., что наиболее ярко видно на примере годонимов, реализующих антропоморфный код. Годонимы аккумулируют лингвокраеведческую информацию, играют роль в процессах мемориализации и сохранении коллективной памяти о важных личностях в контексте истории города (ул. *Емченко*, ул. *Денисенко* и пр.)

В Дебальцево, как и в большей части городов Большого Донбасса, зафиксирован значительный пласт годонимов, мотивированных идеологемами советского периода.

С экономической спецификой города связана часть наименований, эксплицирующих топонимический код (10 годонимов указывают на объекты железнодорожной инфраструктуры, 2 годонима – на промышленные объекты). Ряд годонимов, реализующих данный код культуры, указывают на другие населённые пункты, расположенные за пределами региона. С природными характеристиками края связаны наименования, объективирующие фитонимический и физико-географический культурные коды.

Перспектива нашего исследования заключается в том, чтобы осуществить комплексный анализ годонимикона Большого Донбасса, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте, на более широком материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеев; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – 180 с.
2. Кюрегян А.Л. Семиотика культуры и культурные коды / А.Л. Кюрегян // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 79–81.
3. Мадиева Г.Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.
4. Мо Ли. Годонимия Шанхая и Екатеринбурга: сопоставительный аспект / Мо Ли, Е.С. Рябцева // Вопросы ономастики. – 2020. – Т.17. – №1. – С. 136–149.
5. Перова Е.Ю. Литературоцентричность русской культуры как особенность национального мировосприятия / Е.Ю. Перова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 21 (707). – С. 152–159.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; под ред. А.В. Суперанской. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Разумов Р.В. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 201–219.
8. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н.А. Ярошенко, У.Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
9. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапельнятивных годонимов г. Донецка) / Н.А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.
10. Ярошенко Н.А. Годонимы города Горловки как лингвокультурный феномен (на материале названий переулков) / Н.А. Ярошенко, Е.В. Ладнова // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов VI Международной научной конференции (10 ноября 2020 г.). – Макеевка: ДонНАСА, 2020. – С. 98–105.
11. Ярошенко Н.А. Годонимикон рабочего посёлка Каменоломни Ростовской области: лингвокультурологический аспект / Н.А. Ярошенко, Е.В. Ладнова // Материалы V Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 17–18 ноября 2020 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 150–155.
12. Ярошенко Н.А. Годонимы с. Покровского Ростовской области: структурно-семантический и лингвокультурологический аспект / Н.А. Ярошенко, Е.В. Ладнова // Материалы VI Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 26–28 октября 2021 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 145–148.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Адреса и индексы, закреплённые за отделениями почтовой связи ГП «Почта Донбасса» <https://postdonbass.com/delivery>.
14. Дебальцево: путеводитель. – Донецк : Донбасс, 1981. – 63 с.
15. Замогильнова А. Емченко / А. Замогильнова // Трибуна. – № 30 (918). – 25 июля 2008. – С. 3.
16. Оноприенко В.И. Дебальцево 125: историческая летопись / В.И. Оноприенко, К.Н. Антошук. – Донецк, 2004. – 300 с.

Поступила в редакцию 12.05.2022 г.

GODONYMS OF DEBALTSEVO: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS

E.V. Ladnova

The article deals with linguistic and cultural parameters of the godonymicon of Debaltsevo. The specificity of godonyms as a special category of proper names has been determined. The main codes of culture with which the godonyms of this locality are associated have been highlighted. The extralingual factors that influenced the formation of the system of godonyms in Debaltsevo have been determined.

Key words: godonym, urbanonym, cultural code, Donbass.

Ладнова Екатерина Владимировна.

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

Ladnova Ekaterina Vladimirovna.

Postgraduate student of General Linguistics and History of Language Department named after E.S. Otin.

Donetsk National University.

E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

УДК 821.161.1–31.09.+929 Пастернак

ПОЭТИКА СКАЗКИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

© 2022 А.Б. Молодцов

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассмотрена поэтика сказки в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» на примере рассказа Тани Безочередовой. Сопоставление текста романа с отличительными чертами сказки указывает на присутствие традиционных сказочных мотивов, персонажей и характеров, свойственные сказке пространственно-временные отношения, а также характерные для сказки стилистику, образность и устное повествование.

Ключевые слова: жанр, фольклор, сказка, мотив, роман.

Жанровое своеобразие романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» еще не раскрыто до конца, однако литературоведы признают одно его свойство – это воздействие различных жанров и поэтик. А. Немзер, Б. Гаспаров, Д. Быков, Н. Лейдерман и др. обращают внимание на то, что в рамках сюжета взаимодействуют различные мотивы и жанры: приключенческий и философский роман, лирическая проза и притча, любовный роман и роман воспитания, роман о художнике и эстетические эссе, дневник и т.д. Так или иначе каждый из этих составляющих мотивную структуру сохранил узнаваемость, не ассимилировавшись с другими элементами до конца.

На наш взгляд, еще недостаточно исследовано влияние фольклора на поэтику романа «Доктор Живаго». Фольклор в романе сыграл не менее значимую роль, чем христианская тема или поэтика Л. Толстого и Ф. Достоевского, а с развитием сюжета, особенно во второй части романа и эпилоге, его художественная стихия становится едва ли не господствующей. Поэтому целью данной статьи стало исследование влияния жанрового канона сказки на поэтику романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

«Отсюда отказ от внешних примет космогонии и мифологизма (при их скрытом, но властном присутствии в романе), от акцентировки мотивных переключек (при их удивительном богатстве), от модернистского небрежения сюжетом, который в желанной книге жизни должен быть разом простым (оперирующим вечными чувствами) и увлекательным», – отмечает А. Немзер [2]. Влияние фольклора анализирует Б. Гаспаров в работе «Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»»: «Однако наряду с <...> «высокими» моделями художественного мышления не менее важную роль в поэтике «Доктора Живаго» играет ориентация на народное искусство. Роман наполнен скрытыми и явными отсылками – от прямых упоминаний до стилистических реминисценций – к самым разнообразным фольклорным жанрам» [1, с. 266].

Избегая однозначных трактовок и определений при создании образов Б. Пастернак «играет» с фольклором, делает образы амбивалентными. Например, текст 90 псалма дается как на церковнославянском языке, так и на просторечии в форме защитного оберега и для юнкера, и для красного партизана. Лара бессознательно, по-простонародному причитает над гробом Живаго, знахарка в партизанском лагере заговаривает, а Живаго даже запоминает наизусть текст одного из заговоров,

хаотичного, нелогичного на первый взгляд, но, несомненно, строящегося на своей особой внутренней логике.

Такие примеры рассматривает и Б. Гаспаров, однако представляет интерес обращение к сказочному канону в романе Б. Пастернака.

Сказка предполагает двойственный сюжет: с одной стороны, он подкреплен жизненными приметами и отношениями как строительным материалом, но с другой – он повествует не о математическом сложении жизненных реалий, а о символическом значении взаимодействия основ мироздания: человека и общества, человека и космоса, добра и зла, жизни и смерти, красоты и уродства и т.п. Таким образом, сказка выражает универсальный символический пласт мира «поверх» правдоподобного изображения обыденности, включая какие угодно ее уровни – от быта до политики. Как известно, «сказка – ложь, да в ней намек...».

Б. Пастернак трактовал свой роман с учетом его особой символичности: «Я все время не могу избавиться от ощущения действительности, как попорченной сказки» (из письма к Н. Табидзе от 04 декабря 1946 г.) [5, с. 147]. С учетом вышесказанного, представляется, что речь идет не о благополучной развязке сюжета или использовании волшебства, но о наделении хаоса настоящего смыслом, о «вочеловечивании эпохи», о возвращении человеку и его понятиям о мире их исконного значения и силы, о возведении случайности в необходимость, разноголосицы – в узор.

Для воплощения целой эпохи ошибочно было бы полагаться на «верхи» происходящих процессов, ибо действительность и состоит из их бесконечного переплетения, при котором нельзя определить, где их конец, а где начало. Разъять происходящее на части невозможно, а объяснять его только сочетанием отличительных признаков (которые, по сути, не взаимодействуют, а лишь соседствуют друг с другом) – недостаточно. Мотивы романа существуют не только как частные события, но и как «целое произведения», если воспользоваться определением В. Фёдорова, который противопоставлял понятию «литературное произведение» (более внешнему, с его точки зрения) понятие «поэтический мир», который отвечает за внутреннюю целостность первого. Постижению целого в романе «Доктор Живаго» аналогично восприятие слова. «Слушатель, воспринимающий ряд звуков, и воображаемый зритель, воспринимающий изображенный в слове предмет, утверждены на различных точках зрения, которые можно предварительно определить как внешнюю и внутреннюю. В акте восприятия слова слушатель (читатель) переходит с внешней точки на внутреннюю. Таким образом, восприятие предмета, изображенного словом, осуществляется согласно закономерности, словесной по своей природе, и эта закономерность требует перехода с внешней точки зрения на внутреннюю», – отмечает В. Федоров [6, с. 161].

Именно для решения этой проблемы Б. Пастернаку была необходима целостная человеческая личность и жизнь – то есть вполне определенный критерий, «призма» времени. А Живаго, более того, был также и художником, способным жизнь претворять в искусство, увековечивать ее. Личность ограничивает линейную протяженность исследуемого времени и одновременно открывает доступ к углублению и поиску универсальных причин в их малом выражении, зачастую попросту бытовом обиходе.

Тем самым развитие действия в романе походит на сюжет мифа или сказки, весьма своеобразно соотносящихся с реальной действительностью. Судьба Живаго, как и судьба иных персонажей, значительна не столько количеством произошедших катастроф и пережитых перипетий, сколько своей причастностью к выражению универсального опыта человека, как это свойственно сказке. В данном случае – это

опыт творческого преобразования эпохи, со свойственными ей надеждами и разочарованиями.

Как помним, «Доктор Живаго» объединил не только разные стилистические, художественные или философские системы, но и разные жанры. Сказка является одним из жанров, подспудно формирующих мотивную структуру романа. Однако, помимо отдельных черт сказочного жанра, сам он реализуется в полной мере в одном рассказе-новелле, принадлежащем Тане Безочередевой, дочери Живаго и Лары. Остановимся на нем подробнее.

А. Немзер замечает, что Таня Безочередева была таинственно хранима судьбой, «потеряв родителей и уютную участь, чудом храня осколки воспоминаний, отдающих зловещей сказкой, но верных в самой сути, получив унижительно уличное прозвание (и принимая его жуть как данность)» [2].

Дочь Живаго и Лары Таня выросла одна, пройдя сквозь ужасы сиротства и войны, а ее история, рассказанная собравшимся солдатам (которую подслушали Гордон и Дудоров), и сама по форме является сказкой с традиционными мотивами: страданием от зависти, зловещим испытанием, столкновением со смертью и в итоге – торжеством добра над покаранным злом.

Эта Таня, появившаяся в Эпилоге из ниоткуда, наделена сразу двумя характерными живаговскими чертами: улыбка во все лицо и, как известно, курносостью (кстати, единственное, что положительно известно о внешности Живаго). Кроме того, у нее есть его способности: «Нужли, думаю, и я вместе с тетей Марфушей не в своем уме, что со мной всякая живая тварь, всякая машина бессловесная ясным русским языком говорит?» [4, с. 665]. Выясняется, что она из беспризорных, потому что ее кличка «Безочередева», то есть «безотчая», без отца. Эти же черты: понимание речи природы и изменение судьбы, связанное с изменением имени, – присущи поэтике сказки.

Таня сама рассказала свою историю в 4 части Эпилога, которая по фабуле и объему является вставной новеллой, например, как у персонажа Ч. Диккенса в «Посмертных записках Пиквикского клуба» (это целые главы, такие как «Глава VI. Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника», «Глава XXI, в которой старик обращается к излюбленной теме и рассказывает повесть о странном клиенте», «Глава XXIX. Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря», «Глава XXXVI, содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдаде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее мистера Уинкля», «Глава XLIX, содержащая историю дяди торгового агента»). Ч. Диккенс сопутствовал всему творческому пути Б. Пастернака, который даже ориентировался на некоторые особенности прозы английского романиста.

Мама Тани – «Раиса Комарова, женой были скрывающегося министра русского в Беломонголии, товарища Комарова» [4, с. 659]. На наречии улицы это означает Ларису Комаровскую, а также рокового оболъстителя адвоката Комаровского, бежавших в Монголию, как и собирались. Комаровский не знал о девочке, а Лариса не рассказывала, более того – скрывала дочь, потому что «он ужась как того не любил, чтобы дети, и кричал и топал ногами, что это одна грязь в доме и беспокойство. Я, кричал, этого терпеть не могу» [4, с. 660]. В традиции сказки у ребенка есть неродной родитель, чаще мачеха, но в «сказке» Тани – это отчим Комаровский, который даже и мысли не мог допустить о ребенке. Эта изначальное гонение определяет Танину скитальческую судьбу: родная мать отдает ее в чужие руки – также частый сказочный

мотив. Ребенок знатного, непростого, королевского рода живет бедной, грубой жизнью (король Артур, например).

Примечательно, что в «новой» семье отношения с родителями приобрели более традиционный характер: отца, сторожа Василия, Таня все-таки называла «тятенькой», хоть он и пил, и, пьяный, рассказывал всю подноготную о себе. А жена его, на руки которой Лара и передала дочь с деньгами, так и осталась «тетей Марфушей» для Тани и была страшна для нее. Девочка, как характерно для сказки, работала за двоих на дворе при сторожке. На то была и объективная причина: у сына Марфуши, Петеньки, были «сухие ножки», и Таня говорит, что не забудет, «как косилась тетя Марфуша на здоровые мои ноги, зачем, дескать, не сухие, лучше бы у меня сухие, а не у Петеньки, будто сглазила, испортила я Петеньку...» [4, с. 661–662]. Этот традиционный для сказки мотив зависти здоровью, чистоте, благородству сыграет немаловажную роль в дальнейшей судьбе Тани.

Кульминационный момент новеллы – это традиционная встреча со злом, со смертью, с потусторонним миром. Обстоятельства были изначально зловещие: сильный осенний ветер, из-за которого даже паровоз не мог одолеть подъем, – такая гиперболизация только оттеняет сверхъестественность происходящего. Кроме того, из ниоткуда ветер принес странницу. «Идет странница, стонет, за живот хватается, попросилась в дом. Положили ее на лавку, – ой, кричит, не могу, живот подвело, смерть моя пришла» [с. 663]. По ее просьбе отец отвез странницу в больницу «верст за пятнадцать» от их дома. Эта странница явилась как вестник смерти, хотя и упомянула о ней по отношению к себе. Уже ночью на дворе слышался храп коня Удалого. Несмотря на неправдоподобно раннее появление, тетя Марфуша подумала, что это вернулся муж, и сама открыла дверь его убийце, который «порешил» его за два мешка «лимонов» от проданной коровы. Убийца и самой Таней называется «окаянным», «нечистым», что является эвфемизмом дьявола.

Сверхъестественность ситуации усиливается и частыми замечаниями Тани, что, видимо, тетя Марфуша сразу же лишилась ясности ума, когда узнала об убийстве, и все дальнейшие действия – вне привычных рамок разумности, как бред.

Поскольку в доме остались не богатыри, в противостоянии злу используется не сила, а хитрость – тоже довольно частый сказочный мотив, когда злая сила обманывается в игровой форме. Как в избушке Бабы Яги старая ведьма учит ребенка, будто не знающего, как садиться на лопату, чтобы попасть в печь, так и тетя Марфуша пытается обмануть убийцу, заманив его в подпол. «А он, нечистый, ее хитрости насквозь видит. “Нет, говорит, тебе, хозяйке, ловчей. Лезь, говорит, сама”» [4, с. 663]. Однако Марфуша хочет откупиться своей приемной дочерью, пустить ее вместе с убийцей, а самой посветить свечой со ступеньки. Удивительным образом, но Таня, уже поверившая в близкий конец, была «пощажена» именно той силой, которая ей угрожала. «А злодей опять, не будь дурак, на нас обоих один глаз скосил, прищурился и криво так во весь рот оскалился, шалишь, мол, не проведешь. Видит, что не жалко ей меня, стало, не родня, чужая кровь, и хватъ Петеньку на руку, а другою за кольцо, открывает лаз, – свети, говорит, и ну с Петенькой по лесенке под землю» [4, с. 664]. В сказках выражена вера в сверхъестественную, но не лишенную логики справедливость: злая сила настигает именно того, кто с ней заигрывает и обычно проигрывает, именно того, кто хочет ее обмануть и оказаться «умнее». Недаром главным персонажем русских сказок является «дурак».

Таня и Петенька были невинными, но спасение Тани было куплено только лишь тем, что именно она была отдана в жертву, чтобы другие выжили. Этот универсальный

мотив является единым и для всего романа и его системы героев в целом: ведь и ее отец, Живаго, своей добровольной жертвой и муками, от которых он никогда не откупался, заслужил право на преодоление смерти. В «персональной эстетике» Б. Пастернака, особенно в его зрелом творчестве, этот мотив является одним из основополагающих, поэтому в рассказе Тани он воплощен в «сказочной справедливости», карающей подлый навет и щадящей чистоту, героизм, жертву.

Когда злодей был с маленьким Петенькой уже внизу, тетя Марфуша закрыла ход и навалила на него тяжелый сундук, позвав на помощь Таню. Снова девочка говорит, что тут уж точно стало очевидно помешательство женщины, «перехитрившей» нечистую силу. «Надвинула, и сама на сундук, сидит, дура, радуется» [4, с. 664]. (Представляется, что недаром слова «дура» и «радуется» в этой строке сопряжены, то есть являются характеристиками одной и той же сущности). Сразу же разбойник стал угрожать убийством Петеньки, стучать в пол, выть. «Слов-то сквозь толстые доски не слышно, да в словах ли толк. Он голосищем хуже лесного зверя ревел, страх наводил» [4, с. 664]. В данной сцене и в рассказе Тани явно слышится отголосок мировоззрения самого Б. Пастернака, всегда считавшего явно не добрую, но могущественную силу жизни больше и сильнее, чем способности отдельного человека, особенно его ум. То, что послание убийцы было «ясно без слов», – лишь доказательство силы вышедшей из берегов дикой (поскольку «хуже лесного зверя») стихии, подкрепленной новым созвучием: «зверя ревел». Победа и шутовское положение сверху на сундуке грозят просто новой спрятанной смертью, убранный с глаз. Причем, хотя Марфуша и не собиралась отдавать в жертву Петеньку, она не стала и спасать его, а обрекла на верную смерть. Значит, ей было все равно, кто умрет, лишь бы перехитрить зло, уцелеть самой. Для Тани – это безумие, для Марфуши – расчет, хитрость. Ее поведение амбивалентно, повторим, вне однозначной оценки. Трудно определить, была ли она сумасшедшей в тот момент на самом деле: безумие зачастую проявляется в форме повышенной логичности, доведенной до предела ясности ума. Таня пыталась растолкать триумфальную Марфушу, чтобы спасти Петеньку, но безуспешно. В итоге разбойник «загрыз насмерть» мальчика, из-под пола только слышался его тоненький голосок – снова звуковая характеристика вместо изображения самого злодеяния, отчего ужас только возрастает. Народные сказки тоже зачастую довольно жутки, беспощадны.

Таня оказалась одна, по ее словам, с разбойником и полоумной. Ее дальнейшие действия продиктованы, тем не менее, не ее смекалкой, но подсказаны самой природой, которая, как подчеркивают ее определения, всегда была рядом с ней: во-первых, все время происшествия стоявший не распряженный «заржал Удалой, словно хочет сказать, давай, Танюша, скорей к добрым людям поскачем, помощь позовем» [4, с. 665]. Девочка с ним даже соглашается, как в диалоге, отвечает, благодарит. Но дальше еще одна подсказка, еще один символ – приближающийся «знакомый» поезд. Тане показалось, что это «петух *родной*» позвал. В этом двоящемся образе (техника – природа) кроется знамение близящегося утра, конца страшного испытания (день продержаться да ночь простоять) и власти нечистой силы. Таня наделена сказочной способностью понимать живую природу и весь окружающий мир. Эта черта – еще одно из основных положений «персональной эстетики» Б. Пастернака: «Мы в дружбе, но я не его сосуд» (о разуме) [3, с. 108]. Жизни нужно доверять больше, чем можно придумать самому, иначе это может не довести до добра. Образ поезда, такой важный как для творчества Б. Пастернака в целом, так и для романа «Доктор Живаго» в частности, символизирует поступательное движение истории, которая борется со смертью ясностью. Тем не менее развязка не менее ужасна, чем в народной сказке.

Поезд был на медленном ходу из-за ветра. Выбежав с фонарем на рельсы, Таня все-таки остановила его, но «знакомый» машинист не мог разобрать слов кричащей Тани (мотив бессильных, неважных слов – сквозной в этой новелле) из-за того же ветра, стихии. Оказалось, Таня остановила еще большую силу: поезд был военный, из него вышли красноармейцы, удивленные, что они стоят ночью в лесу на подъеме – то есть налаженное движение остановилось в самом неестественном, неполюженном месте, где действовала дикая стихия и сказка. Узнав обо всем, они вытащили разбойника, пицавшего «потоньше Петеньки». Одна сила оказалась сильнее другой или свет и ясность оказались сильнее тьмы грубости и зла? Только «вытащили его на шпалы, руки ноги к рельсам привязали и по живому поезд провели – самосуд» [4, с. 666]. Таким образом, концовка «сказки» тоже амбивалентная и жуткая: с одной стороны, Таня хотела искать помощи у «людей добрых», убийца тоже обращается к красноармейцам «люди добрые», то есть они в данном случае несут ту справедливость, которая карает зло, но, с другой стороны, в этой страшной справедливости, «самосуде», они не менее жестоки, чем наказуемый.

Конечно, писав о революционном времени тридцать лет спустя, Б. Пастернак не мог не видеть его двойственность. Это было будущее: с одной стороны, более достойное, лучшее, с другой – беспощадное. Символичны те, кому теперь подчинился этот «поезд», – это культурное развитие и его свет. Но таково было время – и Таня присоединилась к нему, сев на поезд к красноармейцам, потому что старое было разрушено и страшно было вернуться. Таким образом, сказка заканчивается, с одной стороны, традиционно, – торжеством добра и высшего миропорядка. Обидчик наказан и уничтожен (он тоже заигрался, его победила еще большая сила, «тьму» победил «свет»). С другой стороны, если спуститься с надмирного измерения к человеческому, то победа оказывается такой же жестокой и вне привычного понимания, как наказуемое преступление.

Помимо сказочных сюжетных мотивов и образов, которые реализуются в новелле Тани, ее рассказ обладает и стилистическими свойствами сказки. Во-первых, «сказка» Тани дана автором как ее устная речь, и эта устная форма текста, характерная для народной сказки, и определяет ее стилистику. Едва ли не главнейшим ее признаком является отсутствие конкретики и определенности в исходных причинах и обстоятельствах событий. В романе это вуалируется объективной неосведомленностью Тани о своем прошлом, об отношениях с родителями. Поначалу она все ссылается на кого-то третьего, причем неизвестного: «Будто не из простых я, сказывали. Чужие ли мне это сказали, сама ли я это в сердце сберегла, только слышала я, что <...> не отец он родной мне был, надо полагать, этот самый Комаров <...> Ну, конечно, я девушка неученая, без папи, без мамы росла сиротой <...> Я теперь та понимаю, откуда маменька знали сторожиху? Думается <...> Видно, я тут чего-то не знаю. Думается, маменьку обманули <...> Верно, денег дали тете Марфуше на мое пропитание <...> » [4, с. 659, 660, 661].

Пространственно-временные отношения тоже неопределенны, причем снова завуалированно: тем больше неясности, чем больше Таня пытается объяснить точно. Если о времени неизвестно ничего конкретного вообще, то общее пространственное направление указано: «Это было за Крушицами, на другом конце Сибири, по ту сторону казатчины, поближе к китайской границе» [4, с. 660], упоминается «ихний главный белый город». Местоположение разъезда Нагорной, куда Лара отвезла дочь Таню, хотя и названо («это от того города в трех перегонах. Я сейчас объясню. Сперва станция Низовая, потом разъезд Нагорная, потом Самсоновский перевал [4, с. 660]»),

однако все равно эта точка остается затерянной «на другом конце Сибири», так далеко, что теряется представление о конкретном месте и обстоятельства незаметно переходят в условные, и этому переходу способствует уточнение заведомо неопределенного места – это орнамент, скрывающий начала и концы. Введя слушателя в круг условного, автор уже детально описывает положение города возле путей, его затерянность в пространстве, казенную квартиру и т.п.

Если пространство в «сказке» Тани замаскировано под реальное, то о ходе времени и понятия нет, что характерно для сказки, место и время действия которой неопределенно удалены от настоящего момента, хотя и могут обладать чертами той или иной эпохи. Эта неопределенность выражается в сказочных повторах и устойчивых выражениях: «Ну, и шло время. Годы прошли. А сколько, не помню» [4, с. 661]. Хотя известно, что «тогда нэп был» [4, с. 662], то есть 20-е годы, когда еще был жив ее настоящий отец Живаго. Когда уже семья ждала Василия, сторожа, вернуться из больницы, куда он повез больную странницу, Таня говорит: «Долго ли, коротко ли, ложимся мы с тетей Марфушей спать» [4, с. 662]. Традиционная сказочная присказка. В дополнение к этому, Таня пытается фиксировать течение времени, нагнетая атмосферу тревоги, когда убийца уже был в подполе: «время-то идет».

По сути, рассказ Тани – далеко не конец ее истории, она сама заключает, что повидала много чудес, но и – всегдашняя обратная сторона медали – «и беды всякой много и греха»: «Да ведь это все потом было, это я в другой раз расскажу» [4, с. 666]. Добро и свет все-таки уравниваются злом и тьмой, отчего и значительны приключения Тани. Судьба тети Марфуши выражена с поразительной амбивалентностью: «Говорят, она потом в сумасшедшем доме в безумии померла. А другие говорили, поправилась, выходилась» [4, с. 666]. Снова одновременное употребление двух вариантов развития событий создает неопределенный, загадочный, фантастический эффект, заставляющий даже усомниться в реальности произошедшего. Таким образом, рассказана лишь весомая часть из приключений Тани, причем двойственность рассказа налицо: хотя она не может объяснить ни начала, ни конца истории, а начинает как бы уже с данности (неродная дочь из богатых), Таня выказывает знание отдельных вещей: Комаровский не любил ее и «топал ногами», мама была впечатлительная, «пугливая», роковой осенний день, лимоны нэпа. Детали рассказа неосознанно важнее для Тани, чем его причинно-следственное объяснение.

Наконец, устная речь Тани вся соединена устойчивыми выражениями и оборотами: «А мне правда есть что порассказать» [4, с. 659], «Вам, может быть, смешно, что я говорю, ну только говорю я, что знаю, надо войти в мое положение» [4, с. 660], «Да. Так, значит, было это все, про что я вам дальше расскажу...» [4, с. 660], «Стало быть», «И вот я скажу» [4, с. 660], «Теперь слушайте, это, как говорится, еще цветочки, дальше что будет, вы просто ахнете» [4, с. 662]; вариации: «Ой, батюшки светы, дорогие товарищи, что с нами сделалось, войдите в наше положение!» [4, с. 663], «Ой, батюшки, дорогие товарищи, сами подумайте, что со мной сделалось» [4, с. 663]; «И вот сколько годов прошло, мурашки по мне бегают, как косилась тетя Марфуша...» (на ноги Тани) [4, с. 661], «ой, батюшки, ой, батюшки, всего-то я в жизни навидалась-натерпелась, такой страсти не запомню, век буду жить, век буду слышать Петенькин голосок жалостный» [4, с. 664]. Кроме ее личных оборотов, звучат еще и народные: «Свинья борову, а боров всему городу» [4, с. 661], «Дрожим, ни живы ни мертвы, язык отнялся от ужаса» [4, с. 663], «Знать не знаю, ведать не ведаю» [4, с. 663], «Не будь дурак» [4, с. 663], «Мели, мол, Емеля, твоя неделя, а я на сундуке и ключи у меня в кулаке» [4, с. 664], «заржал Удалой, словно хочет сказать» [4, с. 664–665].

Таким образом, мы видим, что рассказ Тани, который занимает всю 4 часть, заметно превышающую по объему среднестатистическую часть всего романа, обладает завершенностью и своей стилистикой, поэтикой, основанной на своеобразии народной сказки. Ведущие сюжетные мотивы и стилистические черты «сказки» Тани в малой и универсализированной форме образуют «музыкальный» эквивалент общей формы романа «Доктор Живаго», ставя ее в отношения целого и части, и воплощают основную идею романа. Синтез литературных жанров и родов в данном случае является формообразующим признаком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» / Б.М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. – М. : Наука, 1993. – С. 241–273.
2. Немзер А. Смерти не будет. К 50-летию издания романа «Доктор Живаго» [Электронный ресурс] / А. Немзер // «Время новостей», 22.11.2007. – Режим доступа: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/kritika/nemzer-smerti-ne-budet.htm> (дата обращения: 03.11.2021).
3. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; сост., подгот. и коммент. В.М. Борисова и Е.Б. Пастернака. – М. : Худож. лит., 1989. – 751 с.
4. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: [роман] / Б.Л. Пастернак. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 704 с.
5. С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. – М. : Советский писатель, 1990. – 288 с.
6. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия / В.В. Фёдоров. – Донецк : ДонНУ, 2008. – 492 с.

Поступила в редакцию 30.01.2022 г.

POETICS OF A FAIRY TALE IN THE NOVEL “DOCTOR ZHIVAGO” BY V. PASTERNAK

A.B. Molodtsov

The article addresses the poetics of a fairy tale in the novel “Doctor Zhivago” by V. Pasternak. The focus is made on the story by Tanya Bezocheredeva. Comparison of the text of the novel with distinctive features of a fairy tale points out to the traditional fairy tale motifs, characters and personages, spatial-temporal relations typical of a fairy tale, as well as stylistics, imagery and oral narration characteristic of this genre.

Key words: genre, folklore, fairy tale, motif, novel.

Молодцов Алексей Борисович.

Аспирант. Ассистент кафедры русской и мировой литературы. ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»
E-mail: homosapien34@mail.ru

Molodtsov Aleksey Borisovich

Postgraduate student. Assistant teacher at Department of Russian and World Literature. Lugansk State Pedagogical University.
E-mail: homosapien34@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922-057.875

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ РАЗЛИЧНОГО ПРОФИЛЯ

© 2022 *Ж.Г. Гаранина, А.И. Лашина*

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

В статье анализируется проблема профессиональной направленности специалистов. Представлены результаты эмпирического исследования профессиональной направленности специалистов различного профиля. Выявлены различия между типами профессиональной направленности и установками в мотивационно-потребностной сфере у представителей различных профессиональных групп. Установлено, что особенности мотивов и потребностей специалистов обусловлены спецификой их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная направленность, установки в потребностно-мотивационной сфере, специалисты.

Введение. В современных социально-экономических условиях все большее значение приобретает профессионализм специалистов, проявляющийся в способности достигать высоких результатов в выбранных сферах деятельности. Одним из значимых качеств специалистов является профессиональная направленность, понимаемая как совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих личность на определенные виды деятельности, а также как установки, которые преобразовались в свойства личности и проявляются в таких формах, как стремления, интересы, влечения, склонности и мировоззрение [2].

В отечественной психологии существуют различные теоретические подходы к пониманию и классификации профессиональной направленности. Так, Н.С. Пряжников определяет ее как одно из главных качеств профессионала, проявляющееся в структуре его мотивации к использованию возможностей и способностей в конкретной сфере деятельности. Он считает, что профессиональная направленность актуализируется в ситуации преодоления препятствий, возникающих на различных этапах профессиональной жизни специалистов [6, с. 91]. Э.Ф. Зеер считает, что профессиональная направленность представляет собой совокупность наиболее важных мотивов и потребностей, позволяющих предвидеть результаты будущей профессиональной деятельности и влияющих на формирование жизненных смыслов и целей развития личности [3]. А.К. Маркова рассматривает профессиональную направленность как обобщенную совокупность мотивов профессиональной деятельности, которые выражаются в устойчивых интересах и стремлениях личности [5]. В проведенном нами исследовании было установлено, что профессиональная направленность специалистов во многом определяется мотивами личностного и профессионального самосовершенствования и саморазвития [1].

Е.А. Климовым рассматривается структура профессиональной направленности, в состав которой входят профессиональные интересы и потребности в активной и производительной деятельности. Им также была предложена наиболее известная в

нашей стране типология профессий, основанная на доминирующих предметных сферах интересов человека: «человек – техника», «человек – природа», «человек – знаковая система», «человек – человек» и «человек – художественный образ» [4].

В зарубежной психологии Дж. Голландом также была разработана классификация профессиональных типов личности, основанная на различных видах профессиональной направленности. Он выделял доминирующие мотивы и интересы, установки и ценностные ориентации личности, которые формируют профессиональные типы личности: реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциональный, предпринимательский и артистический [3].

Таким образом, основой профессиональной направленности является сложная система потребностей и мотивов, а также установок и способностей личности. Профессиональная направленность во многом определяется через отношение специалиста к своей профессии, к себе, а также совокупностью профессионально важных качеств.

В связи с тем, что проблема профессиональной направленности является весьма актуальной и недостаточно разработанной, нами было проведено исследование ее особенностей у специалистов различных профессиональных групп.

Основная часть. Целью данной работы является изучение особенностей профессиональной направленности специалистов различного профиля.

Описание выборки. Для изучения особенностей профессиональной направленности нами проводилось эмпирическое исследование среди специалистов различных профессиональных групп. Численность выборки составила 129 человек в возрасте от 22 до 60 лет, в том числе: врачей, машинистов, программистов, руководителей, слесарей – по 10 человек в каждой группе, бухгалтеров – 17 человек, преподавателей – 13 человек, проводников железнодорожного транспорта – 11 человек, инженеров – 14 человек, психологов – 19 человек. Средний стаж профессиональной деятельности респондентов составил 15 лет.

Процедура и методы исследования. Для реализации поставленных целей был использован комплекс методов, направленных на изучение особенностей профессиональной направленности: тест на определение профессиональной направленности личности Дж. Голланда, методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной, метод статистической обработки данных – U-критерий Манна-Уитни.

Результаты, их интерпретация и выводы. Результаты исследования особенностей профессиональной направленности, полученные с помощью теста профессиональной направленности Дж. Голланда, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Преобладающие типы профессиональной направленности по методике Дж. Голланда

Профессиональные группы	Реалистичный тип	Интеллектуальный тип	Социальный тип	Конвенциональный тип	Предпринимчивый тип	Артистичный тип
	Средние значения					
Ветеринары	6,4	6,4	7,4	6,6	9	6,2

Машинисты	8,2	5,6	5,3	7,2	10,7	5
Бухгалтеры	7,8	6	6,6	7,3	6,5	7,7
Преподаватели	6,8	7	9	6,1	5,8	7,3
Программисты	7,8	6,9	6,6	6,2	7,6	6,9
Руководители	6	7,1	7,9	5,5	8,3	7,1
Проводники	6	5,2	9,1	6,7	7,4	7,5
Инженеры	7,6	6,5	6,9	6,2	6,9	7,8
Психологи	5,8	6,9	9,6	5,3	5,9	8,4
Слесари	7,9	4,6	6,2	7	10,3	5,9
Врачи	5,8	5,4	11,3	7,1	6,2	6,2

Как видно из таблицы 1, в группах машинистов, руководителей, слесарей и ветеринаров преобладающим является предприимчивый тип профессиональной направленности. В группе бухгалтеров и программистов доминирующим выступает реалистический тип профессиональной направленности.

Сравнительный анализ полученных данных, проведённый с помощью U-критерия Манна-Уитни, показал, что у машинистов средние значения по данному типу направленности статистически значимо выше, чем в группе руководителей ($U = 23,5$ при $p < 0,05$), ветеринаров ($U = 14$ при $p < 0,05$), а также слесарей ($U = 43$ при $p < 0,05$).

Различия между группой руководителей и слесарей также являются статистически значимыми ($U = 28,5$ при $p < 0,05$). Полученные данные можно объяснить тем, что лица с предприимчивым профессиональным типом более склонны к выполнению профессиональной деятельности, связанной с мобильным образом жизни, постоянными переездами, склонностью к риску.

Сравнение полученных данных с помощью U-критерия Манна-Уитни показало, что у бухгалтеров средние значения по данному типу профессиональной направленности статистически значимо выше, чем у программистов ($U = 83$ при $p < 0,05$), но статистически значимо ниже, чем в группе слесарей ($U = 80,5$ при $p < 0,05$). Полученные результаты можно объяснить тем, что слесари более ориентированы на физический труд, обладают более сформированными моторными навыками по сравнению с бухгалтерами. Статистически значимые различия выявлены по реалистическому типу профессиональной направленности между группой программистов и такими группами, как машинисты ($U = 47,5$ при $p < 0,05$) и инженеры ($U = 52$ при $p < 0,05$). Таким образом, программисты также ориентированы на конкретную практическую деятельность, предпочитают работу с техникой.

В группах преподавателей, психологов, врачей и проводников преобладающим является социальный тип профессиональной направленности. Различия по социальному типу в группах психологов и преподавателей, выявленные с помощью U-критерия Манна-Уитни, являются статистически значимыми ($U = 107$ при $p < 0,01$), а различия между группами врачей и преподавателей, врачей и психологов, проводников и психологов статистически не значимы.

При изучении социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере по методике О.Ф. Потемкиной были получены результаты, отраженные в таблице 2.

Таблица 2

Социально-психологические установки в мотивационно-потребностной сфере по методике
О.Ф. Потемкиной

Шкалы	Ветеринары	Машинисты	Бухгалтеры	Преподаватели	Программисты	Руководители	Проводники	Инженеры	Психологи	Слесари	Врачи
	Средние значения										
Ориентация на процесс	4,4	3,9	6,4	6,1	7,2	6,4	7	6,8	6,3	5,5	4,1
Ориентация на результат	6	6,8	5,6	6,1	6,1	6,1	5,6	5,3	5,7	6,4	5,8
Ориентация на альтруизм	3,8	4,3	5,6	5,8	4,8	5,2	5,8	5,8	5	6,3	5,2
Ориентация на эгоизм	5,6	2,8	4,6	3,6	3,9	3,7	4,8	3,9	4,3	4,3	3,2
Ориентация на труд	2,8	4	4,5	4,5	5,4	4,6	4,2	3,8	4,8	5,4	4,8
Ориентация на свободу	6	6,4	6,6	5,5	6,3	7,3	5,8	7,3	7,1	7,5	6,3
Ориентация на власть	3,4	3,3	3,2	2,5	2,9	3,5	3	2,6	2,9	4,1	3,6
Ориентация на деньги	5	3,3	4,2	3	2,5	3,1	3,4	3,5	2,4	3,2	5

Анализ полученных результатов исследования мотивации по методике «Диагностика социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной позволяет выделить два блока мотивационных установок. Первый блок направлен на изучение ориентации специалистов на процесс или результат деятельности, а также на себя или других людей.

Как видно из таблицы 2, по шкале «Ориентация на процесс» наибольшие средние значения выявлены в профессиональных группах программистов и инженеров, которые стремятся получать удовольствие от процесса деятельности, но при этом не всегда ориентируются на ее результативность. Сравнительный анализ, проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни между двумя группами, показал, что различия по данной шкале являются статистически значимыми ($U = 61$ при $p < 0,05$), т.е. программисты больше ориентированы на процесс выполнения деятельности, чем инженеры, и получают большее удовольствие от ее выполнения.

По шкале «Ориентация на результат» наибольшие показатели выявлены в профессиональной группе машинистов и слесарей, для которых достижение результата более значимо, чем процесс осуществления деятельности. Сравнительный анализ, проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни между данными группами, показал, что различия по данной шкале являются статистически значимыми ($U = 42,5$ при

$p < 0,05$). Это говорит о том, что машинисты, по сравнению со слесарями, больше ориентированы на результат выполнения деятельности.

По шкале «Ориентация на альтруизм» наибольшие средние значения выявлены в профессиональной группе слесарей. Сравнительный анализ, проведённый с помощью U-критерия Манна-Уитни, показал: в группе слесарей показатели по данной шкале статистически значимо выше, чем в остальных профессиональных группах. Полученные результаты можно объяснить тем, что альтруизм, который мотивирует представителей данной группы, является наиболее ценной общественной мотивацией, наличие которой отличает зрелого человека. По шкале «Ориентация на эгоизм» наибольший результат выявлен в профессиональной группе ветеринаров, чьи показатели статистически значимо выше, чем у представителей других профессиональных групп. Наименьший результат выявлен в группе машинистов.

Анализ результатов исследования трудовой мотивации показывает, что по шкале «Ориентация на труд» наибольшие средние значения выявлены в таких профессиональных группах, как программисты и слесари. Сравнительный анализ, проведённый с помощью U-критерия Манна-Уитни между данными группами, показал, что различия по данной шкале являются статистически значимыми ($U = 48,5$ при $p < 0,05$). Это может свидетельствовать о высокой степени поглощённости программистов трудовой деятельностью, получению ими удовольствия от процесса труда.

По шкале «Ориентация на свободу» наибольшие средние результаты выявлены в профессиональных группах слесарей, руководителей, инженеров и психологов. Сравнительный анализ, проведённый с помощью U-критерия Манна-Уитни между группами руководителей и инженеров, показал, что различия по данной шкале являются статистически значимыми ($U = 66$ при $p < 0,05$). Полученные результаты говорят о том, что профессиональная деятельность указанных групп специалистов даёт им возможность для свободы действий, которую они считают главной ценностью.

По шкале «Ориентация на власть» наибольшие средние результаты имеют профессиональные группы слесарей, руководителей и врачей. Сравнительный анализ, проведённый с помощью U-критерия Манна-Уитни между группами руководителей и слесарей, показал, что различия являются статистически значимыми ($U = 40,5$ при $p < 0,05$), что можно объяснить доминирующим стремлением руководителей к управлению людьми. По шкале «Ориентация на деньги» наибольший средний результат имеют такие профессиональные группы, как ветеринары и врачи, что может говорить о выраженных материальных потребностях представителей данных групп.

Заключение. Изучение профессиональной направленности и мотивационных установок различных групп специалистов показывает, что в таких профессиональных группах, как ветеринары, машинисты и руководители, преобладает предприимчивый тип профессиональной направленности, а наиболее значимым мотивом профессиональной деятельности для них является наличие свободы и достижение результата деятельности. В группах психологов, преподавателей, проводников, врачей и программистов профессиональная направленность соответствует профилю их профессиональной деятельности, основными мотивами у специалистов с социальным типом направленности является процесс деятельности и свобода. В группах программистов и слесарей, имеющих реалистический тип профессиональной направленности, наиболее выражены ориентации на труд, на процесс и результат деятельности.

Полученные результаты можно использовать на практике в процессе профессионального консультирования специалистов с целью повышения их

профессиональной мотивации, а также при оказании психологической помощи при разрешении возникающих кризисов профессиональной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гаранина Ж.Г. Профессиональное самосознание как фактор личностно-профессионального саморазвития студентов вуза / Ж.Г. Гаранина, Н.В. Андропова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20. – № 4 (52). – С. 454–464.

2 Деркач А.А. Психолого-акмеологические основания и средства оптимизации личностно-профессионального развития конкурентоспособного специалиста / А.А. Деркач // Акмеология. – 2013. – № 1. – С. 11–15.

3 Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов / Э.Ф. Зеер. – М.: Академический Проект, 2003 – 336 с.

4 Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Е.А. Климов. – М.: Академия, 2004. – 304 с.

5 Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Прогресс, 1996. – 282 с.

6 Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения / Н.С. Пряжников. – М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2003. – 392 с.

Поступила в редакцию 16.02.2022 г.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF SPECIALISTS IN DIFFERENT FIELDS

Zh.G. Garanina, A.I. Lashina

The article deals with the problem of specialists' professional orientation. The results of the empirical study of the professional orientation of specialists in various fields are presented. Differences between the types of professional orientation and attitudes in the motivation-required sphere among representatives of various professional groups are revealed. It has been established that the peculiarities of the specialists' motives and objectives are accounted for by their professional activities specifics.

Key words: professional orientation, attitudes in the need-motivational sphere, specialists.

Гаранина Жанна Григорьевна.

Кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: garanina23@mail.ru

Лашина Алена Игоревна.

Магистр.

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство).

E-mail: lashina.aloyna@yandex.ru

Garanina Zhana Grigorevna.

Candidate of Psychology, associate professor. National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev.

Associate Professor of the Psychology Department.

E-mail: garanina23@mail.ru

Lashina Alena Igorevna.

Master.

Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art).

E-mail: lashina.aloyna@yandex.ru

УДК 159.922

ПРОФИЛАКТИКА И УПРАВЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫМИ КОНФЛИКТАМИ

© 2021 *Е.В. Новикова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрена психологическая природа конфликта, его ключевые структурные элементы. Проанализированы основные модели поведения личности в конфликтном взаимодействии. Описаны техники и приемы профилактики межличностных конфликтов. Представлен пятишаговый алгоритм решения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: конфликт, межличностный конфликт, конфликтогены, стороны конфликта, предмет конфликта, образ конфликтной ситуации, мотивы конфликта, позиции конфликтующих сторон.

Введение. Конфликты являются неотъемлемой составляющей любых, даже самых гармоничных, межличностных отношений. Они неизбежны в жизни человека. Это определенный маркер того, что следует остановиться и услышать другого человека, его потребности и интересы. Конструктивное поведение в конфликтном взаимодействии выступает ресурсом для личностного роста, а конструктивное решение конфликта – ресурсом гармонизации межличностных отношений.

Целью статьи является анализ психологической природы конфликта, тактик и приемов профилактики и управления конфликтами. Статья имеет научно-практическую направленность, в ней представлены практические рекомендации по конструктивному поведению личности в конфликтных ситуациях.

Основная часть.

В философии под конфликтом часто понимают предельный случай обострения противоречий.

Психологи определяют конфликт как трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями. Так А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов под конфликтом понимают наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями [1, 7].

Рассматривая психологическую сущность конфликта, С.М. Емельянов определяет конфликт как такие отношения между субъектами межличностного взаимодействия, которые характеризуются их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок и пр.) [8].

Основными **структурными элементами конфликта** выступают:

Конфликтогены – это слова или действия (или отсутствие таковых), которые могут привести к конфликту.

Стороны конфликта – участники взаимодействия, находящиеся в состоянии конфликта.

Предмет конфликта – это то, из-за чего возникает конфликт.

Образ конфликтной ситуации – это отображение предмета конфликта в сознании его участников.

Мотивы конфликта – внутренние побудительные силы, подталкивающие участников взаимодействия к конфликту (мотивы могут выступать в форме потребностей, интересов, идеалов, убеждений, мировоззрения...).

Позиции конфликтующих сторон – это то, о чем они заявляют друг другу в ходе конфликта [8].

Наличие данных составляющих приводит к возникновению конфликта. Если хотя бы одного из них нет, то и конфликта не будет.

Межличностные конфликты всегда связаны со столкновением противоположно направленных векторов двух личностей [4, 10].

Отечественные психологи (С.М. Емельянов, Н.В. Гришина, А.Я. Анцупов, А.С. Кармина и др.) выделяют три основные стратегии поведения личности в межличностном конфликте: конструктивная, деструктивная, конформистская.

Рассмотрим две основные модели поведения личности в конфликте: деструктивная и конструктивная модель поведения.

Личность, использующая деструктивную модель поведения, стремится решить конфликт, как правило, с учетом только своих интересов; не нацелена на поиск приемлемого решения для двух сторон; не показывает своего уважения к личности другого человека; не учитывает его потребности, мотивы, интересы, желания, стремления и т.д.; она демонстрирует (часто неосознанно) постоянное принижение и негативное оценивание личности собеседника, транслирует подозрительность и недоверие ему; такая личность не отличается выдержкой и самообладанием; она нарушает этику общения, ее тон не показывает доброжелательного отношения к человеку [7, 8].

Деструктивная модель поведения в конфликте включает в себя конфликтогены – слова или действия, которые приводят к конфликтам. Рассмотрим основные конфликтогены:

Приказы и команды: «Замолчи!», «Убери!», «Вынеси!», «Быстро спать/делать уроки...!» и т.д. В этих категоричных фразах человек слышит нежелание другого вникнуть в его проблему, чувствует неуважение к его желаниям и потребностям, в частности к проявлению самостоятельности (когда речь идет о ребенке). Такие слова вызывают чувство ненужности, своего бессилия, брошенности в сложной ситуации. И в ответ включается сопротивление, упрямство, бунт, у детей – капризы.

Предупреждения, предостережения, угрозы: «Если ты не прекратишь ..., я уйду», «Не придешь вовремя, пеняй на себя» и т.д. Важно понимать, что если человек ведет себя «плохо», то это своеобразный крик о помощи – «SOS»! Своим поведением человек показывает, что ему плохо, больно, обидно, сложно, у него неприятные переживания. И все угрозы загоняют его в еще больший тупик. Он не чувствует себя нужным, значимым, любимым. Рушится базовая потребность личности – потребность в безопасности. Угрозы и предупреждения плохи еще и тем, что при частом повторении человек к ним привыкает и перестает на них реагировать.

Мораль и нравоучения: «Каждый человек должен трудиться!», «Ты должен уважать ...!» и т.д. Как правило, человек из таких фраз не узнает ничего нового. Ничего не меняется от того, что он слышит это в «сто первый раз». Он чувствует давление внешнего авторитета, может ощущать вину, иногда скуку, часто все вместе.

Советы, готовые решения: «А ты возьми и скажи...», «Я считаю, что нужно ...», «Я бы на твоём месте ...» и т.д. Во-первых, часто люди не склонны прислушиваться к советам. Им важно проявлять самостоятельность, самим принимать решения. А во-вторых, они чувствуют, что их не понимают и не чувствуют их боль, обиду. Каждый

раз, советуя что-нибудь другому, ему как бы сообщается, что он еще неопытен, а кто-то умнее его. Позиция «сверху» очень раздражает, а главное, не оставляет желания рассказать больше о своей проблеме. И, как следствие, получаем ответ: «Без тебя знаю/разберусь!», «Тебе легко говорить!», «Ты так думаешь, а я по-другому!».

Доказательства, нотации, логические доводы, «лекции»: «Пора бы знать, что ...!», «Ты часто отвлекаешься, поэтому и делаешь ошибки», «Сколько раз тебе говорила...». Здесь оппонент отвечает: «Отстань!», «Хватит!» и т.д. В лучшем случае он перестает слышать говорящего. Возникает то, что психологи называют «смысловым барьером» или «психологической глухотой».

Критика, выговоры, обвинения: «Опять все сделал не так!», «Вечно ты...» и т.д. Никакого конструктива подобные фразы дать не могут. Они вызывают либо активную защиту (ответное нападение, отрицание, озлобление), либо подавленность, уныние, разочарование в себе и в своих отношениях.

Обзывание и высмеивание: «Какой же ты ...». Как правило, в таких случаях человек либо защищается и агрессивует: «Сама такая!», либо смиряется и подчиняется: «Ну и пусть...!», «Ну и буду таким!».

Догадки, интерпретации: «Я знаю. Это все из-за того, что ты...», «Наверно опять...», «Я вижу, что ты меня обманываешь!», «Я вижу тебя насквозь!». Подобные фразы очень раздражают, а некоторые люди могут приходить в ярость. Никто (ни взрослые, ни дети) не любит, когда его «вычисляют». За этим может последовать лишь защитная реакция, желание уйти от контакта.

Выспрашивание, «расследование»: «Что же все-таки случилось?», «Ну почему ты молчишь?», «Почему опять ...?»

Уговоры, увещания, сочувствие на словах. Во фразах типа: «Успокойся», «Не переживай», «Не обращай внимания» человек может услышать пренебрежение к своим проблемам, отрицание или преуменьшение его переживаний. Слова же «Я тебя понимаю», «Я тебе сочувствую» порой могут звучать слишком формально для человека [5, 6].

Личность, использующая конструктивную модель поведения, стремится уладить конфликт с учетом интересов обеих сторон; нацелена на поиск приемлемого решения; отличается выдержкой и самообладанием, доброжелательным отношением к собеседнику; придерживается этики общения; открыта и искренна в общении; лаконична и немногословна; демонстрирует уважение к личности другого; учитывает потребности, мотивы, интересы, желания, стремления собеседника.

Профилактика и управление конфликтом – это всегда сознательная деятельность, осуществляемая на всех этапах его возникновения.

Профилактика конфликтов – это их предупреждение. Цель профилактики конфликтов – создание таких условий деятельности и взаимодействия людей, которые приводят к конструктивному развитию противоречий между ними.

С целью профилактики конфликтов эффективно работают позитивные методы. Их можно условно разделить на четыре группы:

Первая группа. Рекомендации самого общего характера, относящиеся не только к конфликтному взаимодействию, но и к любому виду общения людей. К их числу относятся такие правила, как постоянное внимание к собеседнику, способность терпеливо выслушивать его, доброжелательное, дружелюбное, уважительное отношение к нему, постоянное поддержание обратной связи с собеседником, соответствующее реагирование на его поведение, некоторое замедление темпа, ритма беседы в том случае, если обнаруживается, что собеседник излишне взволнован,

стремление сопереживать партнеру, испытывать те же самые чувства, которые характерны для человека, находящегося рядом с вами, т.е. проявлять способность к сочувствию, эмпатию.

Вторая группа. Блок методов, которые используются в начальной, преимущественно еще дословесной фазе бесед, переговоров, проводимых в целях разрешения конфликтной ситуации. На этой фазе важно дать возможность более полно выговориться собеседнику, не пытайтесь его перебивать, дать ему возможность, как говорят, «выпустить пар», показать мимикой, жестами, что вы понимаете состояние партнера, уменьшить обычно разделяющую вас социальную дистанцию, даже коснуться его плеча, улыбнуться.

Третья группа. Основные рекомендации на второй, основной фазе беседы или переговоров можно свести к следующему: нужно хотя бы на короткое время отвлечь или переключить внимание собеседника с предмета конфликта, дать ему небольшую передышку от эмоционального напряжения, предложив хотя бы выпить чашку кофе или просто сказать ему что-либо приятное: предложить присесть, но желательно не напротив друг друга, поскольку такая позиция, как считают психологи, не уменьшает, а усиливает конфронтацию, а рядом, на расстоянии до полуметра, под углом друг к другу. Только после этих предварительных поведенческих акций следует приступить к обсуждению проблемы, вызвавшей конфликт. При этом полезно в случае необходимости признать и свою вину за возникновение противоборства. Необходимо признать и правоту собеседника в тех пунктах, где он оказался прав. Важно в процессе обсуждения подчеркивать общность, а не только различия в интересах сторон. Не менее важно обратить внимание на лучшие качества собеседника, которые есть в партнере и которые помогут ему справиться со своим волнением и найти оптимальный выход из сложившейся ситуации. Лучше всего решить приведший к разногласиям вопрос сразу же или попытаться решить его в кратчайшие сроки, ибо промедление, как правило, только усугубляет ситуацию.

Четвертая группа. Рекомендации универсального характера, образующие блок специальных, оперативных приемов, могут быть использованы в сложных конфликтных ситуациях. Они предполагают учет слабых, уязвимых мест в позиции собеседника, а также некоторых болевых точек его как личности. Так, в некоторых случаях следует показать собеседнику, что он излишне резок, приняв с этой целью подчеркнуто вежливый тон. Иногда бывает необходимо проявить к партнеру доминантную позицию. Можно сказать собеседнику о тех негативных последствиях конфликтной ситуации, которые могут последовать для него лично. Иногда следует показать, что удовлетворение его требований может привести к негативным последствиям для людей, мнением которых он дорожит.

Конечно, все указанные тактики и приемы могут уточняться, совершенствоваться при их применении для регулирования конкретных конфликтных ситуаций, каждая из которых неповторима [2, 3, 9].

Рассмотрим конкретные тактики и приемы профилактики конфликтов:

Безусловное принятие другого человека. Суть данного правила заключается в том, чтобы принимать другого не за то, что он умный, красивый, сделал так, как удобно, а просто так, просто за то, что он есть. Потребность в любви, принадлежности, т.е. нужности кому-то является одной из основных человеческих потребностей. Ее удовлетворение является необходимым условием нормального развития личности. Эта потребность удовлетворяется, когда человеку говорят, что он дорог, нужен, важен, что он просто хороший. Такие сообщения содержатся в приветливых взглядах, ласковых и

нежных прикосновениях и просто в прямых словах: «Я рада тебя видеть», «Я люблю тебя», «Мне нравится, когда мы вместе...» и т.д. Знаки безусловной любви и принятия питают человека эмоционально, помогают психологически расти и развиваться. Если же человек не получает таких знаков, то появляются эмоциональные проблемы, отклонения в поведении, а то и нервно-психические заболевания. Чем больше человека критикуют, ругают, не принимают, тем хуже он становится. Чем чаще раздражаются, критикуют, одергивают, тем быстрее человек приходит к обобщению «Меня не любят», «Я плохой», «Я в этих отношениях не нужен» и т.д.

Учет базовых потребностей собеседника. Американский психолог, основатель гуманистической психологии А. Маслоу выделил базовые потребности человека: физиологические потребности, потребность в безопасности, принадлежности и любви, в уважении, познавательные потребности, эстетические потребности, потребность в самоактуализации. Удовлетворение этих потребностей идет в виде пирамиды: снизу вверх. Перескочить уровни потребностей невозможно. Движение вверх возможно только при условии, что ниже расположенная потребность удовлетворена. Понимание и удовлетворение основных потребностей личности позволяет выстраивать доброжелательные, позитивные, уважительные отношения.

Признание права другого на ошибки (даже если этому другому 1 год). Важно не вмешиваться в дело, которым занят другой человек, если он не просит помощи. Своим невмешательством мы сообщаем: «С тобой все в порядке! Ты справишься!». Важно убрать критику и принимать другого с его ошибками, не идеальным выполнением чего бы то ни было. Любые замечания необходимо делать с особой осторожностью. Во-первых, не стоит указывать на каждую ошибку. Во-вторых, ошибку лучше обсудить в спокойной обстановке, отложив на потом, а не в тот момент, когда человек увлечен делом, погружен в выполнение задания и т.п. В-третьих, замечания всегда надо делать на фоне общего одобрения и на фоне любви. Важно помнить, что человек учиться только на своих ошибках.

Создание у собеседника внутренней мотивации. Собеседника важно мотивировать к занятию какой-либо деятельностью. Человек успешно и увлеченно занимается тем, что он выбрал сам, по внутреннему убеждению. Если же он знает, что получит за это «плату», вознаграждение или «наказание», то его энтузиазм снижается, а вся деятельность меняет характер: теперь он занят не «личным творчеством», а «зарабатыванием» удовольствий, денег или, напротив, избеганием негативных последствий.

Дружественно-разъяснительный тон. Когда используется дружественный тон и человеку дают понять, что входят в его положение, то отношения гармонизируются.

Сотрудничество в выполнении каких-либо дел. Совместная деятельность улучшает межличностные отношения. Чаще проводите время вместе, в совместной деятельности (организовывайте совместные праздники, прогулки, походы, экскурсии и пр.). Например, в семье нужно иметь запас больших и маленьких праздников. Можно придумать несколько семейных дел, традиций, которые будут создавать в семье «зону радости». «Зона радости» одновременно и зона ближайшего развития личности, и основа доброжелательного общения, и залог бесконфликтного взаимодействия.

Постоянная поддержка положительной самооценки собеседника, его самоценности и успехов. Используйте больше слов-одобрений за конкретные позитивные действия. Например, «Спасибо, что ты помыл(а) посуду», «Хорошо, что ты пришел(а), когда обещал(а)». Подкрепляйте «хорошее» поведение, показывая свои чувства: «Я очень рад(а), что у тебя получилось...!». Хвалите собеседника за

конкретные поступки («Я рад(а), что ты так сделал!»). Хвалите, показывая, что сегодня он лучше, чем вчера («У тебя сегодня получилось лучше..., чем вчера!») и т.д. Используйте в повседневном общении приветливые фразы. Например: «Мне нравится убирать с тобой вместе», «Вместе с тобой интересно готовить», «Мне хорошо с тобой!», «Я рад(а) тебя видеть!», «Хорошо, что ты пришел!», «Мне нравится, как ты...», «Я по тебе соскучилась», «Давай (посидим, поделаем...) вместе!», «Как хорошо, что ты у нас есть!», «Ты мой хороший/моя хорошая!».

Искренность чувств. Искренне делитесь своими чувствами. Озвучивайте свои положительные чувства по отношению к другому. Как правило, часто люди думают, что другой и так знает, что его любят. Поэтому думают, что положительные чувства ему высказывать не обязательно. Это совсем не так. Любому человеку важно слышать: «Как же я тебя люблю!», «Как я рад(а), что ты у меня есть!» и т.д.

Позиция «общение на равных». Вместе выполнять какую-либо деятельность – значит на равных. Не следует занимать позицию НАД другим человеком. Люди очень чувствительны к такой позиции, и вся их сущность протестует против этого. Они сразу начинают сопротивляться.

Адекватные пожелания, требования. Не требуйте от собеседника невозможного или трудно выполнимого для него. Важно соизмерять собственные ожидания с возможностями другого. Бесполезно требовать от другого невозможного или очень трудного, к чему он еще не готов. Эффективней изменить что-то вне его, т.е. свои ожидания.

Учет условий общения. Измените условия, и проблема может исчезнуть сама собой. Например, ребенок хочет рисовать на обоях, можно прикрепить на них ватман и дать малышу возможность рисовать.

Утвердительные предложения. Вопросительные предложения лучше заменить на утвердительные по типу: «Я чувствую, что ты злишься». Если Вы беседуете с расстроенным или огорченным человеком, не следует задавать ему вопросы. Желательно, чтобы ваши ответы звучали в утвердительной форме. Например, сын пришел с тренировки и говорит: «Не буду больше общаться с этим тренером!». Родителю важно сказать: «Ты на него обиделся!». Неправильные реплики родителей в этой ситуации: «А что случилось?», «Ты что, на него обиделся?». Первая фраза родителя более удачна, т.к. она сразу показывает, что родитель настроился на «эмоциональную волну» ребенка, что он слышит и принимает огорчение ребенка. Во втором же случае, фразы воспринимаются как допрос родителей. Ребенок чувствует, что родитель вовсе не с ним. На самом деле, это, как правило, совсем не так. И родитель, задавая вопрос, может сочувствовать ребенку. Однако дело в том, что фраза, оформленная как вопрос, не отражает сочувствия. Казалось бы, разница между утвердительными и вопросительными предложениями очень незначительная, иногда это всего лишь тонкая интонация, а реакция на них бывает очень разная. Часто на вопрос: «Что случилось?» огорченный ребенок отвечает: «Ничего!», а если вы скажете: «Что-то случилось...», то ребенку бывает легче начать рассказывать о случившемся.

Пассивное слушание. Здесь употребляются короткие фразы и слова, междометия, просто мимические знаки, говорящие о том, что вы слушаете и отзываетесь на чувства: «Ага!», «Неужели?», «Расскажи еще...», «Интересно», «Ты так и сказал!», «Вот-вот...», «И что же?», «Замечательно!», «Ну надо же!» и т.п. Также важно кивать головой и поддакивать «Да-да...».

Активное слушание. Отражайте чувства и переживания другого. В случаях, когда человек расстроен, обижен, потерпел неудачу, когда ему больно (физически и

психологически), стыдно, страшно, когда он устал, когда с ним обошлись несправедливо или грубо, первое, что нужно сделать – это дать ему понять, что вы видите (чувствуете, знаете) его переживания (или состояние). Важно показать, что вы «слышите» его. Для этого лучше всего сказать, что именно, по вашему мнению, чувствует сейчас другой. Желательно назвать (озвучить) его чувства или переживания. Например, «Я вижу, ты расстроен(а)/обижен(а) и т.д.». «Да, это больно...Я понимаю...» и т.д.

Использование «Я-сообщения». Если человек вызывает своим поведением сильные отрицательные переживания у вас, важно сообщить ему об этом. Чувства, особенно если они отрицательные нельзя держать в себе: не следует молча переносить обиду, подавлять гнев, пытаться сохранять спокойствие при сильном волнении. Обмануть такими усилиями никого не возможно: ни себя, ни своего собеседника, который «читает» по позе, жестам, интонации, выражению лица и глаз, что что-то не так. Ведь именно через эти «несловесные» сигналы передается более 80-90% информации о нашем внутреннем состоянии. И контролировать их очень трудно. Через некоторое время подавленное чувство, как правило, «прорывается» и выливается в резкие слова или действия. О своих чувствах важно говорить. Важно это делать грамотно: когда мы говорим о своих чувствах, важно говорить о СЕБЕ, о СВОЕМ переживании, а не о другом и его поведении. Например, «Меня очень утомляет громкая музыка», «Я не люблю, когда дети ходят грязными», «Мне трудно собираться на работу, когда под ногами кто-то ползает», «Я люблю, когда у нас дома чистота и порядок. Для меня это важно». Эти предложения содержат личные местоимения: «я», «мне», «меня». Поэтому высказывания подобного рода психологи называют «Я-сообщением». Эти сообщения можно назвать безличными. Они просто констатируют ситуацию. Например, «Мне не нравится, когда за стол садятся с грязными руками», «Меня раздражает, когда дети хнычут», «Я начинаю сердиться, когда приходится повторять одно и то же», «Мне трудно разговаривать по телефону, когда меня прерывают». Когда используют «Ты-сообщение» («Ты не мог бы играть потише?!», «Ты мне мешаешь, когда ползаешь под ногами», «Когда ты уберешь у себя в комнате!?»), то в ответ на них другой защищается, обижается, дерзит. Поэтому их желательно избегать. Ведь каждое «Ты-сообщение», по сути, содержит выпад, обвинение или критику другого.

«Я-сообщение» имеет ряд преимуществ по сравнению с «Ты-сообщением». Оно позволяет выражать свои негативные чувства в необидной для другого форме. «Я-сообщение» дает возможность другому ближе узнать нас, наши чувства, переживания, отношение к жизни, определенным явлениям. Оно учит быть честным перед самим собой и другими. Когда мы открыты и искренни в выражении своих чувств, другие становятся искреннее в выражении своих. Люди начинают чувствовать: мне доверяют, и тоже начинают доверять. Высказывая свое чувство без упрека, приказа или выговора, мы оставляем за другим возможность самому принять решение. И именно тогда он начинает учитывать наши желания и переживания.

«Держать паузу». После каждой реплики лучше помолчать. Пауза позволяет человеку лучше разобраться в своих переживаниях и одновременно полнее почувствовать, что другой рядом. Помолчать хорошо и после ответа человека, возможно он что-то добавит. Узнать о том, что человек еще не готов услышать реплику другого можно по его внешнему виду. Если его глаза смотрят не на собеседника, а в сторону, «внутри» или вдаль, то продолжайте молчать: в человеке происходит сейчас очень важная и нужная внутренняя работа.

Улыбка. Улыбайтесь чаще своим собеседникам. Улыбку называют «поцелуем души».

Контакт глаз. Чаще смотрите с теплотой и заботой в глаза. Важно, чтобы глаза находились на одном уровне. Помните: «Глаза – зеркало души».

Объятия. Обнимайте собеседника (если ваши с ним отношения очень близкие; если это ваш очень близкий друг, муж, ребенок и если другой человек не против). Известный американский психолог и психотерапевт В. Сатир подчеркивает, что для человека жизненно необходимо минимум 4 объятия в день, а чтобы чувствовать себя счастливым – 12.

Юмор. Добрый юмор является универсальным средством снятия излишнего нервно-психического напряжения в конфликтных ситуациях.

Терпеливость и философский настрой в принятии интересов и увлечений другого. Важно оставаться носителем и проводником базовых ценностей: честность, трудолюбие, благородство, уважение к личности другого человека и т.д. [5, 6]

Если же конфликт уже возник, то важно использовать конструктивную модель поведения в конфликтном взаимодействии – алгоритм из 5-ти шагов: прояснение конфликтной ситуации, сбор предложений, оценка предложений и выбор наиболее приемлемого, детализация решения, выполнение решения и проверка.

Шаг 1. Прояснение конфликтной ситуации. Сначала личность выслушивает собеседника и уточняет, в чем именно состоит проблема: что он хочет или не хочет, что ему нужно и важно, какие у него затруднения и т.д. Это делают в стиле активного слушания (обязательно озвучивают желания, потребности или затруднения другого). Выслушав собеседника, личность говорит о своем желании или проблеме, используя форму «Я-сообщения» (например, «Мне тяжело и обидно вести хозяйство одной»).

Шаг 2. Сбор предложений. Этот этап начинается с вопроса: «Как нам быть?» или «Что нам придумать?», или «Как нам поступить?». После этого обязательно надо подождать, дать возможность собеседнику первому предложить решение (или решения), и только потом предлагать свои варианты. При этом ни одно, даже самое неподходящее предложение, не отвергается с места. Сначала предложения просто набираются «в корзину». Если предложений много, их можно записать на листе бумаги.

Шаг 3. Оценка предложений и выбор наиболее приемлемого. На этом этапе происходит совместное обсуждение предложений. «Стороны» к этому времени уже знают интересы друг друга, а предыдущие шаги помогают создать атмосферу взаимного уважения. Если в выборе лучшего решения участвует несколько человек, то лучшим считается то, которое принимается единодушно.

Шаг 4. Детализация принятого решения. Если выполнение принятого решения сложный процесс, то его можно разбить на этапы выполнения. План действий можно записать на листочке и повесить на стену. Можно сделать иллюстрированную схему действий.

Шаг 5. Выполнение решения, проверка. На этом этапе проверяется: возможно, что-то не учли, или кому-то нужна помощь, или необходимо пересмотреть решение [5, 6].

Эффективным инструментом управления конфликтом является конфликтограмма [3].

Таблица 1

Конфликтограмма

Проблемные вопросы	Мои	Оппонента
Проблема		

Цели		
Препятствия		
Опасения		
Сильные стороны		
Возможность поддержки		
Недостающая информация		
Какую личную потребность удовлетворяю		
Эмоции		
Общее у оппонентов		

Заложенная в таблице 1 схема позволяет провести развернутый и в тоже время компактный анализ конфликта, определить проблему, препятствия, опасения, сильные стороны, возможности, потребности не только свои, но и партнера. Особым, достоинством является содержащаяся в ней возможность посмотреть на конфликт глазами оппонента, лучше узнать другую сторону конфликтного взаимодействия.

Х. Корнелиус и Ш. Фэйр рекомендуют участникам конфликта задать себе следующие основные вопросы:

- Хочу ли я разрешить этот конфликт? (Будь готов решить проблему)
- Вижу ли я всю картину или только свой уголок? (Смотрите шире)
- Каковы нужды и опасения других? (Опиши их объективно)
- Каким может быть справедливое решение? (Поговорите об этом)
- Варианты решения (Придумайте их как можно больше. Отберите те, которые наиболее соответствуют нуждам участников)
- Можем ли мы решить это вместе? (Ведите дело на равных)
- Что я чувствую? (Я чересчур эмоционален? Могу ли я: посмотреть на факты; дать остыть эмоциям; поделиться своими чувствами)
- Что я хочу изменить? (Будь честен. Нападай не на личность, а на проблему)
- Какие новые возможности открываются передо мной? (Смотри на плюсы, а не на минусы)
- Как бы я чувствовал себя в его (ее) шкуре? (Дай знать, что ты понимаешь его (ее))
- Как мы оба можем выиграть? (Ищите решение, учитывающие нужды всех участников) [8].

Заключение. Важно помнить, что конфликты неизбежны даже при самых хороших отношениях. Важно их не избегать, а уметь правильно разрешать. Тогда они становятся ресурсом на пути гармонизации межличностных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцупов А.Я. Профилактика конфликтов в школьном коллективе. / А.Я. Анцупов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2013. – 208 с.
2. Ворожейкин И.Е. Конфликтология: Учебник. / И.Е. Ворожейкин, А.Я. Кибанов, Д.К. Захаров. – М. : ИНФРА-М, 2014. – 240 с.
3. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. / А.В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2014. – 320 с.
4. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. Учебное пособие. / М.Р. Битянова. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2018. – 576 с.
5. Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? / Ю.Б. Гиппенрейтер. – Москва, АСТ, Астрель, Харвест, 2020. – 204 с.
6. Гиппенрейтер Ю.Б. Чувства и конфликты / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М. : АСТ, 2018. – 48 с.
7. Гришина Н. В. Психология конфликта. / Н.В. Гришина. – СПб. : Издательство «Питер», 2016. – 464 с.
8. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. / С.М. Емельянов. – СПб. : Издательство «Питер», 2009. – 384 с.

9. Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики управления и гуманитарно-социальным специальностям / под ред. В.П. Ратникова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 543 с.

10. Межличностное общение: Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб. : Питер, 2003. – 544с.

Поступила в редакцию 10.01.2022г.

INTERPERSONAL CONFLICTS PREVENTION AND MANAGEMENT

E.V. Novikova

The psychological nature of the conflict, its key structural elements are discussed in the article. The main models of the individual's behaviour in conflict interaction are analyzed. Techniques for preventing interpersonal conflicts are described. A five step algorithm for solving conflict situations is presented.

Key words: conflict, interpersonal conflict, conflictogens, conflict participants, subject of conflict, image of conflict situation, motives of conflict, positions of conflicting parties.

Новикова Елена Владимировна.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

e-mail:novikova80@mail.ru

Novikova Elena Vladimirovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of Psychology.

e-mail:novikova80@mail.ru

УДК 159.92

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

© 2022 С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению структуры социальной идентичности студентов. Раскрыта сущность феномена идентичности в современной психологии, рассмотрены подходы к изучению социальной идентичности и ее структуры. Представлены результаты эмпирического исследования структуры социальной идентичности студентов.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, структура социальной идентичности.

Введение. Проблема идентичности в психологической науке поднималась еще в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия, однако сохраняет актуальность и в наши дни. Идентичностью называют целостность личности, тождественность и непрерывность Я человека, сохраняющуюся, несмотря на все изменения, привносимые развитием и формированием. Идентичность – свойство психики человека, содержательно выражающее его представление о своей принадлежности к общности или группе. Чувство идентичности дает возможность личности понять, кем она является, обеспечивает проявления ее многогранности в ходе взаимодействия с окружающими в различных ситуациях жизни. Данное свойство не является врожденным, развивается в процессе жизни, постепенно, с формированием сознания и приобретением опыта взаимодействия с другими людьми. В ходе жизни человек становится членом различных социальных групп, реализует себя в тех или иных социальных ролях. Серьезные социальные изменения, развитие системы коммуникаций, усиливающаяся повсеместная цифровизация общества приводят к причастности людей к все большему числу реальных и виртуальных групп и сообществ. Особую актуальность и остроту формирование идентичности приобретает в юношеском возрасте. Становление идентичности требует от личности переосмысления своих связей с окружающими, своего места среди других людей, реструктуризации отношений с родителями. В целом, социальное и личностное самоопределение предполагает не столько автономию от взрослых, сколько четкую ориентацию и определение лицами юношеского возраста своего места в мире взрослых. Именно формирование идентичности, в противовес ролевой неопределенности и смешению ролей, становится центральной задачей данного возраста. Человек, сформировавший идентичность, оказывается самотождественным, он остается самим собой независимо от ситуации действия, но одновременно он и сохраняет свою адекватность ситуации, не теряя при этом своего лица. Сказанное позволяет нам обозначить целью данного исследования изучение структуры социальной идентичности студентов.

Основная часть. Изучение феномена идентичности, в первую очередь, связывается с именем Э. Эриксона. Именно он обозначил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности. Это – одна из важнейших характеристик самостоятельности, целостности и зрелости личности. Идентичность рассматривается как чувство собственной истинности, полноценности, самотождественности, постоянства, сопричастности миру и другим людям. Она предполагает способность индивида к ассимиляции социального и личностного опыта,

к поддержанию своей субъектности и цельности в постоянно изменяющемся внешнем мире. Идентичность автор позиционирует как ядро в структуре Я, как процесс организации опыта жизни в индивидуальном Я. Таким образом, идентичность реализует организующую функцию в развитии личности. Говоря об идентичности, Э. Эриксон обозначил три основных направления ее изучения: 1) индивидуальное (идентичность понимается как итог осознания личностью своей временной протяженности); 2) личностное (при анализе идентичности подчеркивается уникальность и неповторимость себя, своего опыта жизни, что обеспечивает тождественность личности самой себе); 3) социальное (идентичность рассматривается как личностный конструкт, отражающий принятие и разделение человеком тех или иных групповых норм, ценностей и стандартов) [3, 6].

Проблема, заявленная Э. Эриксоном, нашла свое отражение в зарубежной и отечественной психологии. Исследованиями в данном русле в разное время занимались Г. Тэшфел, Дж. Мид, Ч. Кули, Дж. Марсиа, И. Гоффман, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Дж. Келли, М. Шериф, Д. Кэмпбелл, Ш. Струкер, Э. Уотерман, Г.М. Андреева, Н.Л. Иванова, П.В. Румянцева, А.В. Микляева, М.В. Заковоротная, Т.Г. Стефаненко, И.Ю. Устинов и др.

Серьезный вклад в изучение проблемы идентичности внес Г. Тэшфел. Автор описывает социальную идентичность как часть индивидуальной Я-концепции, которая происходит от знаний человека о собственной принадлежности к социальной группе вместе с эмоциональными и ценностными проявлениями этого членства. По мнению Г. Тэшфела, личностная и социальная идентичности представляют собой два полюса одного биполярного континуума, на одном из которых – поведение, полностью детерминированное личностной идентичностью, на втором – поведение, полностью детерминированное социальной идентичностью. При этом личностная и социальная идентичность не противопоставляются друг другу, а, скорее, анализируются исследователем как две стороны одной медали, ни одна из которых не может функционировать без другой.

Сходным образом рассматривают социальную идентичность П.В. Румянцева и А.В. Микляева. Данный феномен, по их мнению, формируется в результате осознания личностью своей принадлежности к разнообразным социальным группам. Дж. Марсиа связывал развитие идентичности с решением жизненных проблем, благодаря которому усиливается, наполняется содержанием эго человека. Чем больше принято человеком решений относительно тех или иных жизненных проблем, тем более сформированной оказывается его структура идентичности, тем более осмысленной и целенаправленной становится его жизнь. К «единицам» идентичности автор относит ценности, убеждения и цели.

Немалое внимание было уделено и уровням развития идентичности («статусам идентичности», по Дж. Марсиа). С точки зрения М.В. Заковоротной, идентичность формируется в результате выбора между заимствованным, скопированным Я и Я, создаваемым в результате собственных усилий и выборов. Э. Уотерман также подчеркивает волевой аспект идентичности. По мнению автора, идентичность предполагает четкое самоопределение человека, включает выбор ценностей, убеждений и целей. Они являются итогом выбора человека из числа возможных альтернатив во время кризиса идентичности и рассматриваются Э. Уотерманом как элементы идентичности. Ч. Кули позиционирует идентичность как часть Я-концепции, обеспечивающую осознание личностью своей принадлежности к группе и складывающуюся из обобщения всевозможных реакций на мнение об этой личности

других людей. Таким образом, феномен идентичности предстает своего рода отражением обобщенных интеракций, реализуемых в ходе непосредственного общения.

Ш. Струкер также акцентирует социальный аспект феномена идентичности. По его мнению, идентичность выступает как интериоризированная роль, определяемая социальными позициями человека; она возникает под влиянием общества и обеспечивает организацию поведения личности в социуме. В понимании Дж. Мида идентичность выступает как способность личности рассматривать свою жизнь и поведение как единое целое. Ведущая роль при этом отводится когнитивным процессам, в частности, рефлексии, позволяющей человеку воспринимать себя с точки зрения другого. Исследователь говорит о существовании фактически двух типов идентичности: социально заданной идентичности и идентичности, отражающей индивидуальное в человеке. Он дифференцирует осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Неосознаваемая идентичность формируется на базе неосознанно принятых норм, привычек. Осознаваемая идентичность возникает как продукт размышлений человека о себе, о своем поведении. Таким образом, вектор развития идентичности направлен от неосознаваемой идентичности к осознаваемой. Осознаваемая идентичность предполагает наличие способности к рефлексии. С одной стороны, социум определяет идентичность индивида, задавая нормы и законы ее существования; с другой стороны, и сам человек формирует собственное окружение в контексте выбора целей, ценностей, потребностей. Взгляды Дж. Мида относительно наличия типов идентичности, а именно социально заданной идентичности и отражающей индивидуальное в человеке, нашли отражение в работах И. Гоффмана. В качестве одной из трех разновидностей идентичности автор выделяет социальную, предполагающую типизацию личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой она принадлежит. Г. Брейкуэлл также подчеркивает социальное происхождение идентичности. Личностная идентичность, по мнению автора, является вторичной по отношению к социальной. Именно во взаимодействии с социальным миром личность активно усваивает понятия, с помощью которых познает себя. Интериоризированные ею категории социальной идентичности и социальных ролей обеспечивают формирование структуры личностной идентичности, оценку элементов содержательной структуры. Таким образом, личностная идентичность является итогом, продуктом социальной идентичности, но, будучи сформированной, начинает активно влиять на последнюю. Анализируя феномен идентичности, Ю. Хабермас отмечает, что Я-идентичность выступает как сплав личностной и социальной идентичностей. При этом личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, социальная – обеспечивает возможность выполнять различные требования тех ролевых систем, к которым принадлежит человек [2, 3, 4].

По мнению Н.Л. Ивановой, социальная идентичность имеет сложную структуру, но вопрос взаимосвязи ее отдельных видов и формирования иерархической системы остается еще недостаточно изученным. Существующие подходы преимущественно базируются на взглядах Э. Эриксона на дифференциацию идентичности на личностную и социальную и, как правило, предполагают выделение профессиональной, этнической и пр. видов социальной идентичности (т. е. основываются на их соответствии реальным группам) [1]. Вместе с тем отдельные попытки выделить структуру социальной идентичности все же предпринимаются. Так, Дж. Тернеру принадлежит иерархическая модель идентичности. Автор использует термин «самокатегоризация», обозначающий когнитивное объединение себя с определенным классом идентичных объектов. В

результате такого группирования возникают элементы идентичности, которые дают возможность личности структурировать свой социальный опыт, а также ориентироваться в социальном окружении. Дж. Тернер предполагал существование трех уровней идентичности: 1) суперординатный высший – определение себя как части широкой, подчиняющей практически все известные группы, общности; 2) промежуточный (средний) – определение себя в терминах групповой принадлежности; 3) субординатный, подчиненный – определение себя в индивидуальных, личностных качествах как уникального индивида. Структуру социальной идентичности также анализировали Г. Тэшфел, Дж. Мид и др. [1].

В отечественной психологии исследования структуры идентичности проводились на примере профессиональной и этнической идентичности. Так, в работах Т.Г. Стефаненко уделено внимание этнической идентичности и обозначены ее когнитивный и аффективный элементы. Когнитивный компонент включает самоидентификацию, понимание оснований этнической идентичности, определяет содержание авто- и гетеростереотипов. Аффективная составляющая предполагает, прежде всего, чувство принадлежности к этнической общности и осознание внутригруппового фаворитизма [1]. Близкой точки зрения придерживаются А.В. Трошин и И.Ю. Устинов. В структуре социальной идентичности авторы выделяют не только когнитивный и аффективный компоненты идентичности, но и центральные и периферические элементы. Когнитивная составляющая связана с групповой самокатегоризацией, что предполагает отнесение субъектом восприятия себя к одной из групп, а также оценкой себя как типичного представителя этой группы. Аффективный компонент содержит ингрупповую идентификацию, предполагающую оценку человеком ингруппы как референтной, и эмоциональное отношение к ингруппе. Ингрупповая идентификация рассматривается авторами как аффективно-оценочная составляющая группового членства, отличающаяся от когнитивной составляющей социальной идентичности – самокатегоризации. Речь идет о том, что самокатегоризация в группе не означает высокой степени ингрупповой идентификации, а идентификация с группой не обеспечивает обязательного признания субъектом восприятия своего подобия другим членам группы. Структуру социальной идентичности, по мнению И.Ю. Устинова и А.В. Трошина, можно рассматривать также с точки зрения обозначения в ней центральных и периферических компонентов. Центральные (или ядерные) элементы социальной идентичности в меньшей степени подвержены изменению, в отличие от периферических. Формирование социальной идентичности связано, прежде всего, с их принятием. Если личность отвергает периферические элементы, это не означает отвержения социальной идентичности в целом. Однако если для человека неприемлемыми оказываются ядерные элементы, появляются основания постулировать несформированность идентичности [5].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что идентичность – это формирующееся в ходе социализации свойство психики человека, заключающееся в концентрированном выражении для него представлений о своей принадлежности к той или иной группе. Социальная идентичность выступает сложноорганизованным и до конца не изученным образованием, включающим как когнитивный, так и аффективный компоненты.

Мы предполагаем, что нынешняя нестабильная обстановка может способствовать поиску новых ролей и выделению новых аспектов своего Я – с одной стороны, и одновременно будет усиливать значимость принадлежности к группе личности – с другой. Это определило предмет данного исследования, которым стала структура социальной идентичности студентов.

Выборку исследования составили 207 студентов 2-3 курсов, осваивающих программу бакалавриата/специалитета по отдельным направлениям ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк. Среди них 55 психологов, 33 специалиста в сфере психологии служебной деятельности, 119 филологов (профиль: Зарубежная филология) и лингвистов (профиль: Перевод и переводоведение). Студентам было предложено написать эссе на тему: «Кто Я?». Полученные данные затем нами обрабатывались с помощью метода контент-анализа. По его результатам основными стали следующие роли: семейные роли, студент, специалист, личность, человек, часть социума, друг, патриот, гражданин; а также ряд характеристик: доброжелательность, целеустремленность, ответственность, темперамент-характер, творчество, любознательность, философские рассуждения, хобби, поиск себя. Также было проведено изучение особенностей социальной идентичности с применением опросника социальной идентичности О.В. Васьковой. Теоретико-методологической основой данной методики явилась теория социальной идентичности Г. Тэшфела и разработанные на ее основе шкалы А. Грациани, М. Рубини, А. Палморани и С. Костарелли, адаптированные и модифицированные О.В. Васьковой. Указанный опросник позволяет диагностировать следующие показатели социальной идентичности: центральность (Ц), ингрупповые чувства (ИЧ), ингрупповые связи (ИС), самопонимание (СМП), времяпрепровождение (ВП), сплоченность (СП), межгрупповая конкуренция (МГК), нисходящее сравнение (НС), коллективная самооценка (КС). Полученные данные затем обрабатывались посредством метода корреляционного анализа Ч. Спирмена.

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования.

Особенности социальной идентичности студентов, выделенные посредством контент-анализа эссе, представлены на Рис.1.

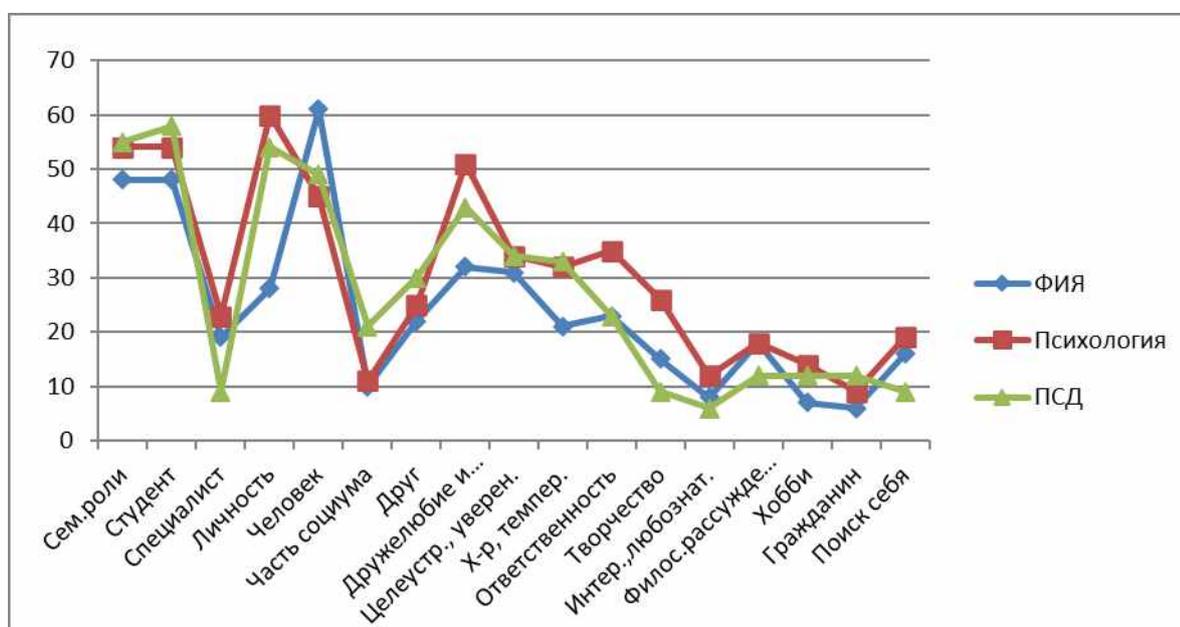

Рис.1. Особенности социальной идентичности студентов

Интересным, в сравнении с результатами прошлых лет (см. [4]), выступило относительное повышение значимости семейных ролей (с 21-23% до 48-55%), роли студента (с 38% до 48-58%), роли личности и человека (с 44-48% до 61%). Более, чем в два раза, возросла важность роли друга, особенно для специалистов в области

психологии служебной деятельности (с 13 до 30%). Можно предположить, что жизнь в условиях неопределенности и нестабильности способствует повышению значимости роли близких людей рядом. Неожиданным стало снижение почти в три раза доли высказываний студентов, относящихся к позиционированию себя как специалиста (с 30-40% до 9%). Возможно, это свидетельствует о склонности критически и ответственно оценивать свои текущие достижения и уровень подготовки, однако также может быть и свидетельством неверия в собственные силы. Тенденция описывать себя как часть социума выражена по-прежнему слабо (лишь у 10-20% обследуемых, в зависимости от направления подготовки), обследуемые в большей мере склонны подчеркивать свою индивидуальность, уникальность и неповторимость. Существенно выросла доля высказываний, касающихся дружелюбия и доброжелательности (с 13-19% до 43-51%), целеустремленности (с 19-23% до 34%) и ответственности (с 5-6% до 23-35%). На наш взгляд, это является естественным следствием адаптации к текущей ситуации нестабильности, длящейся годами. Черты темперамента, характера склонны выделять примерно 1/3 студентов, специализирующихся на психологии служебной деятельности, и также психологи широкого профиля, что стало вполне ожидаемым (по результатам их коллег-филологов это присуще 20% обследуемых). Философские рассуждения по поводу себя и своей сущности представлены в малой степени, причем менее всего им склонны предаваться психологи в сфере служебной деятельности (12%). Это может характеризовать их, в большей мере, как людей действия. Тенденция к поиску себя, пусть и слабо выраженная, нашла отражение практически у всех групп студентов, однако несколько более выражена у психологов широкого профиля.

Обратимся к анализу структуры социальной идентичности студентов разных направлений подготовки (Рис. 2).

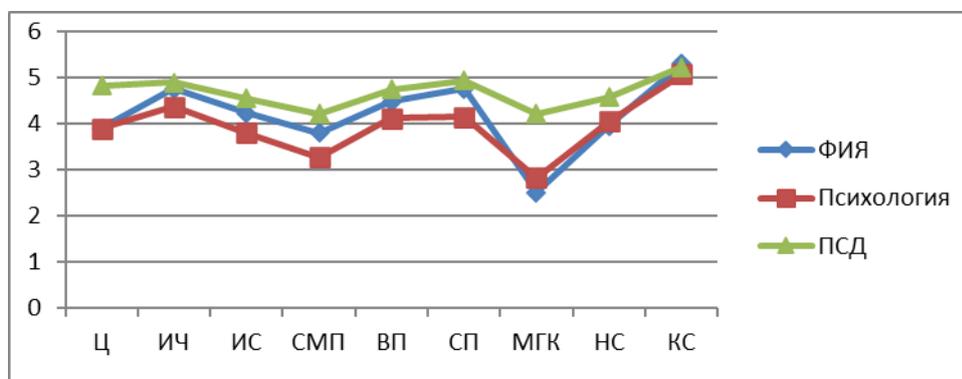

Рис.2. Структура социальной идентичности студентов

Мы видим, что траектории отдельных аспектов социальной идентичности у обследуемых достаточно близки. Можно отметить достаточно высокие показатели коллективной самооценки (показатель КС), что может говорить об удовлетворенности студентов членством в своей группе. Это подтверждают и показатели ингрупповых чувств (показатель ИЧ), позволяющие оценить эмоциональное отношение испытуемых к их положению в группе как позитивное и в целом удовлетворяющее. Также достаточно высоки показатели интенсивности и благоприятности неформальных отношений в группе и оценка восприятия студентами уровня сплоченности группы (показатели ВП и СП). Выявлены относительно невысокие результаты по шкале самопонимания (показатель СМП), что позволяет предположить достаточно умеренное и сдержанное влияние роли членства в данной группе для формирования у

обследуемых картины мира и образа Я. Наименее выражен показатель межгрупповой конкуренции и сравнения (МГК), что может свидетельствовать о некоторой центрированности студентов на себе, слабо выраженной тенденции сравнивать себя с другими и зачастую неприятия во внимание существования других групп/коллективов. Этому соответствуют достаточно высокие показатели центральности (показатель Ц), подчёркивающие значимость членства в данной группе в Я-концепции студентов.

При общем сходстве графиков результатов обследования студентов разных направлений подготовки нельзя не отметить в целом более высокие показатели по шкалам методики у будущих специалистов в области психологии служебной деятельности. Особенно это заметно по показателю межгрупповой конкуренции, который почти в два раза превышает аналогичные данные у психологов широкого профиля, филологов и лингвистов. Обозначенные отличия, на наш взгляд, можно объяснить не столько профессиональной спецификой деятельности (как показал дальнейший анализ результатов), сколько, возможно, большей социальной вовлеченностью и активной жизненной позицией.

Перейдем к наиболее выраженным структурным особенностям социальной идентичности студентов.

Вызывает интерес значимая отрицательная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между тенденцией студентов позиционировать себя как специалиста и практически всеми аспектами социальной идентичности, диагностируемыми с помощью методики О.В. Васьковой. Согласно полученным результатам, чем большую роль для студентов играет членство в группе, включенность в систему межличностного взаимодействия и положительные эмоции в группе, тем менее они склонны подчеркивать свою профессиональную роль. Эти данные подтверждаются значимой положительной взаимосвязью ($p \leq 0,05$) между позиционированием себя как части социума и такими аспектами социальной идентичности, как центральность, совместное времяпрепровождение, межгрупповая конкуренция и нисходящее сравнение. Следует отметить значимую отрицательную взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между тенденцией студентов презентовать себя как ответственных людей и такими показателями, как самопонимание, времяпрепровождение и сплоченность. Чем более интенсивны и благоприятны неформальные отношения в группе, чем выше сплоченность и весомее влияние группы на формирование картины мира и образа Я, тем в меньшей степени студенты склонны проявлять ответственность в принятии решений и построении своей жизни. Интересна значимая положительная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) межгрупповой конкуренции и роли гражданина. Студенты, подчеркивающие свою гражданскую позицию, в большей мере склонны к межгрупповой конкуренции и сравнению своей группы с другими. Также можно выделить значимую отрицательную взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между категорией поиска себя и центральностью, а также самопониманием. Лицам, важной частью картины мира и образа Я которых является членство в данной группе, в меньшей степени присущи вербально выраженные тенденции разобраться в себе, найти «свой путь», «свое предназначение» и т.п.

Заключение. Результаты исследования позволяют нам отметить следующее. Наиболее значимыми для студентов являются семейные роли, роли студента, личности и человека, друга; выделение таких характеристик, как целеустремленность, ответственность, дружелюбие. Отмечается снижение тенденции позиционировать себя как специалиста, что может свидетельствовать о достаточной критичности мышления и требовательности к себе как к профессионалу. Вызывает интерес проявившаяся

тенденция к сочетанию значимой роли членства в группе и вызываемых этим положительных эмоций с невысокой выраженностью у студентов роли специалиста, а также их ответственности за свою жизнь. Лица, в большей мере включенные в активную жизнь в группе, менее склонны подчеркивать свою неповторимость и индивидуальность, рассуждать о путях саморазвития и поиске себя и своего жизненного пути. Полученные нами результаты носят предварительный характер. Перспективой дальнейшей работы в данном направлении является построение модели структуры социальной идентичности студентов с последующей разработкой и апробированием программы детального исследования указанной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа / Н.Л. Иванова // Психологический журнал. – Т. 25. – № 1. – С. 52–60.
2. Микляева А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 118 с. – С. 58–81.
3. Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марциас, М.И. Патырбаева; науч.ред. К.В. Патырбаева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. иссл. ун-та, 2012. – 250 с.
4. Руденко С.В. Особенности временной перспективы студенческой молодежи в контексте социальной идентичности / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 1. – 126 с. – С. 89–95.
5. Устинов И.Ю. Эффективный конфликт менеджмент: учебно-методическое пособие / И.Ю. Устинов, А.А. Караванов, И.А. Сумских. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2012. – 184 с.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон – Москва: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

Поступила в редакцию 03.03.2022 г.

STRUCTURE OF STUDENTS' SOCIAL IDENTITY

S.V. Rudenko

This article deals with the study of the structure of students' social identity. The essence of the phenomenon of identity in modern psychology is revealed. Approaches to the study of social identity and its structure are considered. The results of the empirical study of the structure of students' social identity are presented.

Key words: identity, social identity, structure of social identity.

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

Rudenko Svetlana Viktorovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of Psychology.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона 4–8 страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, levi121@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
  - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
  - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
  - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (levi121@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2022. – № 1

На русском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 01.06.2022
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 14,0.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.